

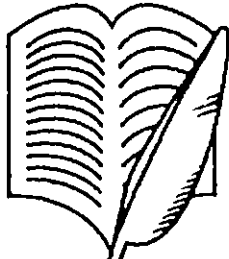
КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Станислав
ЕЖИЛЕЦ

Почти всё

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

■ КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА ■

Станислав
ЕЖИЛЕЦ

Почти всё

Екатеринбург
У-Фактория

АСТ
МОСКВА

УДК 821.162.1
ББК 84 (4 Пол)
Л 53

Выражаем благодарность
Е. Н. Гороховой за помощь
в подготовке этого издания

Серия «Книга на все времена»

Перевод с польского

Владимир Россельс и Евгений Фридман

Составитель

Евгений Фридман

Оформление серии

Александр Кудрявцев

Лец, С. Е.

Л 53 Почти всё / Станислав Ежи Лец; пер с польск. В. Россельса, Е. Фридмана. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. — 764, [4] с. (Книга на все времена).

ISBN 978-5-9757-0402-3 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)

ISBN 978-5-403-00010-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Эта книга — самое полное на русском языке собрание сочинений к 100-летней годовщине со дня рождения классика мировой афористики XX века Станислава Ежи Леца (1909—1966).

УДК 821.162.1

ББК 84 (4 Пол)

© To the edition of «Poezje», «Fraszki», «Małe mity» by Stanisław Jerzy Lec : Jan and Tomasz de Tusch Lec, 2006.

© To the edition of «Myśli nieuczesane», «Myśli nieuczesane odczytane z notesow i serwetek po trzydziestu latach» by Stanisław Jerzy Lec: Les Editions Noir sur Blanc, 2006.

© В Россельс (наследники), перевод, 2005.

© Е. Фридман, перевод, составление, 2005, 2008.

© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2008.

МИР СТОИТ НА ГОЛОВЕ. ПОЭТА *

Очерк жизни и творчества Станислава Ежи Леца

ЗАГАДКА, ЗАГАДАННАЯ САМОМУ СЕБЕ

Гюстав Эйфель часто сокрушался по поводу того, что мир знает его лишь как конструктора Эйфелевой башни: «Как будто бы я за всю жизнь создал только ее». А он, между прочим, и в России построил не одну плотину, даже был удостоен ордена Святой Анны.

Вот и герою нашего очерка — автору предлагаемого читателю тома избранных произведений — польскому писателю Станиславу Ежи Лецу не давало покоя то, что миру он известен только как автор книги афоризмов «Непричесанные мысли». А он выпустил за более чем тридцатилетнюю творческую жизнь десять поэтических сборников и имел не только формальное право причислять себя к лиге поэтов. Он был Поэтом — поэтом пронзительным, мудрым, раскованным. Именно острота поэтического мышления определила уникальность его гениальной афористики, которая сделала его имя известным всему миру. Рубленые фразы «Непричесанных мыслей» составлены из тех же слов, которыми ежедневно пользуемся мы. В них заключены идеи, на первый взгляд наивные, ловко уводящие нас в исторические подвалы. Но подтекст в них глубоко современный, даже больше — *всевременный*. Это фразы о нас же самих, но каких? — принадлежащих не себе лишь и не только своему времени, но истории.

**Мудрости должно быть вдоволь,
ведь ею мало кто пользуется.**

Попробуй оспорь максималиста Леца! Ведь не скажешь: раз в чести ваши, пан Станислав, афоризмы, выходит, велика и потребность в мудрости. Да, таков видимый смысл. Но в том-то и дело, что

* Здесь и далее афоризмы в пер. Вл. Россельса и автора очерка.

Лец как истинный мудрец раскрывается в скрытых смыслах. Поэтому спросим себя: много ли помогла человечеству мудрость, не иссякавшая во все времена? То-то. Это Лец ощутил на собственной шкуре — и когда был в оппозиции к одной власти, приближая к власти другую власть, и когда гнил в концлагере, и когда партизанил в лесах под Люблином, и когда поднимался на вершину неметафорической Голгофы, неся тяжкий крест бесприютности... Мудрость помогла самому мудрецу философски перенести все превратности судьбы. Но разгадал ли художник Лец загадку, загаданную самому себе? Именно так он определил *Творчество*.

КАК ОБРАЗУЕТСЯ FUTURUM? ИЗ PERFECTUM

А теперь все по порядку. Станислав Ежи Лец родился 6 марта 1909 года во Львове, находившемся тогда на окраине дышавшей на ладан Австрийской империи. К Австрии, ее культуре и истории, Лец всю жизнь испытывал сильное притяжение, знал на память родословные многих аристократических домов Вены, сам по праву носил баронскую фамилию де Туш (де Туш-Летц), полученную от родителей, крещеных евреев (протестантов)*. Отчасти в шутку, отчасти всерьез до конца дней своих он называл себя «личным подданным Франца Иосифа I». И когда его, одинокого скептика, будут обвинять в индивидуализме, он лукаво напомнит своим недругам, что еще в детстве на его матросской бескозырке была ленточка с любимым латинским изречением старенького императора: «Viribus unitis!», что означает: «В единении сила!».

Но не до шуток было семье, когда из-за падения Австро-Венгерской монархии и послевоенного передела Европы (1918) мать Леца лишилась своих земель за Днестром — они остались на румынском берегу. Его отец, Бенон Лец, умер еще накануне Первой мировой, и Сташека воспитывала мать, Аделя, девичья фамилия которой была Сафрин, — женщина обворожительная, добрая, но непрактичная и легкомысленная — парафраз чеховской Раневской.

* Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1968. Т. 4. С. 791.

От богатых львовских апартаментов к началу 30-х годов ничего не осталось. Подкатывавшиеся к Галиции волны Брусиловского наступления заставили Лецев бежать в Вену. Там они прожили до конца войны, там, в столице вальсов, прошли золотые годы детства будущего автора «Непричесанных мыслей».

Получить образование суждено было уже в независимой Польше, во Львове. Лец закончил начальную евангелическую школу, затем была учеба в гимназиях, в университете Яна Казимира, где Лец изучал филологию и право. К двадцати годам обозначилась перспектива стать преуспевающим адвокатом. Все данные для этого у него были: блестящий ум, репутация острослова-циника, принадлежность к львовскому бомонду, привлекательная внешность, холеность, артистизм, успех у дам. Короче, перед нами типичный представитель «золотой» молодежи буржуазной Польши. Но юноша уже тогда был поэт. А коль поэт, могла ли ему быть убежищем замкнутая социальная и духовная среда,

Где совместимы «да» и «нет»,
Где думают по моде,
Меняя мнение, как жилет,
При всем честном народе, —

как саркастически писал его любимый австрийский романтик Франц Грильпарцер? Редко расстававшийся с томиком Гейне, мог ли молодой ниспровергатель принять «счетоводную мораль и добродетель сытых рож»? Недавняя мировая бойня оставила глубокий след в душе Станислава, хотя он пережил ее ребенком.

Итак, лоно польского авангарда приняло нового «динамитчика» по фамилии Лец!

«КРАСНЫЙ» ВАЛЬС

ЛЕЦ — как клацанье винтовочного затвора. Как аббревиатура. Как псевдоним. Рифмующееся что на польском, что на русском с «конец». Для самого же Станислава имело важное значение сближение с немецким *Letzt* — «последний». И когда, неизлечимо больной,

ранней весной 1966 года он в последний раз прогуливался по Варшаве, готовящейся отметить суперкруглую дату — 1000-летие Крещения Польши, и со стен домов и из витрин магазинов смотрели портреты польского государя Мешко Первого, страдающий поэт иронично заметил: «Первым нужно было бы быть. Я — последний». К тому же в своей фамилии он угадывал еврейское звучание слова *шутник* или *клоун*, даже *циник*. Забегая вперед, заметим: игра словами, смыслами с годами сделалась важнейшей чертой его поэтики.

Но вернемся к дебюту. Прежде чем вышла первая книжка стихов, были попытки заявить о себе на эстраде. Вместе с земляками Яном Спевак, Станиславом Зальцманом, Леоном Пастернаком Лец сначала завоевывал студенческую и пролетарскую аудиторию. Нужно учесть, что в традиции польской культурной жизни авторский поэтический вечер — это не столько чтение самим поэтом своих стихов, сколько исполнение их чтецами. Пришлось и начинающим стихотворцам обзавестись своими декламаторами. Ими стали сверстники-актеры или просто знакомые. Но нервы все равно на пределе. А вдруг не придет публика! Или, того хуже, освищут! Но нет, клубы были набиты битком, и слушали с энтузиазмом. Как вспоминает Ян Спевак, «Красный вальс» Леца удостоивался обильных аплодисментов*. Политизированная молодежь искала и находила в стихах разрушительный смысл, даже если поэты его не вкладывали. Ей просто был нужен свой поэт.

Поиски новых форм сопровождались поисками союзников. Львов — город интернациональный, отсюда рукой подать до советской России, где левое искусство взяло верх над традиционным (правда, не без поддержки большевистской партии, поскольку пропагандировало ее идеи). Лец с друзьями находит общий язык с левыми украинскими (Галан, Василевская, Тудор, Гаврилюк), еврейскими (Ашендорф, Блитц, Шудрих) литераторами. Сообща было легче завоевывать идеологическое и эстетическое пространство, ибо в Польше оно тщательно контролировалось и охранялось от проникновения социалистических идей.

Первое групповое выступление в печати — в журнале «Trybu» («Шестерни»), который был ими создан не без влияния львовского

* Из книги: «Myślę że jestem. Wspomnienia i szkice o St. J. Lecu». Kraków, 1974.

поэта-коммуниста Э. Брехера, вышедшего недавно из тюрьмы. Запомним дату: Львов, 1931 год, июль. За первым номером последовал второй, но он не был даже конфискован — полиция его просто выкрала. Санационному режиму маршала Пилсудского поперек горла стала активность львовских леваков. Лец был взят полицией на заметку. Наконец, в 1933 году Лец выпускает свой первый персональный сборник, которому дает название «Barwy» («Краски»), с конструктивистской обложкой, выполненной его другом Павлом Хехтом.

Большинство включенных в книжку стихотворений озаглавлено поэтом по цвету красок. Поэтика дебютного сборника изощрена: ритм стихов принужденный, преобладает экспрессия, импровизация и тяга к гиперболе. Любовь к цвету поддерживается у него рискованными ассоциациями, причудливыми метафорами. В «Осени» у него

**в ветвях напрягаются яблоки
как женские спелые груди
деревья подмышки замшелые
стыдливо скрывают в тени —**

(без знаков препинания, как и положено футуристу).

Подражал многим. Больше влияли на него, видимо, старшие современники — Ю. Тувим и Б. Ясенский. Стилистической раскованностью, эпатажностью поз и позиций Лец как футурист добился желаемого эффекта: заставил скрежетать зубами эстетов. Эта тоненькая книжка своей антимещанской направленностью, поэтикой раздражения, сродни «Столбцам» Н. Заболоцкого, прозе И. Бабеля. Но был еще один наш соотечественник, на поэтику которого действительно ориентировался ранний Лец, — это С. Есенин, с его полем, *стынувшим в тоске волоокой и давящимся телеграфными столбами*. Ему автор «Красок» посвятил последнее стихотворение сборника. Но, как заметил Я. Спевак, «„Краски“ еще не прошли через школу фразек, они еще слишком изысканны для сатирика» *. Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем Лец все больше втягивался в излюбленную «забаву» польских стихотворцев всех

* Спевак Я. Предисл. к книге: S. J. Lec. Wybór wierszy — PIW: Warszawa, 1968 г.

времен — сочинение фразек, миниатюр сатирического содержания. Достаточно сказать, что в изданный перед самой войной Ю. Тувимом том «Четыре века польской фразки» вошла и лецевская продукция.

Следующие два поэтических сборника — «Zoo» (1935) и «Патетические сатиры» (1936) — появились на свет уже в Варшаве, куда в 1934 году перебрался не только Лец, но и его друзья Л. Пастернак и Я. Спевак. И место в столичной художественной жизни Лец, разумеется, занял на левом фланге, в чем убеждает прежде всего тональность новых книг. Оба сборника демонстрируют виртуозное владение автором всеми приемами сатиры — от иронии до гротеска. Объект сатиры прежний — буржуазное болото. Поэт не может простить сытым их спесь, самодовольство, самоуверенность. В сатире «Аквариум» ненавистные лирическому герою хладнокровные чудища плавают в стеклянном курятнике и мнят, что это Вселенная. Поза поэта в «Патетических сатирах» не оскорбленного и огрызающегося, как в «Красках» или «Zoo», а оскорбляющего, атакующего: *Гнев истории выкинет вас!* — предрекает он. Обе книжки открывают новую черту поэтики Леца — афористичность, рожденную стремлением художника к философскому обобщению, а с другой стороны, к максимальной поэтической свободе. Этой черте суждено было утвердиться в лецевском творчестве в полной мере после Второй мировой войны, когда граница между лирикой, сатирой и афористикой будет, в сущности, неразличима. «Что я пишу — афоризмы, фразки, лирику или сатиру?» — спросит он сам себя лет через двадцать и меланхолично ответит: «Нет, я пишу себя, свой дневник».

УМЕЮЩИЙ БРИТЬ ЭПОХУ

Накануне войны Лец уже известен в стране прежде всего как поэт-сатирик. Его знают по фельетонам и юморескам в «Варшавском цирюльнике», «ЛЕВАРЕ», в львовском «Сигнале», наконец, по сатирическим стихам и подписям в «Шпильках», стержневым сотрудником которых он становится со дня их основания в 1935-м. Здесь он в одной обойме с такими признанными лириками, как

Тувим, Слонимский, Галчиньский, Лехонь, в те годы не гнушавшимися сатирой. И по-прежнему он идет одной дорогой с земляком Леоном Пастернаком, сплотившим вокруг альманаха «ЛЕВАР» (переводится одинаково как *домкрат*, так и *левые художники* — «Lew+Ar», наподобие нашего ЛЕФа) радикально настроенную творческую интеллигенцию. Вместе с ним Лец создает молодежное литературное кабаре «Театр молокососов», пишет для газеты «Дзенник популярны», возникшей в 1936 году как главный орган Народного фронта.

«Участвует... создает... сотрудничает...» Что ж, подобное перечисление способно дать представление о Лече как об идеальной фигуре прогрессивного интеллигента середины 30-х годов, которые были «ренессансом» левого польского движения. Этаким профессиональный обличитель буржуазных пороков, пламенный пропагандист утопических идей. Увы, обаяние личности ускользает! А между тем, находясь в гуще политических дискуссий, пан Станислав никогда не был заядлым спорщиком, всегда предлагал рациональные решения, предостерегал от крайних выводов, в отличие от того же Л. Пастернака или Шенвальда. Разумеется, далеко не все яркие фигуры в польской культуре тех лет были связаны с социалистическим движением, как Лец и его друзья, важно другое — все лучшее в ней занимало откровенно антифашистскую позицию.

А нашему герою не было еще и тридцати, он резвился и тосковал, издевался и самоиздевался в стиле блестящего персонажа-маски из фильма «Кабаре» Боба Фосса: *Лишь бы не слышать скрежет танка и свиста пули...* Он прежде многих почувствовал в европейской атмосфере запах гари, приближение трагедии и устыдился за свое ремесло поэта, ибо оно оказалось беспомощным и лицемерным в гнетущий предгрозово́й час. Вот уж воистину *огня плевками не погасишь*. В стихотворении «К Аполлону», написанном перед войной, лирический герой Леца молит бога-олимпийца:

О, дай мне циником быть первым,
повязкой очи завязать, не охнув,
цирюльничком этаким родом из пены,
умеющим брить эпоху!

Получается, в такую эпоху лириком быть стыдно. Менее стыдно — циником. Совсем не стыдно — зверем. Просто честнее. Любопытно: образ дикого, в густой шерсти, с когтями животного проходит через все творчество Леца. В одном из самых исповедальных его стихотворений мы можем найти такое признание:

**С когтями, в чешуе, в броне — лишенный речи,
я жажду вражьих глаз кровавых. Человечьих.**

(Зачем мне пейзаж без речи человека... 1948)

И не тогда ли, после кровавой всемирной бойни, участником и жертвой которой он был, Лец отчеканит свое credo в странной, на первый взгляд, фразке, скромно озаглавленной «Утешение»?

**Верю от века в зверя, в человека.
С тех пор с оптимизмом
глажу мохнатую шкуру.
Верю в (звериную)
дрессуру!**

Да так ли уж странен, спросим себя, вывод поэта и человека, воспитанного всей европейской эстетикой и историей и ставшего свидетелем всеобщего забвения культурных корней? Эта, пусть метафорическая, дрессура наверняка является частью лецевской доктрины, лецевской веры в спасительную роль интеллектуальной, эстетической, а главное — этической муштры:

**Спрашивай, постоянно спрашивай себя, пусть даже упорно
отказывая себе в ответе.**

Леца, как и Толстого или Лютера Кинга, несколько не смущала утопичность его программы. И без посторонней помощи он знал, что его мысли являются вздором, однако подозревал, что *жизнь их ассимилирует...*

ОЗАРЕНЬЕ НА МГНОВЕНЬЕ

Человек, чьим любимым инструментом был смех, шутка, любил просиживать в кафе за работой, за неторопливой, остроумной беседой. Нищенские гонорары определили выбор места встреч друзей-литераторов — ресторанчик «Цыганерия» на Лешнове, где можно было пообедать за 50 довоенных грошей. А вечерами собирались в «Малой Земяньской», — кавярне, куда, кроме Леца, Пастернака, Спевака, приходили Гомбрович, Добровольский, Шенвальд, Гинчанка, Новицкий. Захаживал и Тувим. Среди шума, во мгле папиросного дыма Лец оттачивал приемы интеллектуальной игры, одаривал приятелей точно бьющей в цель фразкой. У некоторых из них увлечение его такой безделкой, как фразка, вызывало удивление: мол, мы призваны решать мировые проблемы, а тут пара строчек ни о чем! От разгневанных адресатов фразек Лецу порой приходилось прятаться в редакционном шкафу «Шпилек», как это делал не раз их редактор Збышек Митцнер, пережидая очередной визит кредиторов или голодных авторов. Однако выход собственной книги фразек и новых сатир Лецу пришлось отложить до лучших времен, т. е. до 46-го года.

У слова *фразка* в польском языке несколько близких значений: *пустяк, безделушка*. Недаром король фразки поэт-гуманист Ян Кохановский, служивший при дворе реального короля польского Сигизмунда-Августа (XVI век), одну из своих фразек закончил так: «Все фразки — пустяки, как их не поправляй». Близкая и к анекдоту, и к эпиграмме, и к дружескому шаржу, фразка за четыре столетия своего существования в польской литературе сумела пережить многие блестящие жанры, став национальным достоянием. Станиславу Ежи Лецу словно на роду было написано стать фразкотворцем. К двадцати пяти годам у него выработался устойчивый рефлекс — на все ситуации и события личной и общественной жизни реагировать озорным или колючим, но, главное, остроумным двустистишем (реже четверостишием). В его понимании фразка — это

**Озаренье
на мгновение.**

(Идея фразки)

Именно потому, что она моментальная реакция-озаренье, фрашка из всего наследия Леца труднее всего поддается переводу. Для факта, подброшенного жизнью, поэт прежде всего подыскивает семантико-звуковую форму, основанную нередко на игре слов, не всегда близких по смыслу. И только тонкое чутье поэта-философа, поэта-сатирика улавливает родство с тем, что до сих пор существовало само по себе.

**Все уместилось в этом даре —
от Творца до твари.**

(Всё)

Иногда бессмысленно предлагать перевод лецевской фрашки из-за невозможности воспользоваться авторской рифмой. Ведь именно конечное созвучие слов у Леца часто дает толчок парадоксальной идее, и рифма здесь обладает диктаторской властью: в ней соль фрашки. Господство рифмы у Леца составляет главное отличие фрашки от максимы. И фрашка, не стесняясь быть артистичной, часто выдерживает соперничество с максимой в глубине, оставаясь при этом всего лишь фрашкой.

**Принцип исторической «морали» —
не вникать в детали.**

(Об истории)

Неутомимый придумщик оригинальных прозвищ, метких словечек, неологизмов, Лец для своего последнего сборника фрашек (1966) нашел изумительно точное название — «Fraszko-branie». Это несомненно профессионализм. Его нет ни в польском, ни тем более в русском. Он способен означать и *фрашкодобычу*, и *фрашкосбор*, и *фрашколовство*, и *фрашкоробство*... В предисловии к своей книжке безнадежно больной фрашкороб, оглядываясь на пройденный им путь, написал: «...я рождался... много раз — и лирически, и сатирически. Каждой книгой, да что там — каждым стихом, каждой маленькой фрашкой». Он словно оспаривает факт своего появления на свет в 1909 году, настаивая на том, что *после каждой точки вновь начинается Сотворение мира*, сотворение самого себя. Но вернемся в конец 30-х, к кануну еще одного «рождения» Станислава Ежи Леца.

ТОВАРИЩ «ЛУКАШ»

Проблемы с охранкой заставляют Леца, начиная с 1937 года, путать следы: то он в Румынии, то на родном Подолье, где всё отзывалось воспоминаниями о детстве. Там его застаёт начало Второй мировой. Это уже была его война. В ней ему было что терять, что защищать, что любить, что ненавидеть. И хотя в родной Львов фашисты придут позже, летом 41-го, он знал — встречи с врагом не миновать.

В результате сталинско-гитлеровского раздела Польши Львов в составе Западной Украины отошел к СССР, и Лецу, таким образом, почти два года пришлось носить наше гордое имя *товарищ* и стать товарищем Станиславом Ежи Лецем. Не стало родины, не стало Польши! Мир рухнул! Что делать поэту? Была кое-какая работенка в еще издававшихся польских газетах, во всяком случае, его запомнили в львовской «Штандар млодых». И когда для польских беженцев-газетчиков киевское партийное начальство организовало во Львове курсы переподготовки, то Лец с неразлучным Пастернаком тоже стал их слушателем. Далеко не всем зубрам польской журналистики удалось выдержать экзамен на еще одно гордое звание — советского журналиста, но два товарища сдали его на «отлично», после чего товарищ Пастернак своевременно уехал в Москву, а товарищ Лец надеялся еще получить кафедру на факультете германистики Черновицкого университета. Несвоевременно надеялся...

Как только гитлеровцы оккупировали Подолье, Лец был арестован и брошен в тернопольский концлагерь. Второй побег ему удался — еще одно рождение! Но сколько раз он был на краю могилы! Одну он уже даже вырыл для себя, но у эсэсовцев был, видно, «вегетарианский» день. Готов к смерти он был и тогда, когда комендант концлагеря, судетский немец, неспроста прозванный «стрелком», забавлялся на губной гармошке, в то время как узник Лец мыл пол в комендатуре. И сколько бывший музыкант из катовицкой пивнушки ни требовал от приговоренного: «Закажи мне что-нибудь веселое!», — тот отвечал: «Венский вальс»...

После побега (1943) Лец пробрался в Варшаву, примкнул к местному подполью, жил на конспиративных квартирах, нелегально издавал для соотечественников газеты, а в 44-м он уже на Люблинщине.

Сам Марьян Спыхальский, будущий командующий Войска польского, а тогда главный полководец Армии людовой, посодействовал хорошо проверенному подпольщику в отправке его в зону активных боевых действий. Там, в лесах под Люблином, родился новый человек и вместе с оружием, как и положено партизану, получил новое имя — «Лукаш». Он был мужественным, выносливым бойцом, добрым, скромным товарищем. Многие из соратников по подполью только после освобождения Польши узнали, что «Лукаш», оказывается, известный в стране сатирик и поэт. В армии в должной мере были востребованы его журналистские навыки: кроме редактирования партизанских газет, он сочинял тексты листовок. Пригодилось знание немецкого.

Из его военных приключений могла бы получиться увлекательная книга, но Лец не любил вспоминать о своем партизанском прошлом. «Я должен взяться за воспоминания, — слышали от него. — Знаю точно, что когда дойду до того мига, когда в меня целятся, то на этот раз пуля меня не минует». Фронтовые переживания запечатлелись в стихах сборника, вышедшего через год после победы и названного «Полевой блокнот».

Уже после смерти Леца один из бывших командиров Армии людовой — Г. Алеф-Волковяк («Болек») вспоминал о жестоком бое под Амелином в мае 44-го. Опушка леса. Свищут пули, сыплются осколки мин. А человек с автоматом, прислонившись к дереву, сидит и находится сейчас так далеко от этого ада, что окрик командира не способен вывести его из оцепенения.

— Посмотри, — сказал солдат и указал рукой в сторону поля, туда, где замерла стройная серна. — Она не боится ни нас, ни пуль...

Как ни заклинал командир своего подчиненного пригнуться, ускорить шаг, тот, потрясенный, плелся сзади и долго еще оглядывался*. Этим неадекватным подчиненным был Станислав Ежи Лец. Эпизод с серной он запечатлел в балладе, которая так и называется «Бой под Амелином» и которая вошла в «Полевой блокнот» (1946). Она и сегодня поражает глубокой тоской по прекрасному, беспощадностью правды, вниманием к подробностям фронтового

* Из книги: «Myślę że jestem. Wspomnienia i szkice o Stanisławie Jerzym Lecu», Kraków, 1974.

быта, к человеку на войне. Поэтика «Полевого блокнота» сближает Леца со своими соотечественниками-фронтовиками и, конечно, россиянами, «окопниками». Ни у кого из них не остается места для воображаемых пространств и событий. Военная действительность превосходит все мыслимые и немыслимые картины ада. Стихи жесткие как документ, откровенные как дневник, причем человека зрелого. Это лиризм особый: если пафос, то сдержанный, если детали, то во всех подробностях. Стихотворные строчки вмещают у Леца и дотошные реалии (например, в чем похоронили двух партизанок: одну — в саване из портянок, другую — в брезенте), и острое чувство истории, понимание того, что *мир стоит на голове поэта*:

Я, который еще верит в греческих и римских богов,
который по ночам еще приносит жертвы Аполлону,
который верен реальности отдаленных
поэтических метафор, —
я не в состоянии поверить смертельной этой легенде,
в такую осязаемую правду,
как липкая кровь.

(Легенда)

С тем опытом, что дала Лецу Вторая мировая война, ему уже не расстаться до конца жизни. Этот опыт великим холодом остудит его лирику, причудливо отразится в скептической афористике, он скажется в его поведении и гражданском облике.

ВРЕМЯ КИНОЛОГОВ!

Войну Станислав Ежи Лец закончил в чине майора Войска польского, с прекрасным послужным списком, с наградами за отвагу и мужество, среди которых Крест за Заслуги, Командорский Крест ордена Возрождения. В послевоенной Польше гражданин с таким прошлым, как у Леца, должен был беспрепятственно делать карьеру. Так и случилось. Лец (а он к этому моменту уже глава семейства, молодой отец) на короткий срок становится главным редактором

возрожденных «Шпилек», переехавших в Лодзь. В тот же год, что и «Полевой блокнот», он издает задуманный еще до войны сборник «Прогулка циника» и — не подарок ли судьбы! — получает назначение в Вену на должность атташе по культуре в посольстве Польской Народной Республики в Австрии. После стольких лет нравственных и физических страданий вдруг открылась возможность душевно и духовно восстановиться — и где? — среди любимых с детства площадей и парков, пусть и пострадавших от бомбардировок, но уже заживших бойкой мирной жизнью. В не уничтоженном до конца мире книг, музыки! На спокойном, безбедном поприще, к которому он себя никогда не готовил, но которому удивительно соответствовал. Здесь у него рождается долгожданный сын. Здесь можно не спеша обдумать пережитое, найти новые слова, звуки для передачи сложных чувств и мыслей, пришедших после такой войны. После таких перемен! А вот «причесать» их, как свои поредевшие, но по-прежнему ухоженные волосы, строго разделив пробором на полезное и чуждое той идеологии, что исповедовалась на родине новой властью, пусть и доверявшей ему, — он не мог. И не имел права. Ни как поэт, ни как свободный человек и философ.

Венские поэтические раздумья он собрал в сборнике под неприязнительным заглавием «Новые стихи» (1950). Именно новизна последних лирических откровений поэта заставила одних критиков прикусить язык, других наброситься с осуждением. Лец вглядывается в мир после катастрофы. Вот люди тайком тащат для своих нужд обгоревшую кровлю, другие восстанавливают разрушенную бомбардировкой святыню, а вот старушки в допотопных регланах ищут уголь в золе для топки, кто-то из этого же муравейника, проклиная судьбу, штурмует на морозе редкий трамвай... Ни людям, ни уткам, ни чайкам нет нормального приюта в этом мире:

Загнало нас в разбитый кров.

О люди, глупые мы птицы!

(Чайки в Вене)

Лирический герой этого сборника предстает в образе солдата, завоевавшего наконец право не стрелять, но также право задавать страшные вопросы: как могло случиться подобное с культурными

народами? как я уцелел? и, наконец, как жить дальше? во имя чего? какова теперь миссия поэта?

**Я остался жить на поле непогребенных.
А мне хотелось каждому пожать перед смертью руку.
Столько их тянулось ко мне...**

(Ветер ласкает щетинку гусеницы)

В тот момент, когда лирический герой Леца с облегчением расстаётся с карабином и подсумком для патронов, проходящий на его родине Съезд польских писателей (1949) отдаёт «приказ по армии искусств» — не зачехлять оружие. Напротив, выходить на битву с безыдейностью, формализмом, на битву за нового человека, человека социалистического общества и т. п. Наступала пора, когда, по выражению Леца, *слово становилось кляпом*. Он же строфами, присланными из Европы, давал понять берутовским догматолухам (лецевское словечко), что уже не способен группироваться, блокироваться, подписывать платформы. И он находился тогда в той творческой фазе, когда сатирик становится мыслителем, когда растёт дистанция между творцом и объектом сатиры. То, что теперь оказывалось предметом его исследования, явно выходило за пределы досягаемого идеологией. Уже тогда, в странное свое венское четырехлетие, Лец мог горько пошутить:

Мир идет к лучшему. Но к чему идет это лучшее?

В таком климате не одному Лецу трудно дышалось: эмигрирует Чеслав Милош*, умирают, не дождавшись «оттепели», Константы Ильдефонс Галчиньский и Юлиан Тувим, покончил с собой в Нью-Йорке Лехонь... Кажется, и Лец понимает, что *не умеет танцевать под музыку грядущего*, и... не возвращается на родину. Оставив венский офис, взяв с собой жену и родившуюся здесь Малгосю, он бежит. Нет, не на Запад — в Израиль. Случилось это в 1950 году.

* Будущий Нобелевский лауреат (1980) Чеслав Милош на год позже Леца оставляет тот же пост, но в Вашингтоне и остается на Западе.

Что толкнуло «западника» до мозга костей Леца совершить подобный поступок, трудно объяснить даже близким поэта. То, что это было ошибкой, он понял очень скоро. И вопрос *«Ну вот ты пробил головой стену. А что ты будешь делать в соседней камере?»* задан максималистом Лецем прежде всего самому себе. Земля обетованная стала для него той самой камерой. Там, в Израиле, рухнула семья. Там, рядом со Стеной Плача, его поджидала «давно разоблаченная морока»: он не вынес отчуждения от языка, от культуры — от всего, что зовется родина.

После трудных переговоров ему разрешили вернуться на родину вместе с маленьким Янеком. Дочь осталась с матерью в Иерусалиме. Это было ударом для Станислава — куда тяжелей ожидаемых санкций за самовольное оставление дипломатического поста. Как вспоминают друзья, выглядел он угнетенным, подавленным, но не ропщущим. Возвращение его на родину, по обывательским меркам, было еще более безумным шагом, ведь шел пока только 1952 год! Встретив его, некоторые знакомые либо отворачивались, либо бросали вслед оскорбление. Тогда *среди мосек свирепствовала эпидемия слоновой болезни*. Жить было негде. На несколько месяцев блудного отца вместе с сыном приютила семья его старинного друга Яна Спевака. О работе в столице и думать было нечего. Способный, как можно было убедиться, на сильные и непредсказуемые шаги, Станислав Ежи Лец совершает в тот год еще один неожиданный, хотя и вынужденный поступок, — он добровольно едет в провинциальный городок Прушков, где в период оккупации, вскоре после побега из концлагеря, редактировал партизанскую многотиражку «Солдат в бою». Здесь он женится во второй раз, в третий раз становится отцом — рождается сын Томаш. Через два года переезжает с женой Кристиной в Варшаву и поселяется на Новом Мясте, только что поднявшемся из руин.

Периферия стала для Леца убежищем, где он смог не только оправиться от ударов судьбы, но и внутренне переродиться как творец. Вряд ли новое перерождение могло произойти так скоро и кстати, если бы его не согревало тепло семейного очага и не царила гармония в супружеских отношениях. Мир для поэта не рухнул, даже не сузился. Напротив, философски осмысливая пережитый им и человечеством опыт срединных лет XX века, он словно овладел

одним специфическим приемом — прищуриваясь, раздвигать рамки обозреваемого. Кто, как не Лец, знал, что важно при этом избегать чересчур серьезного выражения лица. Он записал важное для своего времени наблюдение:

**Придавая лицо эпохе,
можно потерять свое лицо.**

Прушковский затворник сохранил свое лицо. Но при этом он отдавал себе отчет в том, что и сам потрудился, делая пластическую операцию на физиономии эпохи. Пусть и в качестве ассистента. Далеко не все, кто стоял вместе с ним за операционным столом, осознавали это. Один из довоенной львовской тройки неистовых ниспровергателей к тому времени превратился в неистового ревнителя. Его повесть «Коммуна города Ломжи» ожидала в народной Польше судьба фадеевской «Молодой гвардии», а самого автора — ответственные посты в писательском союзе. Вот уже сановник от литературы публично унижает своего «подотставшего» друга. Но наш фрашколов бросает перчатку обидчику, несмотря на то что находится в куда меньшей весовой категории, и... выигрывает. Общественный писательский суд требует от товарища Л. Пастернака (а это был именно он) публичного извинения перед паном Лецем...

Примирила старых друзей неизлечимая болезнь Станислава. А вслед за ним с интервалом в полтора года ушли из жизни оба друга: сначала Ян, потом Леон...

ВЫЙТИ ИЗ ЯЩИКА СТОЛА

Даже будучи в тени, Лец мог бы процветать материально, поставляя на рынок развлечений скетчи, эстрадные куплеты, переводить западные бульварные романы. Но ему был мерзок рынок, о котором мечтают рабы, — рынок, где можно лишь занять господ. В эти годы он блистательно переводит любимого Гейне (но не стихи — прозу), а также брехтовскую «Мамашу Кураж». Накапливаются горькие и нежные, хлесткие и ироничные поэтические строки, нарастает поток фрашек. И именно в пружковский период он овладевает

жанром изысканным, салонным — жанром афоризма, или максимы. И когда в 1958 году выйдет первая книжка афоризмов под названием «Непричесанные мысли», по Варшаве разнесется слух о том, что в пятнадцатой квартире дома номер 5 по Рынку Нового Мяста установлена машинка, которая фабрикует пану Лецу скептические сентенции. Шутки в сторону: в тоненьких книжонках с этим оксюморонным названием, изданных во всех странах Европы и США, что ни строчка, то всемирный (без кавычек) закон. Вдумаемся:

Чем темнее, тем легче быть звездой.

Или:

И умершие лгут — устами живых.

Или:

И зло хочет нас только осчастливить.

Как все всемирные законы, законы Леца неопровержимы, они безостановочно «работают» со дней Адама. Это нравственные законы. Лец же, подобно Ньютону или Менделю, измеряет их силу (всегда на себе и на нас на всех) и формулирует их. Но пока и эти законы Леца, и лирические строфы, и фразы — все в стол, в стол (и были моменты, когда ему казалось, что *выйти из ящика стола труднее, чем из тюрьмы*) — до поры, пока народная власть не простит автору его «скоки в боки», как обычно говорят поляки о супружеской неверности.

И пора такая пришла: с Востока принесло оттепель, с Запада — сочувствие. Невиданные события произошли в Познани, Гданьске... Выход в свет в 1956 году (после шестилетнего перерыва) поэтического сборника «Иерусалимская рукопись», а в 1957-м его переиздание означали возвращение Леца к читателю. С выходом в свет этой книжки трудно было избежать ощущения, что в современную польскую поэзию вернулось ее классическое прошлое — трагизм, романтическая приподнятость Юлиуша Словацкого, горький скепсис Циприана Камилла Норвида. Уже после смерти Леца этот томик признают у него на родине одной из оригинальных лирических книг XX века (при жизни, в эпоху правления Гомулки, когда *евреи с тоской ожидали официального окрика: «Вон в Палестину!»*, подобное печатное признание было просто невозможно).

То необъяснимое или даже ошибочное самоизгнание в Израиль, о котором рассказывалось выше, разумеется, добавило горечи в личную драму Леца, но Лецу-поэту эта двухлетняя пауза, эта «остановка в пустыне», дала возможность впервые подвести духовные и творческие итоги (*Ах, долго это ожидалось слишком — да всю жизнишку...*), сформулировать жизненное credo. Первыми строчкам стихотворений этого сборника уже заявлены нравственные приоритеты поэта: «О нет, я человека продолжаю любить...», «Я рук теплоту человеческих ношу постоянно...», «Мне по душе люди прямые...», «Должна быть во мне ведь какая-то сила...» и т. д. До сих пор идеальным духовным убежищем для поэта была Вена его детства или берег Серета, речушки на Подолье, где было материнское имение. Теперь же он, еврей по крови, протестант по вероисповеданию, барон по происхождению, поляк по подданству и языку, понял, как тесно связан с Польшей. Мир сузился: осталось две стороны света — «здесь» и «там». Его физическое тело — «здесь», а душа — «там»:

**Я там все лица окон знаю,
мне дорог смех из-за оград,
я во весь дух всю жизнь шагаю
одной дорогою — назад.**

(Земли, которой соки бродят...)

Конечно, «здесь» тоже много трогает его глаз, его сознание: ближневосточная экзотика, ветхозаветная поэзия края, интересные человеческие типы, причастность к колыбели мировой культуры, но даже здешнее ослепительное солнце в его стихах «процеживает сквозь пальцы капли, красные, как польские черешни»...

СВЕРКАЛИ ВОЛЧЬИ ГЛАЗА ЛЮДЕЙ

Исповедальность как основополагающая интонационная черта пришла в поэзию Леца с фронтовой лирикой, углубилась в «Иерусалимской рукописи» и драматизировалась в последующих сборниках.

Ему останется жить всего десять лет. За это время он не только выйдет из небытия, но станет популярнейшей личностью в Польше и за ее пределами. Он издаст еще четыре поэтические книжки: «Смеюсь и допытываюсь» (1959), «К Авелю и Каину» (1961), «Объявление о розыске» (1963), «Поэмы, готовые к прыжку» (1964). В них он будет наблюдать, размышлять, издеваться, поражать поэтической дерзостью, философской глубиной, будет писать рифмованным стихом и верлибром, миниатюрные и многострочные опусы. И при этом использовать совершенно новый поэтический язык, настолько новый, что в нем с трудом узнается автор «Иерусалимской рукописи», язык которой критикой был признан совершенным. Ведь как часто бывает? Поэт, поражающий в начале своего пути творческим радикализмом, с годами остепеняется, впадает в «неслыханную простоту». Реже — наоборот: простота, лапидарность первого периода постепенно конденсируется в смысловую сложность, даже загадочность. С поэтом Станиславом Ежи Лецем, похоже, произошли иные превращения. С известной долей условности можно сказать, что он начал как динамитчик (30-е годы), в военную годину (и вплоть до середины 50-х гг.) его голос обрел традиционное звучание, а с «оттепельной» поры и до конца дней поэта звучал так, словно вновь принадлежал молодому организму, дерзнувшему передать и переварить дисгармонию быстро меняющегося мира. Этот последний период не зря называют самым плодотворным в его творчестве. Вышедший за два года до смерти сборник «Поэмы, готовые к прыжку» — это отчаянная попытка посредством излюбленного оружия — самоиронии и парадокса — защититься от собственных трагических предсказаний.

**Сверкали
волчьи глаза
людей
но действовал запрет
на отстрел волков
хмелея от незащищенности
я пробивал
невидимые стены
во мне тихо рыдала
иерихонская дудочка.**

(Поэма ожидания)

И, как тридцать лет назад, — долой знаки препинания! Мудрец пренебрегает условностями, словно догадываясь, что может не успеть предупредить человечество:

Сквозь сомкнутые веки
человеку не прорваться наружу
настойчивый сон
распахивает глаза
в себя.
Там
неоспорима явь крови.

(Поэма просвечивающая)

АФОРИЗМ ОСТАВЛЯЕТ БОЛЬШЕ МЕСТА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Но не стихам суждено будет прославить имя Леца. А неожиданно для него самого и для литературного окружения — «Непричесанным мыслям». Когда, разбросанные горстями по журналам и газетам, они наконец были собраны в одну книжку (1957) и изданы, то произвели странный эффект: общество будто получило подтверждение своего существования, ибо оно насквозь было просвечено лучом лецевского анализа. Причем без указания на конкретные обстоятельства, тем более на личности — сплошные двусмысленности, аллюзии, парадоксы. Да тут едва ли не чистая философия разума, чистая моралистика!

Афористика потомственного барона Станислава Ежи Леца возникла не на пустом месте. Польский критик Яцек Лукашевич выделил три главных источника: немецкие и австрийские сатирико-еретические изречения рубежа XIX—XX веков, рационалистическая афористика французской аристократии XVII—XVIII веков и наиболее глубокий источник — библейская афористика, а также талмудистская традиция и еврейская мудрость*. Мы уже знаем

* Яцек Лукашевич. Из книги: Stanisław Jerzy Lec. *Utwory wybrane*. Т. 1. Wstęp.

автора «Непричесанных мыслей» в двух ипостасях — лирика и сатирика, теперь предстоит познакомиться с еще одной — моралиста.

Успех «Мыслей» в интеллектуальных кругах полный. Через два года второе издание, дополненное. В 66-м — «Новые Непричесанные мысли». Притом сотни максим оказывались «непроходными»*, однако, подобно поцелую, они передавались путем устной традиции. Понятно, успех не мог не радовать Леца, но до конца жизни его больно задевало то, что долгожданное признание, о чем мы уже говорили, пришло к нему совсем не с той стороны, откуда он ожидал. Он никогда не скрывал, что афоризмы — это лишь «отходы» от основного производства, коим для него была поэзия. Кто, как не он, знал им цену: «Непричесанные мысли» — это цитаты из трагифарса моей жизни. В совокупности — они нецензурны. Но дело-то в том, что «Непричесанные мысли» есть продукт поэзии, с ее игрою слов, игрою смыслами, со всеми без исключения тропами и безудержной фантазией. И все это спрессовалось в крохотный мячик для игры в умственный гольф, упругость которому придает ирония. Игра, переросшая в существование.

Несчастливая земля! Тень ото всех нас падает на нее — вот мысль, способная напитать поэму; став же эпиграфом романа, быть его лучшей строкой! Недаром первому американскому переводчику афоризмов сам автор рекомендовал «трактовать их как поэзию и не слишком обращаться к поточной прозе». Иные высказывания Леца удивительно легко расщепляются на стихи и способны конкурировать с его верлибрами:

**Некогда я отправился на ловлю звезд,
но в мои сети попалась
лишь одна — наша Земля.**

А с другой стороны, в его фразах, зачастую пародирующих современные языковые штампы, такое интонационное богатство, что

* Только через 30 лет после смерти Леца на польском языке была издана книга «Myśli nieuczesane, odczytane z serwetek po trzydziestu latach». (Noir sur Blanc, Szwajcaria, 1996), включающая в себя более 2,5 тысяч его афоризмов, которые либо ни разу не публиковались, либо печатались только в периодике и которые целиком включены в настоящее издание.

теперь уже читателю хотелось бы рекомендовать: не прилепляться к слову. Замечательный театральный педагог прошлого князь С. Волконский учил, что «слово имеет бесконечное число смыслов, и только интонацией определяется настоящий смысл каждого данного случая*». Вот и Лец предупреждает:

**И словечко «да» может быть
непричесанной мыслью.**

ДО КОНЦА! ТАМ ВСЕ СОЙДЕМ

У него была слабость — выискивать в газетах упоминание о коллегах, о себе, но больше, конечно, о себе. Каждое утро его начиналось в Клубе международной книги и прессы. «Эх, — вздыхал он, — если бы моя фамилия была бы столько же раз упомянута, сколько раз демонстративно опущена». Но все чаще цепкий глаз профессионального газетчика выхватывал свидетельства об успехе *Непричесанных мыслей* в Вене, Мюнхене, Праге, Нью-Йорке, хвалебные рецензии в «Ди Вельт» или «Лайф», «Паблишер Уикли» или «Ди Цайт»... Его самолюбию не могло не польстить известие, например, о том, что в одной из своих речей в ООН Эдлай Стивенсон, дипломат номер один в правительстве Дж. Ф. Кеннеди, ввернул лецевский афоризм, или что в мировую антологию афоризмов, составленную английским поэтом У. Х. Оденем, вошло десятка полтора его максим. «Тайна моего существования лопнула для широкой общественности в момент появления первого зарубежного издания „Мыслей”», — не без удовлетворения констатировал он.

* * *

Летом 1958 года, просматривая, как всегда, по диагонали газетную полосу, он замрет над кратким сообщением из СССР: умер

* *Волконский С.* Выразительное слово. Опыт исследования речи в жизни и на сцене. СПб., 1913. С. 72.

Михаил Зощенко. Одной фразой на полстроки в записной книжке Лец почитит память товарища по цеху, испытавшего горькую участь отверженного, перенести которую было не в его силах: *Я был читателем твоих томов молчанья*. И всё. Лец беззвучно кричит вслед несчастному другу, в вечность: ты услышан, тебе не о чем жалеть!

О том, что его переводят в Советском Союзе, Лец знал, но, к сожалению, так и не дождался вести о выходе в Москве отдельного издания «Непричесанных мыслей» (оно появилось лишь в 1978 году в переводе Владимира Россельса). До Леца доходили слухи о популярности его фраз в студенческих и вообще интеллигентских компаниях. В них, действительно, было шиком щеголять лецевскими хохмами, вроде этих: *Мир без психопатов? Это было бы ненормально*, или: *А голые женщины тоже умны?* или: *Даже в его молчании были грамматические ошибки*, и т. п. Их горсточками публиковала «Литературная газета» и другие издания, где был раздел юмора и сатиры. Пан Ведущий из телевизионного «Кабачка „12 стульев”» превращал иные лецевские сентенции в свои репризы. А московские, рижские, одесские кавээнщики в «домашних заданиях» выдавали Леца за своё или на полчаса становились маленькими лецами, подражая большому. Автору данной статьи вспоминается эпизод из нашей жизни начала 70-х. Традиционная московская кухня. Сегодня хозяин потчует очередной порцией «самиздата», только иного рода. Из катушечного магнитофона доносится голос непрофессионального декламатора*, отчетливо произносящего короткие, емкие фразы того самого мудреца из Варшавы. Слушающие нередко требуют вернуть пленку назад. «Бисируется» почти каждое высказывание. Потрясает беспощадная сила правды.

У набатного колокола должен быть смелый язык.

Искусство было его страстью. Он его преследовал.

Время делает свое. А ты, человек?

Тогда казалось, что их автор, несомненно, диссидент, а двусмысленность и языковая простота — только мастерское прикрытие

* Это был голос известного историка, издателя самиздатского журнала «Политический дневник» Роя Медведева.

политического смысла. Как выразился сам Лец, «находятся такие, для которых всякая глубина отдает подпольем». Тогда хотелось улавливать его намеки в каждой максиме и, представьте, удавалось — даже в самых невинных, хотя какая из лецевских фраз «невинна»? Позднее, когда открылся весь спектр его афористики, Лец уже не казался ортодоксальным противником тоталитаризма. Он предстал одним из немногих современников, не потерявших не только чувства юмора, но и — чувства стыда.

А может быть, выдумаем быстренько какой-нибудь другой отсчет времени, чтобы не находиться в XX веке?

Стыдно бывает, когда совестно. Стыд не позволяет смеху выбрать безопасную позицию — в стороне и чуть выше остальных, чтобы на почтительном расстоянии наблюдать, как ошибаются другие, злословя на манер уайльдовского сэра Генри. Мысль последнего всегда «причесана». Лец же не делит мир на себя и остальных, он вместе с ними, он один из них. Стыд делает его смех силой возрождающей, светлой, будоражающей нашу память, нашу совесть. Он не боялся быть шутом — шутом ее величества Эпохи (берем без натяжки выше — Истории) в то время, когда у иных шутов бубенчики звучали фальшиво.

Шутовски, в беспорядке, не зная рубрик, лецевские мысли непричесанно рассыпались по страницам, перекочевав прямо из записной книжки, с которой он не расставался ни за чашечкой кофе, ни в трамвае, где, кстати, подбирал начала многих будущих перлов. Вот где-то подхвачено — *Упражнять память...* А вот выпущено на волю:

Как упражнять память, чтобы научиться забывать?

Оказывается, одна трамвайная фраза может оглушить сильнее манифестов и манифестаций:

До конца! Там все сойдем.

Часто афористу для своего изделия формально нужна лишь точка отправления. Он натаскан на нее, как ищейка. Сама действительность подбрасывает ему материал. Не крупинками — россыпями. Но

Лец не был бы Лецем, если бы добывал лишь сырье. Лец феноменален в изготовлении заключений. Вот где игра ума, игра словами, понятиями! Итак, посылка: *Люди растут*. А вот заключение: *И уже не умещаются в сердце*. И снова: *Люди растут*. Вывод уже иной — *Трудно им будет укрыться*. Будьте уверены, это не последний вариант. Итак, одна посылка — и сколько следствий! Не это ли цель поэта и философа? Именно опыт поэта помогает Лецу сполна реализовать метафорику, заложенную в обывательской речи, и благодаря ей подняться до парадокса, до именно непричесанной мысли, что, в свою очередь, и выводит эту мысль на уровень философской.

**Даже Бог обречен как-то заявлять
о своем существовании,
чтобы быть для нас Богом.**

Впрочем, это не Лец. Это Хосе Ортега-и-Гассет. Но как похоже! Ибо философ — тот же поэт. И мнится, похожесть эта льстила бы обоим. Знаток польской поэзии и крупнейший ее переводчик Владимир Британишский в единственной у нас серьезной работе о творчестве Леча* неспроста сопрягает интеллектуальные и этические установки польского поэта-философа с философией и этикой его предшественников. К таковым он относит прежде всего Сократа. Мудрость Леча В. Британишский называет человеческой мудростью, напомнив, что именно так Сократ определил свою мудрость, противопоставив ее «сверхчеловеческой». В той же статье говорится о поиске Лецем простоты языка. Наш герой вновь сопоставляется с другим великим предшественником — Мишелем Монтенем, который воскликнул: «Почему я не могу пользоваться той же речью, какую пользуют на парижском рынке!» «Точно так же и Лец, — подытоживает литературовед, — если ему не хватало словечек и выражений варшавской улицы, вставит что-нибудь не-варшавское и добавит только: *Как говорили у нас во Львове*».

Кажется, вся мировая история, мифология, символика привлечены Лецем, чтобы расширить духовные (бездуховные) пределы

* Вопросы литературы. 1968. № 8.

(беспредель) XX века — Каин и Авель, Герострат, Прометей, Джордано Бруно, Наполеон, Колумб, звонарь, еврей, палач, гений, ангисемит, поэт Икс, шут, тиран, людоед, виселица, маятник, колокол, листик осины... В его философемах, говоря словами Мераба Мамардашвили о Декарте, «действуют какие-то элементы, языковые, изобразительные и в то же время — конструктивные, ибо они конструируют, а не изображают смысл, не обозначают, а впервые рождают, создают: какая-то движущаяся конструкция*».

**А может быть, Вифлеему место
поблизости от Содома и Гоморры? —**

так рискованно Лец манипулирует библейскими топонимами, рождая совершенно новый, трагический смысл, подсказанный и собственным опытом, и ходом новейшей истории, под каток которой не раз попадал мудрец с берегов Вислы. Он умел пускать ленту прошлого в замедленном повторе и требовал от себя, чтобы каждое точное определение мира было парадоксом.

В последнее десятилетие за подписью Станислава Ежи Леца в прессе время от времени появлялись прозаические зарисовки с весьма странными сюжетами. Редко в какой из них в качестве действующего лица не выступал бы сам автор. Однажды он видел, как змейка, извиваясь в песке, выводила буквы, из которых составляла послание, адресованное явно ему, или в другой раз: он наблюдал, как человек, левой рукой сняв с себя голову, правой причесывает усы и бородку и т. п. Подобные сюрреалистические истории Лец называл «Маленькие мифы». Они словно вышли из его ночных кошмаров и видений памяти и очень тесно связаны как с «Непричесанными мыслями», так и с лирикой, особенно последнего тома — «Поэмы, готовые к прыжку». На этом основании польская исследовательница творчества писателя Лидия Коска убеждает не принимать «Маленькие мифы» как факт еще одной ипостаси Леца-прозаика: «Лец как поэт был лириком и сатириком, как афорист — поэтом, как прозаик — одним, и другим, и третьим».

* Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993.

МЫСЛИЛ БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

Он умер 7 мая 1966 года. Болел долго. Мужественно, по-солдатски терпел боль, сознавая, что нет шансов выздороветь. Диагноз был ему известен — рак. Похоронен с почестями, приличествующими воину, на воинском же кладбище Повонзки в Варшаве. Незадолго до смерти удалось попрощаться с возлюбленной Веной, где ему так легко когда-то дышалось и писалось и где сейчас в типографии набирались строчки его стихов на втором родном языке — немецком. Удалось вдохнуть напоследок и глоток парижского воздуха. Его коллеги-писатели группой курсировали по музеям, шли на поклон к «единственному» творению Гюстава Эйфеля, а он, как вспоминал Виктор Ворошильский, сидел на террасах кафе и, потягивая красное вино, любовался безмятежной, разноликой толпой...

Столик в кафе — уличном или Союза литераторов на Краковском Предместье — это его привычное место работы. Оно создавало специфический ракурс. Вокруг него всегда собиралась публика — знакомые, незнакомые, притянутые его обаянием, расположенностью к беседе, шутке. От него узнавали европейские литературные новости, последние анекдоты, может, им самим и придуманные, а «гурманы» первыми отведали свежее испеченную фразу или фрашку... Перед ними сидел крупнейший мыслитель, как окрестила его американская газета, великий моралист, как сразу после смерти назвал его отечественный критик, и трогательно объяснял, какими достоинствами отличался последний император Австрии дедушка Франц Иосиф!..

Он, действительно, «вел бессмысленную жизнь — мыслил без передышки».

Евгений Фридман, 1998, 2008 г.

ЛИРИКА

Перевод
Евгения ФРИДМАНА

Из сборника «КРАСКИ»

(1933)

ГОЛУБАЯ

солоно в раздутых ноздрях
солоно ветру в легких
вал еще не одрях
и — через борт усилием легким

бешенством надраена морда
рассветного горизонта алей
ну что сукин сын тоскливо в море?
в мамкиной юрте поди веселей?

или к девке еще охота
апосля затяжного поста?
и за сто кабельтовых запах бабьего пота
ловишь чутьем наподобие пса

но ты на императорском крейсере сволочь
тебя здесь научат устав любить
да что тебе? ты клыки свои волчьи
в сало готов в любой миг запустить

мужицкие зенки твои голубые
прихвачены льдинкой разлук
стали как сталь эсминца стальными
жилы твоих загрубевших рук

еще озон-живитель не взял вас измором
тот что высвежил балтику вздыбил кронштадт

херсон всколыхнул, одессу — все черное море
что флотам заказал возвращаться назад

эй синеблужье эскадры дойдут ли
или ко дну — в дымке нового дня
эй море ткни их в берег распутный
прибоем ярости в материк октября!

по городам куда старость закралась
обросшим дымами — хрясь — и к сердцам
нахлынь волной голубая ярость
а песня красная прильни к губам

ТЕМНО-ЗЕЛЕНАЯ

а женщин томила истома

и — если б не свежестъ вишен

что винной струею смывает

апатию с дёсен — они

на нас упали бы в обмороке

как папоротники нависшие

когда самих нас как зерна

ветер сдувает с нив

пройти невозможно мимо

поздней земли июля

мимо уставшей зелени

зрелости женских чар

предвидел ли кто когда-нибудь

что памяти спящие улья

хранили бы темно-зеленую

женщин и трав печаль

кого бы еще осенило

соединить в воображенье

дыхание женских сумерек

с удушьем июльской жары

мы знаем однако что это

в нас остывает жжение

изгибов рук этих белых

локтей и смычков порыв

что ваши глаза гнездились

в тиши этих бедер как птицы

чтобы вернувшись в осень

здравый смысл не убить

а эта печаль лишь для оды

темно-зеленой годится

для темно-зеленой разгадки

поздней женской любви

ЧЕРНАЯ

о руки, протянутые в пространство черного, влажного

о мысли, мышью трусливо бегущие впотьмах,

о завтра! поступи дай же нам,

чтобы танцующая тревога осталась в нервных стопах

всюду назойливо словно мухи жужжат подозренья

мол жар наших слов погасит стылая как нетопырь длань

значит сквозь капилляры сознания вольем мы в движенье

отважного пафоса мягкую ткань

неиссякаемая стекает мысль по черному мрамору ночи
так звездам в час звездопада струиться по крышам не лень
фонариком смеха пальни — и увидишь воочию
на лицах припертых к безмолвию охранника мрачную тень

БЛЕДНО-ЗЕЛЕНАЯ

сначала был только запах, как подозренье воздушный
и были одни только губы, шептавшие запахом душным

и только падали капли, звеня в темноте стеклянисто,
и ветром слова относило, словно в предчувствии листьев

птиц мы будить не будем, одни прокрадемся аллеей
и бледно-зеленая краска меж пальцев течет, холодея

в глазах твоих сны хоть и смыты, движения их вспоминают
и волосы колыбельную в уши тебе напевают

деревья в росе промокли, лучше ко мне прислонись ты
в глаза мне не бледно-зелено, взгляни осмысленно-истово

забудь эту бледность зеленую, и да пребудет зелень
не стоит грустить о краске, о дымке той предвесенней

ЖЕЛТАЯ

лимоны тоннами лимоны
цыплят продрогших миллионы
под квочкой необъятной солнца
и словно
ветви пальмы стонут
под желтым натиском лимонов

кислые немые канарейки
въесться в запах ваш бы рьяно-острый
вышибут мурашки вон из кожи клейкой
о вороньи вороньи ноздри

афродиты негритянской груди
острые соски беспомощно повисли
о хотя б метафоры орудьем
я лимон над солнцем бы возвысил!

ОСЕНЬ

в ветвях напрягаются яблоки
как женские спелые груди
деревья подмышки замшелые
стыдливо скрывают в тени
и все обжираловки жаждет —
как строчек невыпетых груди
в гортанях юных поэтов —
осень входит в зенит
весеннее было зачатые
льда серебристым крушеньем
а в знойном дыхании лета
беременности недуг
юноши не краснейте —
к нещадному разрешенью
деревья и землю женщины
на лоно золотое ведут

БЕЗУМИЕ

В свое отраженье уставился я, себя изучаю подробно,
и что же?
да, я высок, элегантен, красив, словно актер видный
но в зеркале вижу, со мною стоит какой-то бродяга
ничтожный
при этом меня озирает он без респекта и даже бесстыдно
странно, в других зеркалах столь красивым себя я не видел
ни разу
а здесь у витрины случайной вдруг превратился я
в собственного Колумба
смотрю я — а странный бродяга встал предо мной
на колени в экстазе
глаза его смотрят то глупо умильно, то адски разумно
подобно булыжнику в мостовой — я пан элегантный спешу
удалиться
в зеркале после меня остаётся бездонный порез,
он в сознании точно
уже и шаги мои стихли — куда ж я из зеркала мог
провалиться?!
там лишь остался бездомный — в упор глядит на меня
и думу свою он точит

НА МИТИНГ

смолисто пахнут доски сосновые
на скорую руку сбитого подиума
толпа заливает поляну звонами
знакомой, горячей мелодии

взгляды цепко смолою приклеены
к лозунгам, на каменных стенах, эй, прохожий ранний,
вагоновожатый, велосипедист самоуверенный!
присоединяйтесь! из апатии дня вас вытащит слоган на кране

грянули такты ритмичного марша
об асфальт утреннего неба
свёклы кулаков вздетые мрачно
требуют работы и хлеба!

доски, чурбаки обтесанные пахнут, обдают смолою
факел живых благовоний веет над пурпурным варевом
переполненная улица извергается клокочущей толпою
солнце выкатывается в поднебесье червонцем кровавым

от нарастающих масс переулки как шланги вздуваются
скрежещут жалюзи, стекло хрустит в конфузии
в соседнем кафе за чаем с ромом бодрящим щурясь
вожак соцпартии к чертям сплавляет последние иллюзии

СОЧЕЛЬНИК

и станет сторожем береза в полный рост
и словно нафталин такой домашний
хихикать будет снег через отверстия звезд
на темно-синем куполе бумажном

и будет все искусственно кругом
как в сказке про замерзшего малютку
что украшает в рамке каждый дом
под елкой примостившись так уютно

и на простынной белизне снегов
следов зайчишки глаз не обнаружит
и шепот чьих-то перепуганных шагов
безмолвье клавиш тоже не нарушит

и лучшим украшеньем старый трюк —
словно паяц в гримасе тужась
качаться будет чей-то труп
в глазах которого застынет ужас

и мыслями одними тихо словно вор
проникнет страх по хныкающим сходням
но это ложь банальный приговор
вчера такой же точно как сегодня

и только рассветет угрюмо над землей —
весь в белом сад без листьев и без ягод
в рождественской витрине угловой
оголодавший вымыслит бродяга

Из сборника «ПАТЕТИЧЕСКИЕ САТИРЫ»

(1936)

CONFITEOR

Знаю, ты горд — и, пальцы подставив, ты сдюжишь
если вонзится иголка луча через щель, но смотри
какую зацепишь ты темень из аксиомы досужей
чтобы идя на рожон удержать Ниагару зари?

Времени нерв дрожит. Да, я верю в человека страстно
и в уязвленную истории бездну
знаю — вихрь наших дней умчит в приливе властном
вашу лихорадочную музу за остатки волос куда неизвестно.

Глиняный, по столетьям рассыпался пред Господом Голем
Умер. И ну его с Богом.

Верю — люди создадут человека, верю глубоко, до боли
выдохнет с вихрем истории он Прометеев огонь

АКВАРИУМ

Что вам осталось? Плавать
в аквариумном затишье душном —
фаталистическим рыбьим тушам
Но есть же пространства право

У вас же все так правильно
и одновременно так затхло
что солнце водой разбавлено
оно без запаха

Кормитесь как в раю
да и то по календарю

Хладнокровные чудища
что ж вдыхайте
свою тесноту беззубо
выбрав себе сей курятник сей угол
Вы мните это вселенная? Ха!
отдыхайте!

Ваш взгляд источает муть не стыдась
и ничего не выражая ровным счетом
Купаетесь в тине
верите что с почетом
а это банальная грязь

Но если вдруг
мгновенно всё кончится
и лопнет всей толщей вода —
кверху
подобно сердцам тогда
глубины пойдут
растопырясь и корчась —

долго же будут на глади воды
беспомощно белые ваши торчать животы

Из сборника «ПРОГУЛКА ЦИНИКА»

(1946)

О САТИРЕ

Свои я сатиры читал им,
в экстазе публика хлопала,
аж с потолка слетала
известка снежными хлопьями.

Когда о глухих декламировал,
горбатые били в ладоши,
когда колченогих третировал,
заики визжали истошно.

Хихикал слепой, как воришка,
над эпилептика счастьем,
и слюни, подобно детишкам,
пускало в партере начальство.

И если издевкой я снова
касался неловко кастрата,
резвился во всю безголовый,
и ветер гулял по театру.

Утро покончило с теменью,
слава полночная — в клочья.
Срываю венок я с темени
и долго вою по-волчьи.

К АПОЛЛОНУ

О, дай мне циником быть первым,
повязкой ночи очи завязать, не охнув,
цирюльничком таким родом из пены,
умеющим брить эпоху!

Смеяться дай над узником утонченно,
казать ему язык сквозь щелку
и бритвой,
человеческим достоинством заточенной,
брить трупам щеки!

Сплющи мне, боже, подошвы и душу,
чтобы я мог мостовую собою утюжить,
чтобы под треньканье арфы при этом
кровью мой враг истекал
под блестящей штиблетой!

Откинь же со лба мне
клок неба завитый,
и вытащи песен и запахов кляп,
и в крови моей меня не зови ты,
хоть пару мне дай окровавленных лап!

Ах, парочка лап с нежно-розовым лаком
на острых, холеных когтях!
О, как же приятно глумливой собакой
по клавикордам ударить в размах!

Ах, упоительное танго
и дух пачулей!
Лишь бы не слышать грохот танков
и свиста пули!

Да буду чудом эпохальным,
полуцирюльником — и пусть!
Полужандармом — гениально!
Хоть полубогом — не откажусь!

Так вырви из меня хоть крик ничтожный
и вытрави лиризм — зарю, ночную мглу!
О, выдерни, брат Аполлон, мой боже,
твою горящую во мне стрелу!

1938

ПРОГУЛКА ЦИНИКА

Среди серокрысы́х домов
пан вершил моцион,
душистой розой помахивал он.

Розовая роза цвела у пана в ладонях,
и капало с листьев ее благовонье!

И так пан шагал через серый квартал,
ладони свои, как горшочек, держал.

И детки больные, что в окнах беззубых,
без боя сдались ему. Белые губы

свесили, будто поникшие флаги,
и только на розу глядели бедняги.

Головки приподняли, с дюжий кувшин,
чтоб розу душистую пан в них вложил.

Летят на панель лепестки, розовея,
и розовым путь отмечают злодея.

Из уст онемевших любого ребенка
повеяло флагами кислых пеленок.

Их матери в страхе трясутся животном
и колыбельные шепчут утробой голодной.

И только исчез за углом серокрысым
пан, что разрушил розою крыши, —

из позвоночника сточной трубы
в тот же миг
вылился детский скрежещущий крик.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Анджей зарыдал прямо в рупор —
милый, да ты ж новый жанр открыл!
И снова бултых в свое отечество —
в небытиё.

Я ж в это время принимал горячий душ
кровавой хандры
и, смыв с души пот семитских скрижалей,
облачался в чистое бельё.

Хотелось завывать: «Нееееет!» —
до разрыва теплоцентрали.

А тут еще сорвался со шнура Анджей,
висельник мой.

Нет его?

Поднимаю весь дом — не видали?

Ах, умер! Осанна ему!

Я не верю —

это же фокус его очередной.

В комнате — я, дух цензора. И всё.
И меня трясет.

Что за новаторство в лирике такое,
где новое — невозможно!
Мне самому глаза вам открыть придется:
моя муза — плодовитая девка безбожная,
оплодотворенная европейским порядком,
ее как порядочную просят,
а она не дается.

Итак, я с духом цензора наедине,
он светится во тьме,
как плазма,
вот-вот подойду к фазе я,
когда моя больная фантазия
начнет заразные излучать миазмы.

У меня сегодня
поэтическая ночка,
событие за событием,
прибытие, отбытие,
наполеоны,
цезари,
и на моих глазах
материализуется дух
цензора.
А зайди к цензору в комитет —
у него вовсе души нет.

Из его пера крови ручей
льется на повести дней
наших.

Любимый Анджей,
сегодня меня слова обжигают,
и всенощной звоны не помогают,
новаторский стих не дается мне.
Сегодня возможно вполне,
что стих открытия
станет стихом закрытия.

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ КЛОУНОМ

Звёздочками глаз, которых тыща,
кто-то купол присобачил цирковой.
Ах, не бойся, ах, не бойся, моя любя!
Знаю-знаю, ах, моя голуба,
что впервые в цирке ты же.
Так танцуй губами и плечами пой!

Дам прозрачных, словно банки конфитюра,
ветер смёл с арены, будто листьев сор.
Зрелые тромбоны — это клан обжор,
флейты виноградника топчутся понуро.
Солнечные легкие я вытащу из ульев,
Пусть медово сердце снова к сердцу льнет,
с этого момента из сонат безумья
выжимать начну я рой пчелиных нот.

Сердце мое, сердце, точенное до глянца,
выпусти на волю ты гусей, не то...
Белых, белых, белых! Белых — словно кто?
Бедных, бедных, бедных попастись!
А на фортепьянах кто-то домогаться
будет: до-ре-ми-фа, до-ре-ми-ля-до,
«до» — мне до которого уже не вознестись!

Ах, не жми на соль-диез, миленький гусенок,
чьи глаза подмыты ржавою волной.
Смыты со стены все тени до одной,
и рассеян взгляд мой, сонный, сонный,
между куполом и нитью световой —
между пауком и клянчащей струей.
Вылепи из нот для ласточки гнездо,
песенкой, где розовые пальчики поют,
руки мои шар Земной к ногам твоим кладут, —
песенкой ты деток убаюкай заодно.

Метеор о землю звезданулся больно,
он оттуда, где еще комета цирковая,
бело-бело-белая, кружится в вальсе вольном
на лонже, что держит на века оркестр.
Глянь, как накренилась ось земная,
глянь, как накренилась ось земная —
от нажать клавиши той самой — соль-диез.
Крик, испачканный помадой старых дев —
пал с башки британского сержанта лев.

Глянь-ка, из-под кепи — уж не у меня ли? —
скромные овечки возвращаются с плато,
да, они питались там травой воспоминаний.
До-ре-ми-фа-соль-ля, ре-ми-фа-соль-до,
Глянь-ка, голубок уже взметнулся ввысь,
тот, которого мы так с тобою ждали!
До-ре-ми-фа-соль-ля, ре-ми-фа-соль-до,
«до» — мне до которого уже не вознестись!

К МОИМ ПРАВНУКАМ

Придут ко мне правнуки, спросят с упреком:
«Как мог ты, прадедушка, петь в ту эпоху,
когда ненавистные деспоты местные
день в ночь превратили, но в Варфоломеевскую?
Что сделал ты, чтоб поставить их стенке?
Искал в крови алой гвоздики оттенки,
гордился ты солнечным бликом на стали,
которой народу клеймо выжигали...»

Придут они. Вижу их ясные лица:
«Прадедушка, как ты так мог осрамиться?»
И что же, панове, потомкам отвечу я?
Одно: «Гоп-ляля». Ну а больше мне нечего.

Май 1939

МОИ ПОСЛЕДНИЕ ФРАШКИ

Смотри, еще сердце язвит и мелодию ловит,
качает строптивость по капельке тяжело —
и это, наверно, сегодня последняя фрашка,
а завтрашний день потребует крови —
не метафорической крови, а нашей.

Из сборника «ПОЛЕВОЙ БЛОКНОТ»

(1946)

ПЕСНЯ

Лесное озеро — сплошная мякоть
черники, что давили мы,
июнем тем идя в атаку,
и были рты у нас черны.

И сладкими казались песни
от горечи черники той.
Мы засыпали в этой смеси
крови и пота в лютой зной.

Письмо мне диктовал товарищ.
У пня вдвоем сидели мы.
— Ты напиши, о чем мечтаешь,
черничными чернилами.

Приказ на запад был идти нам.
Был теплый ветер с Вислы волгл...
Со лбом, обрызганным черникой,
в лесу товарищ мой умолк.

ПАРТИЗАНСКИЙ НОЧЛЕГ

Сосна, как наседка, нависла над нами,
а мы — у корней, полоненные снами.

И каждый сустав чует близость трясины,
нам не разжечь костерка и бензином.

Вот ноги утопленниц. Две партизанки.
Где же тут невидаль? Саван — портянки,

брезент — для радистки. Я слышу ночами
жука-короеда на домре бренчанье.

И, сон разрывая, ухает птица,
да нечем, увы, с головою укрыться.

Как бабу, боец автомат согревает.
Сколько до фрицев? А черт его знает.

Бьют вшей кое-как мои хлопцы храпящие,
есть что-то геройское в них, настоящее.

Шуруют по ним муравьи, надрываются...
Вдруг лошадь заржет, и наш сон прерывается.

И мордой, дымящейся лугом, гнедая
по снам и по гривам нашим блуждает.

Не спят караулы, согласно приказу,
но сны видят тоже, одним только глазом.

ЛЕГЕНДА

За семью горами тумана,
взметенного пылью забитых шоссеек,
взрывами бомб, дымами крематориев,
за полной слез колыбелью Леты, —
звали меня когда-то Станиславом Ежи Лецем,
были у меня дом и мать, были у меня дом и жена,
и когда проходил мосточком через милый мне Серет,
то, склонясь над солнечной шелухой,
я видел подобие улыбки на своем лице.
За семью горами трупов,
поразительно похожих на меня,
за опустошенными полями забвенья,
где песок пересыпают лопатой
с платформы на платформу, —
у меня были друзья с такими чистыми душами,
как дыхание в морозное зимнее утро.
Когда же смотрел в их уставленные на меня глаза,
я видел вспышку всемогущества в бессильных моих зрачках.
Я, который еще верит в греческих и римских богов,
который по ночам еще приносит жертвы Аполлону,
который верен реальности отдаленных
поэтических метафор, —
я не в состоянии поверить смертельной этой легенде,
в такую осязаемую правду,
как липкая кровь.

ANNO 1943

Бывают передышки тишины
меж вспышками двух молний. Открываю
я книгу. Вдруг горячий шквал войны
смывает буквы, текст долбит кровавый,

он дым и землю кровью пропитал,
приговорил отныне он природу
плодить могилы среди мертвых трав,
словно озимые и яровые всходы.

И жизнь, и смерть сегодня на весах,
на тех, что взвешивали хлеб мой точно.
Истерзан каждый миллиметр лица,
скрывавший смерть своих соотчичей.

И в сердце заглушить хочу недуг
конспиративности. Его я прячу,
от оккупанта, от соседа, как в бреду —
от друга близкого, а от себя тем паче,

ибо одна картина по ночам,
одна всего — мне веки жжет до плача:
пылает гетто на Подоле. Там —
сгорая в пламени, мои евреи скачут.

Кто в Польше был в тот год резни,
и был евреем, и восстал из мертвых,
тот мудрым стал, его как ни казни,
умрет он, как апостол, Богу лишь
покорный.

Как тяжело в подземелье том дышать
от конспирации! Слеза застыла.
Беда, могила не спешит меня принять —
земля, что соками меня поила.

ПАРТИЗАНСКИЕ СТРОКИ

Здесь обомшелая тишь меж деревьев,
дятел свой клюв об нее оботрет в сладкой неге,
да перекрестится вдруг, завернув из деревни,
местный мужик на скрипучей телеге.

Это всё те, кого нет, — всё же здесь они,
так и остались рядом неглубоко лежащие,
под сосняком. И о них колыбельная песенка,
капли калин ее знают, на хвое дрожащие.

Здесь они были! Сквозь душ наших дебри,
сквозь наши песни следы пролегли их незримо.
Мы ж остаемся в иссеченных пулями стеблях,
мы — продолженье их ярости неукротимой.

Им, запыхавшимся, здесь после боя в долине,
теплой землею пристало отныне прикрыться;
наискось ветка скользит по кресту на могиле,
будто смычок по крестьянской скрипице.

Горько погибнуть за родину, пусть даже к жертве
был приготовлен ты. Смерть, как скромна ты!
Но не в ревущих органичных пушечных жерлах —
в клёкоте аистовом автоматов.

Здесь вы, повсюду, — хоть вас уже нету.
Как же быть тем, кто еще в партизанской упряжке?
Из мундштука, что я вырезал из бузины багинетом,
нам достается короткая воспоминаний затяжка.

ПОД АМЕЛИНОМ

Не успев донести
ложки супа до рта,
у штаба увидел я конных:
«Немцы, немцы!»
Молодка-еврейка,
кухарка из ближней деревни,
в угол швырнула шумовку;
с гвоздя сорвала карабин,
обсиженный мухами,
и метнулась туда,
где роты
построены были уже
и двигались,
гонимые эхом приказов,
в лесок,
нас отделявший от немцев.

А из дворов
гнали крестьянки в поля
мычащий и блеющий скот;
хозяева хлипких халуп,
предвидя пожар, выносили
гробики швейных машинок.

Май был. Лежу я в лесу
на мягкой земле,
теплой и влажной,
где остро так чувствуешь дичь,
и в поле гляжу.
Там тебе враг —
каждый картофельный куст.

А здесь, на опушке, родник
быстро лепечет; но шибче
колотится сердце мое,
и все же гораздо быстрее
в этой природе колотят
сейчас пулеметы.

И, слушая,
как на дне
по-детски лопочет родник,
опомнился человек,
палец держа
на крючке спусковом,
как на щеколде
небытия.

В бою.

В полдень.

А эта
высунувшаяся из картофельного поля
каска,
слышит ли она
песнь родника
на родном ей языке?

Падают перышки листьев.
Пули летят много выше.
Мальчишки сидят на деревьях.
А наши «кукушки финские»
пыхают так огнем,
как если бы прыгали белки
с хвостами огнистыми в рожь,
с треском ломая ветки.

Уже комары нас не пилят,
уже нас не мучат мушки;

но есть одна только мушка,
та самая, что на излете дула.
Ты ее глазом осёдлываешь.
И с каждой пулею сам ты
летишь, во врага впиваясь,
что даже сам удивляешься:
так тебе мягко во мхах,
а по твоей беспощадной «пепешке»
спокойно ползут муравьи.
И неродившимися грибами
пахнет. И звякают гильзы,
о корни и пни задевая.
А я то и дело лицо
утираю шершавым,
словно коровий язык, лопухом.
Хочется пить. До родника же
хватит пути на три смерти,
не меньше.

Хочу я понять,
о чем шебаршат там немцы,
хочу я победы в этом бою,
и жить я хочу сейчас,
когда смерть, дивясь
и часто-часто дыша,
вокруг головы мой свищет...

Вдруг рядом затих автомат.
Не стало еще одного
солдата.

Из леса в зеленую рожь,
как капелька крови,
перетекла напуганная боем серна.

Но тут же вернулась,
гонимая выстрелами, как батожем,
остановилась и в меня пульнула
парой орехов —
глазищами своими.

Так мы смотрели друг на друга,
пока не выскочил из тени дуба
щербатый Болек, проклиная
поэта вместе с серной. Он —
офицер святой (так называли
в деревне офицера-просвещенца)...

Клубами дыма поднимался вечер,
с пожарищ ветром светляков надуло.
Немецкие автомобили истерично
трубили, и взрывались там и тут
с эрзац-бензином баки. Из хлебов
ракеты, будто чумовые колоски,
взвивались в небо,
но гасли, не достигнув звезд.

Фашисты криками
свои позиции косили. То
было отступление. Сумерки
и дальше охраняли поле битвы,
пока, подобно зернам, звезды
не стали сыпаться
в мешок дырявый майской ночи.
Мы двинулись на Ремблов.

РЕМБЛОВ

Будто кто небо выкручивал — вот как
лил этот дождь. Мы из Рёмблова шли,
вроссыпь, в молчанье, по водам, по водам,
трофеи немецкие мы, словно скрипки, несли.

В хате одной у Гарбовского леса я, хмурый,
патлы собачьи сушил, торопливо лицо утирал,
мокрое от огневой исторической бури.
Пахнувшим тиной плащом с головою себя укрывал.

Передавал из ладони в ладонь я без дрожи
«вальтер» блестящий, новейший «эф-эн», даже «кольт»...
Стоя заснул кто-то, голову свесив, как лошадь;
на сундуке спал распятый мужик и храпел как король.

С этим лицом, что добыто в боях, ни на миг я
не разлучусь. Из трясины сознания я вырвал его.
Фото: Иоганнес Каббонга, ефрейтор германской дивизии
«Викинг»,
а на обороте — матери в Гарлем голландский письмо.
Пишет, как ненавидит меня, оккупант из дивизии «Викинг».
Это письмо я не скоро из памяти вытравить смогу.

И кобуру злого сердца — я за спину, будто котомку.
Сны простирнула заря, и пеленками ливня трепещут они.
А из убитых обозных лошадок гуляш приготовлен.
В тихом закуте лесном с листьев медленно капаят дни.

МЕЛЬНИЦА НАД СЕРЕТОМ

И вновь та мельница над речкой
в объятых старых, грустных ив.
Она молола бесконечно
баллады мне на свой мотив.

И среди них была такая,
как мельник духов измолол.
А здесь лишь рифма водяная
вращает духоты помол.

Вот речка раннею весною...
Топить щенка бежим гурьбой.
И что твоя слезинка стоит
пред сельской Леты глубиной?

В который раз весна маячит,
лазурь, и зеленыя, и яр...
Оставил мне ту боль щенячью
воды вращающийся шар.

Землею пахло небо в прошлом,
Травы рождался первый писк.
Лишь сучий сын, визжа истошно,
сбивает мартовский лиризм.

Лишь в воду с берега стекает
зеленой поросли волна
и тонет в речке, но вздымает
вновь колесо ее со дна.

Когда же мельница размелет
тот приглушенный гул дотла?

Еще ночами в карусели
кружится окуней толпа.

К рассвету мельник, вихрь-пустынник,
зерно на кашель перетрет.
А я давлю, идя вперед,
улиток домики пустые.

1938

В МЕСТЕЧКАХ

Как пни трухлявые среди лугов,
местечки дуплами холодных огоньков
там тлеют —
печали улья. Там евреи
изнашивают скорбь свою на вѣках,
тяжелых, как надгробия домов.
Кот-сладкоежка. Так он с оконных стекол
подлизывает солнечные капли.
Потом уходит, опьяненный светом,
в лес. Там так на самом деле.
А каждый дом
семью светильников плечами
поддерживает небо. Истощает
излишек рук мучительным бездельем.

Привязаны к домам лошадки.
Один раз свистнет кнут, а целый городок
плывет в зеленом вихре луговом.
Но это все мираж.

Раввинские бородки коз
стирают след мессии. И пустые

мычат молитвы вновь
на кладбищах живых — на рынках —
худящие коровы бывшего монарха.
Там исторические бури
раскачивают мрачно
дырявый ночи черный балдахин,
растянутый над сей заплатой мира.
Из-за угла метеориты бьют
по черепам отцов и патриархов,
и следом выстилают
аллеи удивленных трупов.
С могил же снова языки огня
трав молодых неистово стреляют.

1938

ЗАВТРА

Знаю,
завтра мне суждено обновиться,
врасти в сознание, как в землю.
И голова зазеленеет вновь
лирической листвой,
и кровь
зальется молодой птицей,
и сердце разорвется вишней налитой
и радостью исторгнется,
что косточкой в нем дремлет.

Останется
лишь слабая улыбка от меня,
плывущая по закоулкам губ,
как по заливу горестей и бед.

Я вынесу ее из нынешнего дня,
как шрам глубокий,
как
войны грядущей след.

15.01.1937

Из сборника «НОВЫЕ СТИХИ»

(1950)

В ВЕНСКОМ ЛЕСУ

Орехов старье — к вину молодому!
Австрия — двор, где нашли мы постоя.
Ветру мой сын угрожает крапивой,
 зажатой в ладони.
Первый мой в жизни покой!

Волам, волокущим воз времени полный,
подброшу я груз моих глаз. Поспевай
тянуть его вдаль, где латунные волны
за тенью лесною, — туда, где Дунай.

Мальчик, вот птицы — не знаю их имени,
глянь же, вот серны, вот белки, а тут —
колоколов отягченные выменем
коровы, трезвоня, в стойло бредут.

Вечер ли пал на загровки коровьи,
или кричит на Дунае буксир?
Люди, для топки крадущие кровли,
стоят и с тревогою слушают мир.

После к домам волокут эти бревна —
эльфы и гномы их жгут в тишине...
Спит мой малыш и дыханием ровным
крепко прижался ко мне.

Слышу, как птицы ерзают в гнездах.
Запахи мха тишину сторожат.
Передо мною первые звезды
в светлом стакане ночи дрожат.

НАД ДУНАЙСКОЙ ВОЛНОЙ

Над дунайской волной ветры осени,
дует роза ветров — не скрыться.
А на набережной Франца-Иосифа
стала глиною вновь черепица.

Ветерок из железного месива,
кровото́чащий в ржавом парке,
отогреть не способен песенку
в уцелевшей, последней шарманке.

То ли барышни, то ль монахини
продают морковь на газонах...
И бездомным ветрам монархии
вновь распахнуты горизонты —

до Галиции, до Валахии,
за Балканы и за Судеты...
Забегу к моему парикмахеру,
завернусь с головою в газету.

Старички в прохудившихся ботах,
в императорских бакенбардах
говорят о ветрах-сиротах,
бездыханных ветрах угарных.

А старушки — в регланах, припудренные
собирают угли с золою,

а в воротах, спиртом прокуренных,
Австро-Венгрией пахнет былою.

Самый главный орел империи.
Министерство военное. Ветер
атакует чугунные перья,
в барабаны опухшие метит.

В полумраке залов простуженных
недобитки-ветры в испуге
бельецо на веревке высушивают
для живущей в подвалах прислуги.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА СВЯТОГО СТЕФАНА

Стальной каркас над собором,
уж стекла спаяны алые.
Ребенком я здесь с восторгом
следил за полетом ангелов.

Я глажу ожогов шрамы.
О, сколько этих отметин!
Один я остался в храме,
рабочие все на обеде.

Ах, тени, какой матерьял вы
для веры детской! А фирма,
кладущая свод реальный,
имеет отнюдь не эфирный

а мощный подъемник. Из стали
ложится на крышу стержень.

Как просто в соборах стало
ремонты творить! Но где же

ты, свечечка веры детской,
обвитая миртом? Славно
мне греешь сегодня сердце,
тогда ты ладони жгла мне.

Спускается с хоров холод
по камешкам кружев нетленных.
Любая оборка холла
хранит во мне музыку Вены.

Пожаром здесь выдуло ложи,
в готический шлак — капители...
Шептал я здесь: «Верую, Боже!»,
и розы из камня мне пели.

С обеда пришли работяги
и скрылись в каменном хоре.
А где-то на ярусах шлягер
насвистывают о соборе.

ЧАЙКИ В ВЕНЕ

Петляют чайки над водой
у Шведского моста шнурами.
Среди руин под ветра вой
худые муравьи шныряют.

О чайки! Вест ли вас иль ост
в ущелье голода забросил?
Звенит морозом Шведский мост,
рыжеет под снежком коррозия.

Утиный в ужасе народ
к сторожке жметя в стужу,
а чайка клювом бьет об лед,
Дунай готов излить ей душу.

Смотритель, проклиная рок,
пернатых загоняет в будку.
Набитый вьюгою мешок
прохожий волочет как будто.

Звонит трамвай. Ботинок стук,
в зубах толпы — ножи проклятий.
А чайки натянули арки лук,
и снег свалился, будто спятил.

Схватил мороз остов судов
разбитых — негде приютиться...
Загнало нас в разбитый кров.
О люди, глупые мы птицы!

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ В ВЕНЕ

Здесь,
где союзнической гауптвахты дом,
Вавилонское столпотворение —
не причем военные.
Отходит трамвай на кладбище,
а в нем,
как на спасательных кругах,
на венках повисли
граждане Вены.

Здесь,
в городе Вене, я

умираю в отце, в деде, в прадеде —
в их доле!

Умираю
в стольких поколениях!

«*Fall ich
am Donaustrand,
sterb ich in Polen?*»*

От венских
гремучих трамваев,
от грохота их,
проступает
лирический
острый момент.

Глаз
звенит
о каждый монумент
пятью нотками —
странно! —
детской песенки
старой.

Сидят-стоят
музыканты, поэты,
маршалы грозные,
шагают на своих
мраморных цоколях,
и целый табун
кавалерии бронзовой
по кладбищу
цокает.

* «Погибну ли я на берегу Дуная, умру ль я в Польше?» (нем.). — Здесь и далее примеч. пер.

Одели в рококо
Господа Бога —
услада
пухленьким ангелам.
Не замечаемая,
голодная
дышит стоусто в барокко
молитва —
слепое отчаяние.

Нет, отец,
твой сын сегодня
к тебе не придет
(Центральное кладбище,
аллея вторая).
Каждая дорога
к тебе ведет,
не только кладбищенская —
любая.

В ШЁНБРУННЕ

Перед Шенбрунном — как в Египте — сфинксы.
Перед Шенбрунном — как в Египте — англичане.
В саду подстрижены по моде фикусы,
осёл из «Зоологии» ревет отчаянно.

Поддельная античная руина.
И что ж? Дряхлеет на глазах и эта.
И плавится руда заката на старинных,
искрошенных карнизах Глориетты.

Как прачка, ветер флаги треплет с силой,
на «Юньен Джеке» краски упраздняя.

Скрипя отчаяньем ослиным,
закрылась крышка вечера резная.

Тень скрыла часового полфигуры,
союзник в белых гетрах на посту скучает.
Романтик, прежде чем ронять окурок,
сними с травинки светлячка сначала.

В ЗАЛЬЦБУРГЕ

Роз
кровотечение
возле замка Мирабель.
Расползлась по парку
скульптуроядная флора.
Здесь в каждой букашке
столько солнца,
что хоть зимнюю ночь
освещай.

Здесь так,
будто
и не колотило время,
оглушившее меня.
И лишь Джонни из штата Юта
возле замка Мирабель
в цель
бросает подковы
да время от времени
вытягивает изо рта резинку,
хотя у него от радости
сердце готово
распахнуться.

Здесь
в двух шагах
еврейский *Camp* —
эмигрантов
в пространстве и времени.

Здесь
у подножья розы
на коленях
стоит девчушка,
глаза — два псалма,
и розу называет
по-польски.

Возле замка Мирабель —
может, в последний раз.

Роза, роза, роза...

О маленькая псалмистка!

О, по-польски!

МОЕЙ МОЛОДОСТИ ПЛОЩАДЬ

Меж музеями двумя —
моей молодости площадь.
Солнце, брызгами звеня,
свет фонтанами полощет.
Здесь — коней застывших мощь
мою память вспять уносит,
эта роскошь венских роц;
это имя даже дождь
никогда не произносит,
ибо, словно птицы лёт,
его отзвук неприметен;
нимф каких-то хоровод,
танец жаб, нептунов медных;

а вдали бурлит толпа,
бой военных барабанов,
всходы крови на бинтах...
Но спокойный голос мамы
достает меня со дна
этих дней и вновь уносит
к двум музеям. Рядом в бронзе
лишь история. Война
ледяною тенью вдруг
теплую ладонь накрыла.
Был коротким мой испуг —
рядом мама. Что же было?
Эдельвейс на память — в гильзе
от альпийского стрелка,
что с венком вернулся к Ильзе
без единого листка;
в ранце — кладбище-альбом
в переплете из березы...
На моих ресницах слезы.
Вдруг сквозь отдаленный гром —
голос матери спокойный
мне помог назад вернуться
из окопов горькой скорби.
Лишь порою встрепенуться,
словно весточка с войны,
заставляла тень биплана,
наползая на форты
из песка, давя их плавно.
Материнский голос-шепот
через годы слышал я
и сквозь водопада грохот,
и сквозь ржавь небытия,
когда имя, песню, волю
потерял я, и во рвах

крови было всё Подолье,
 трупный запах в городах.
 Липкий жар июля, но...
 но дерет мороз по коже:
 чтобы здесь никто не ожил,
 страхом все занесено.
 В змеях синий яд течет,
 в моих жилах тоже просинь,
 но я слышу, как зовет
 мать из тех музейных весен.
 Этот голос, голос древний,
 смешанный с дымами, он
 до меня добрался первый
 через проволоки терний,
 через скорбной доли верви,
 собранный в единый стон, —
 он. На свете нет прочней,
 чем вот этот тонкий, слабый,
 что всегда в крови твоей,
 он единственный, он самый —
 голос детства, голос мамы,
 голос матери моей.

Моей молодости площадь...
 Здесь всегда сердечный спазм.
 Воробью, конечно, проще,
 Он вспорхнул себе, и раз —
 не на липовую купу,
 а на полководца кумпол
 сел. Другими голосами
 здесь зовут другие мамы
 и уже детей других.
 Не похожи мы на них,
 как твоя любовь с чужой

удивительно не схожи,
как война с другой войной.
Детские ладошки тоже
непохожи, непохожи.
И еще скажу не вскользь:
подлинные капли слёз.
И крови.

В КАФЕ НА УЛИЦЕ РИНГ

Я здесь наслаждаюсь плодами жизни,
их мякотью, тщательно очищенной от кожуры, —
свеженькой, подгнившей или еще не дозревшей.
Зеленым, алым, желтым от жары
этот мир режет мне глаза.
Слышатся голоса,
зубами перемолотые в муку
всякого помола,
нахожу смак в судорогах языка,
во всасывании порами носа
запахов голых,
в подсматривании сквозь пальцы
за суетой этих комариков,
налитых моей кровью.

Вымучиваю социологический портрет
завсегдатаев сего угла,
этих плодов жизни,
очищенных мной догола.
Во-первых,
не отзываются на сигналы моего мозга,
во-вторых, судите сами:

безжалостно бьют красками, воняют, смердят,
сшибаются голосами.

Вот сидят два педераста
бальзаковского возраста.
Взоры монаха и монашки
в сравнении с их невинными глазками —
просто распутство.

А вот юноша, сняв очки,
тщательно протирает платочком линзы
и, увлажнив в туманной перспективе
свои до неприличия обнаженные очи,
пустыми устами наизусть
декламирует своей козочке охочей
нетленку Гофмансталя.
Вот горбун долгогривый
проверяет на свет
марку государства Сан-Марино...

У моего приятеля-экономиста
они все засушены в гербарии,
я же от скуки
каждый день имею дело с ними живыми,
исцарапав до крови руки —
золотоискатель! —
на ниве
промывания песка.
Мне бы разложить их социологически
по колонкам в бедламе моих экспериментов.
Но что-то распрыгалось мое сердце.

Давайте промывать песок!
Сам я уже добыл несколько крупинок.
Знаете — живое золото!

Даю адресок:
кафе на Ринге.
Так кто же приколотит
здесь вывеску монетного двора?
А?

Гони монету, старина!

Вена, 1947

КРАСОТА АЛЬП

Здесь слишком красиво,
чтобы счастливым
быть мне,
чьи глаза запорошены смертью,
как черной зимою,
мне, кто осколки голов
собирал, как грибы, терпеливо
в лесу, изувеченном
меткой стрельбою,

кто видел утопленников,
трепещущих, как на леске
форель, когда ее отрывают
от плёса и с плеском
вновь окунают
аж по макушку жизни в воду,
и глаза которой нанизаны
на шнур рыбака, и пока
в конвульсиях бьется природа
и в человеческих руках,
не подохнет рыбешка,
успев заморить червяка.

Здесь,
где фиалки не гноятся от крови,
где человек не качается,
как шишка на ели,
где зелень в обмороке,
когда коровий
взметнется хвост
от истомы в нагулянном теле, —
здесь притаился неведомый мир,
и здесь слышнее
дыхание колоколов соседних кирх,
и день длиннее.

Здесь нет
лепечущих про смерть деток,
и лишь о войне проскрипит
рассохшийся протез
задремавшего деда,
и старость в горах
не вдруг набежит,
а медленно спустится,
как на вершины вечер.
Здесь женщины рожают
тихо, как земля,
здесь ждут девчонки
с любовью встречи
и берегут
для любви себя.

Сюда вернувшиеся
с войны солдаты
в живительных ледниковых слезах
промыли мозги,
остудили сердца в водопадах,

окутанных дымкой,
совсем не такой,
как у нас в городах,
где у потерянных вояк
сплошные потери —
обрывки памяти в черных дымах
сгнули, легкие,
как горох шрапнели,
что в наших застрял кишках.

Здесь слишком красиво,
чтобы счастливым
тому быть,
кто в горькой своей стороне
дрожанье цветка,
как прощанье любимой
ладони, принял на миг,
исчезая в огне.

Здесь слишком красиво,
чтобы счастливым
быть мне,
для кого тишина — мертвый лес
на свежеразрытой земле сиротливой.
И чем вдохновеннее день
чешет гривы
альпийских лесов,
тем чернее,
тем дальше
душа от небес.

ВЕТЕР ЛАСКАЕТ ЩЕТИНКУ ГУСЕНИЦЫ

А я остался живым на поле непогребенных.

Не смейтесь!

Смех в зеркале сна отражается плоским дождливым эхом.

Крики погибших еще свисают с ветвей,
срубить которые я не смею по гроб жизни.

Я остался жить на поле непогребенных.

А мне хотелось каждому пожать перед смертью руку.

Столько их тянулось ко мне,
будто мое слово способно удержать в пейзаже
нечто большее, чем завиток ветра.

Пичужки после каждой звонкой нотки
перескакивают с одного человеческого ребра на другое,
но пастушата ни за что не выдуют содержимого
из дудочки берцовой кости.

«В тебе сгорает слишком много вздохов, —
говорят мне, —

их достанет на миллионы смертей».

Бывает, я копаю у себя на грядке лук —

слезы, слезы, слезы,
будто из садовой лейки.

Глаза оправдываются: лук.

Но не вечно же мне возиться с луком!

Нескладный, я постоянно спотыкаюсь о непогребенных,
другие же изящно лавируют между трупами.

Руки убитых еще удерживают те последние мгновения,
в их пальцах зажаты обрывки ужасов.

Но ветер простучал мне: ты живой.

Он взъерошил зеленую щетинку гусеницы,
той, что победно выползла из глазниц смерти.

ПСАЛОМ ЕВРЕЯ ПО СТОРОНЕ АРИЙСКОЙ

А что мне в том Иерусалиме Стена Плача?
Что мне до терний соплеменника из Назарета?
В себе еврея сам я распинал и выворачивал,
смотря сквозь стену из крови горячей
и проникая аж к истокам гетто.

То не асфальт подошвы лижет — шлак дымится,
костры людскими полыхают языками.
Слезам что пользы перед пнем глухим излиться?
По силам камню с уцелевшим миром сжиться,
мне ж — не сродниться с человеческими сердцами.

Меня прохожий удивлением своим недужит,
ко мне чужих глазищ улитки налипают,
но знаю: те костры звездой путеводной служат,
и я иду за ней поныне сквозь смертельный ужас,
высокие дымы костров вдыхая.

Протягиваю руку другу — он в восторге,
хоть видит: нервы мои проволокой свиваются.
Хватаешься за ветер — наступление с востока,
на диаграммах же кривая нашей ловкой
индустриальной смерти обрывается.

Да что мне Стена Плача — без слез — в Иерусалиме,
когда под сердцем у себя я родину ношу такую,
что даже смерти я не по нутру, но имя,
ее живое и наполненное кровью имя, и поныне
ношу я на устах, и отступиться смерть прошу я.

МОСТЫ

О да, мне, сыну города, где ни одной реки нет,
дуга моста обычно вздымает бровь дугой.
И этот вид вовеки в глазах моих не сгинет,
он в арки обомшелые волною бьет седой.

Я в городах приречных стою у парапета,
и всех оттенков зелени в глазах мерцает рябь.
Под каменной радугой в компании с поэтом
вино реки пригубила вечерняя заря.

Эпоха динамитная, увы, к мостам враждебна,
и сам, по пояс в жиже, запал я поджигал.
В кровавую трясину валились звезды с неба,
травой испепеленной фронт густо порастал.

Разбалтывали небо в глазах моих разрывы,
и вновь меня бросало с небес на дно земли...
Смотрю — а над Дунаями и Вислами, кто живы,
болты, стальные пилы вновь дружно понесли.

Теперь уже не верю, что радуга — мост Бога,
но рад — взметнулись снова мосты в родных местах.
Учу ходить сыночка я по мостам Ван-Гога.
А над рекою крови не надо мне моста.

* * *

Зачем мне пейзаж без речи человека,
где лишь слеза дождя втекает клену в веко?
Где шорох муравьев, надрывный крик оленя
швыряют в пасть времен одни и те же тени?
Где водопада глаз, глаза зверей над бездной
хватают — не хранят цвет красок неизвестных?
С когтями, в чешуе, в броне — лишенный речи,
я жажду вражьих глаз кровавых. Человечьих.

Из сборника

«ИЕРУСАЛИМСКАЯ РУКОПИСЬ»

(1956)

В ИЕРУСАЛИМЕ

У йеменцев льется такая теплынь из глазищ,
как у серн, хоть они их не видели сроду, а кожу
до черноты им выдубила жизнь
на той земле, что с черствой коркой схожа.

Здесь только пророк в час вечерней зари
меня узнаёт по шагам в квартале Бака,
глаза у него белы, как у нас декабри,
как два лучика, льющиеся из колодезного мрака.

Так он и шествует, опираясь на зрячую трость,
по апельсиновой роще, где один только ветер,
и дарует мне милость — от Иеговы — небось,
не верящего в мое присутствие на этом свете.

В его тени семенит внучок, и притом
взгляд его так чёрен и светел,
как если бы я мог построить дом,
под кровом которого спали бы дети.

Но крепко сегодня сжаты мои уста,
в них затаились нездешние песни.

Лишь солнце сквозь пальцы,

 будто сквозь ткань листа,

процеживает капли,

 красные, как польские черешни.

НОЧЬЮ В КВАРТАЛЕ БАКА

Я не из тех, кто ходит вверх ногами,
ни по одной звезде я бы здесь не заплакал —
той, что падает на ветхозаветный камень
в Иерусалиме, в квартале Бака.

Что ни секунда, от нее отрывается искорка,
даже собаки замирают, на задние лапы присев.
Они б ее в клочья изорвали неистово,
если б она не погасла, до тверди не долетев.

А суеверный в эти мгновения ночи
с открытым сердцем сам пред собой стоит.
Я же смотрю в человечесьи очи —
и моя звезда в людских руках горит.

Только со мной здесь готовы шагать кипарисы,
когда из Аравии в лицо мне глядит новый день.
И впитывает земля, желтая и каменистая,
мою, о други, одинокую тень.

НА ВЗМОРЬЕ

Пасть от немецкой пули
я мог бы в лесу у себя.
Друзья сапоги бы стянули,
сняли б ремень с меня,

в небо пальнула б пехота,
листву охватил бы страх,
поставили б крест у болота,
осталась бы память в сердцах.

Всё же немало. Больше —
зелень и белое, весь
цвет полевой Польши!
А днесь — Азия здесь.

Волны песок полощут,
пенится в волнах соль,
сквозь редкую мачт рощу
смотрит людская боль.

Земля, что возле кибуца,
красная, словно медь.
С баркасов евреи в бухту
за сетью бросают сеть.

Рыба, сверкнув, ударяет
ножом в горизонт на заре,
откуда в глаза наплывает
волна из дальних морей.

* * *

Печаль с годами легче отзывается:
грудная клетка песней разрывается.
Придет, и сядет, и заплачет —
уже не может жить иначе.

Ах, долго это ожидалось слишком —
да всю жизнишку!
Ради того, чтоб тело праздное
иронии покрылось язвами.

И вымокшие листья из-под век
стучатся.

В себе находит человека человек,
когда ему рыдать случается.

Но ты — а это я себе даю совет,
привыкшему к печали, — хоть невольно
не чти в себе страдальца. Очень больно.
Ведь подлинней печали чувства нет.

* * *

Должна быть во мне ведь какая-то сила,
коль я до сих пор не на дне?

Шлет шифр мне спасительный шепотом милым
эфир на короткой волне.

Должна быть во мне ведь какая-то сила,
что, сердце надеждою тронь —
и в горле, где звуков и смыслов могила,
вдруг вспыхнет огонь.

Должна быть во мне ведь какая-то сила,
коль сдвинул плиту над собой!

И в речи, которой меня моя мать одарила, —
я буду живой!

**БАЛЛАДА,
НАПИСАННАЯ В ПЕСКАХ ПУСТЫНИ**

Опять меня в родную в рощу потянуло!
Неужто столько лет с тех пор минуло,
как бросили меня в песок?
И там, где тень лежит зеленой думой,
а по-над думой — жизнь тяжелым шумом,
там различаю серны легкий скок.

Там, где отравленные сказкой мухоморы,
ведут под ветхим кровом разговоры,
где птица птице объясняет мир,
где лисий хвост мелькает деловито
и этим пламенем запаливает жито, —
там светит василек, что ваш сапфир.

Там месяцу не выпутаться скоро
из заточенья веток осокоря,
где под корнями был закопан клад.
От тех, что пали здесь и где-то рядом,
я знаю, не осталось даже взгляда.
Об этом тисы знают, но молчат.

Там влажной тишины родник струится,
крылами эту тишь развешивают птицы,
стук желудей доселе не умолк.
Там в дуплах совы зенки всё таращат,
а в чаще — папоротниковый свет трещащий,
из леса детства всё не выйдет волк.

Малины и смолы смешались ароматы,
на наших головах почти что жито сжато,
настало время нам взглянуть окрест.

Пустыня в очи нам песка бросает горсти,
на каске пробковой мы взвешиваем солнце —
вокруг чужой и без деревьев лес.

* * *

Я жив еще, хотя душа
давно умерла, но сердце не стынет,
и, жерновом солнца к песку прижат,
бреду, иссечённый дождем пустыни.

Я что-то еще бормочу по ночам
во снах тяжелых, безумных, безбрежных,
где в белых колосьях поля молчат,
а сами поля — в голубом и снежном.

Ночь в черной пасти держит меня.
Быть может, на четверть уже проглотила.
На севере качалась колыбель моя,
на севере должна быть моя могила.

ПОРА ЦВЕТЕНЬЯ МИНДАЛЯ

I

Ничто в душе не улыбнется,
хотя миндаль в садах цветет,
и эхо синее смеется,
ветвями розовыми бьет.

Хоть воробьям легко разжиться
моими крошками всегда
и ночью надо мной крошится
вновь Вифлеемская звезда,

хотя сосед мой напевает
шансон парижского метро —
моя душа, я точно знаю,
здесь не смягчится ни за что.

Когда ж ребенок из Тальпёта,
из лагеря мигрантов, слету,
едва проснувшись, — из песка,
словно из снега, на века

ваять свой детский сон возьметса —
песок метелью станет вдруг,
и вот — ребенок не смеется:
ладонь пуста, в глазах испуг.

А я, малыш, предпочитаю
сны из гранита, ибо я
строитель по судьбе, и знаю,
что песней поддержу тебя —

я, кто забыл улыбки мед.
Хотя миндаль в садах цветет.

II

Осторожно! Мины! Мины!
Месяц провод оголяет,
У границ Иерусалима
петухи вдруг запевают —

в облаке миндальной рощи,
на проселке Вифлеемском,
каплет с неба звездный дождик,
сыплет, сыплет черным блеском.

В лагере у иммигрантов
новорожденный рыдает,
загораются дисканты
и, как спички, истлевают.

И лежат под камнем дремы,
смятые пожаром будней,
оглошенные громом
жизни — люди, люди, люди.

Зори новые расклеил
колокол из Катамона.
А во сне последнем тлеет
балка выгоревшего дома.

III

Там снег январский,
ночь хрустальна,
мой след уже там запорошен.
Здесь — вифлеемский ветер ожил
и высек розгой сад миндальный.
Я днями напролет одно
пишу письмо в страну,
где ветер
срывает снег с сосновых веток,
где снег, как лист, искрист
и светел,
валится на мельканье ног
косуль, на щебет снегирей,
на песню мазовецкой бабы,
чей голос светлый, долгий,
слабый

согреет холод зимних дней,
и где дымок вдыхает сытый
домишко, вьюгами укрытый,
где в ночь луны высокой сталь
до крови звезды прожигает,
где города, в которых встал
кирпич к кирпичику, слагая
стихами дружества устав, —
туда я днями напролет
пишу письмо одно и то же,
где снег январский достает
аж до корней, не тронув кожу...
А здесь, в саду, как будто нож
рубец оставил. Здешний ветер
так больно ранит. Если верить,
для миндаля сезон хорош.
Хороший год для миндаля —
вся в розовом цвету земля...

Снегам чернеть, зерну быть спелым.
Письму быть белым.

ЭТО ТЕБЕ МОЙ ОТВЕТ

О, нет! Я человека продолжаю
любить, целую детям попки
и незнакомых псов ласкаю,
вычесывая блох неловко.
В ответ же мир смертельной дозой
мне ночь обсыпал солью звездной,
корыто месяца вверх дном.
Из черных кирпичей мой дом.

О, нет! Я человека продолжаю
любить, его пою слезою,
своей слезою голубою,
подовым хлебушком питаю
от щедрости сердечных спазм,
но призрачен благой соблазн —
от сердца горького поскольку
и хлеб родится только горький.
Подобно звуку, что сверкнет
на тетиве, — мой вздох фальшивый.
Да, мысль еще спешит ретиво,
зато лениво кровь течет.

Я вас пою своей слезой,
своей слезою голубою,
и той невидимой иглой
поэзии я беспокою.
Как некогда у башен Трои,
так и теперь в лесах Кошубы,
пока еще тепло людское
не выветрилось через трубы,
пока на улочках встречаешь
родную речь и неродную —
поэзия, ты не случайна,
приходишь ты, когда зову я.

И брошу я словцо: «Пока!» —
а на челе опять морщины.
Или у слова есть причины
быть не сильней пустой штанины
безногого?

Па-па! Пока!

Иду же, ну, прощай, мой милый,
мой человек, который мимо

меня ножом пырнул. Рука!
Благодарю Тебя! Пока!

Когда же кончится баллада?
А ведь давно уже пора.
И предвечерняя прохлада,
и пыль небесного шатра
на шерсть блохастого барбоса
садится. Гонит он без спросу
пчелиный рой в ржаное поле,
и прыгает, и лает вволю,
когтями борозды разрыв.
Язык же —
алой
розы
взрыв.

И тут под вербой придорожной,
тяжелой окруженной рожью,
сидит молодка, грудь которой
сосет бутуз легко и споро,
а мать ему: «Гляди — собака!» —
чтобы дитя не смело плакать.
Малыш сосет, косясь слегка
на рожь. По подбородку
кротко
стекает
капля
молока
дорожкой
самою
короткой.

Не тот, увы, конец стиха!

* * *

Я рук теплоту человечью ношу постоянно
с собою по жизни — остыть не дано уже ей,
и вас еженощно терзаю открытою раной,
той, что от века и от людей.

Годов листопад всё печальней, и даже
длинней мои ночи и снов торопливее прыть.
О день, ты велишь обновлять пейзажи,
но как же лицо, а тем более душу мне обновить?

* * *

Мне по душе люди прямые, —
вот что я вам скажу:
они говорят правду,
хлеб называют хлебом
и на убийцу укажут натруженной ладонью.
Как по мосткам исправным,
я по их речи хожу,
они под каждым небом,
они от черной ночи меня схоронят.

Да, меня любят люди прямые
за то, что я говорю с ними в открытую,
хлеб называю хлебом,
а камень камнем,
глаза их, настезь открытые,
я нахожу под любым небом,
они кладут прямо в руку улыбку
и величают меня именем,
на родине данным.

**СТИХИ,
НЕ ПРИШЕДШИЕ К ЛЮДЯМ**

Стихи,
не пришедшие к людям,
стихами считаться ли
могут?
Или
они муравьи,
для коих все дни — только будни,
чернилами лишь
помечают
дорогу?

Трель соловья
сотрясает, как прежде, дуброву.
Может быть, сойкам, дроздам
неприятно его словоблудье?
Знаю одно лишь,
что телом становится слово,
коль им
обмениваются
люди.

* * *

Вновь на ветвях апельсины.
Спросишь: какой это год?
Может, во мне зреют новые силы —
истинной песни полет?

Слышишь напев чужеземный?
Кто-то вошел в свое прошлое — мнёт
и терзает мотив сокровенный,
дуя в дырявый фагот.

Руки я вздерну к соцветьям отважно,
к тем, что зовутся тоской.
В желтых бутонах колышется влажно
ветер морской.

Каплю соленую персиком строго
ветка молотит, как цеп.
А на губах перемешан со злобой
черный, насущный мой хлеб.

* * *

Звезды в твоих волосах — серебро поднебесья.
В брод перейду эту черную, долгую ночь.
А кипарис над тобою — опора созвездий.
Горстку терпенья мне шлешь — не помочь!

Ветер бьет полночь о месяца гонг бедуинский,
тень кипариса сливается с шеей твоей.
Общий язык наш не волен вернуть нам единство,
рядом стоишь ты, и нет тебя — морок теней.

Пусть твоих слов в этой гулкой тиши не услышу,
боли моей — нам с лихвой на двоих. И в ночи,
той, что я в брод перейду, как по краковским крышам,
спелыми фигами время о землю стучит.

ПОЭТЫ

Они плодам — созревшим, осенним —
дают умирать на деревьях медленно,
и краше вокруг от проржавленной тени,
пропитанной духом похмельным.

И на речном берегу ночами,
где ни одно течение не ищет простора,
они отводят от безбрежной печали
русло речное в сторону.

И ото лба концовку мелодии
ладонью отводят, будто бы капли пота,
а после бродят, как волки голодные,
в поисках последней ноты.

Там тень от грибов на муравьиных стежках,
Там, умирая, солнце дарит море света.
Там вместе с рыбами молкнет камень брошенны
Там правду говорят поэты.

* * *

Земли, которой соки бродят
во мне, забыть я не могу.
Там шаг любой меня выводит
на торный путь — сквозь свет и мглу.

Я там все лица окон знаю,
мне дорог смех из-за оград,
я во весь дух всю жизнь шагаю
одной дорогою — назад.

Иду сквозь зиму я, сквозь осень,
сквозь лето и весну иду.
Я знаю, ждут меня у сосен,
об осень опершись, о дуб.

И если от родной сторонки
вдали я встречу смерть свою,
печаль, как мать, качнет легонько
ту зыбку скорбную мою.

Из сборника «СМЕЮСЬ И ДОПЫТЫВАЮСЬ»

(1959)

* * *

Смеюсь и допытываюсь: каким же
идти мне путем? Но сомнительный имидж
мой вас смущает — корсара со стажем,
мастера колкостей и абордажа?

Единственным глазом под черной
повязкой

тебе я подмигиваю, синеглазка.

Смеюсь я над дубом, торчащим

дубиной,

над флагом, дрожащим под ливнем

невинным,

смеюсь над собою, мой свет,

над собою —

в аду и в раю, на земле, под землёю.

Да, издеваюсь, но вопрошаю:

куда же идти мне? Соображаю,

в какой же мне гавани бросить свой якорь?

Чьим же Перстом продырявлю я мякоть

хлеба и вьемся, сомненья отринув,

в непропеченную сердцевину?

Стала мне посохом мачта, и к ней я

стрелку прибил своего направленья.

Смерть,

так кому ты подставишь костлявую ногу?

Насмешнику?

Или тому, кто без прóдыха ищет дорогу?

К МУЗЕ

Пусть даже Министр Культуры на меня разгневан,
и начальники Департаментов, которые справа от него и слева,
и каждый их подчиненный в чиновничьей своей клетушке,
и зоркие рецензенты, и критики криводушные,
и милиция на всех перекрестках и лестничных клетках,
и публицисты в черных от типографской краски кепках,
и мелкие редакторы, и редактор самый маститый,
и важные персоны, жрущие из государственного корыта, —
все пускай на меня взъярятся, и все их перья меня ославят,
пускай мое сердце на сургучную печать переплавят!
Только ты, Поэзии Муза, сияющая, как солнце над морем,
Ты всегда подставляй мне губы свои, горячие от счастья и горя.
Только Ты, Муза, освежаешь меня, как ветер после
бессонницы,
будь мне всегда не женою, а верной любовницей.
И все будет как в сказке, которая сколь мудра,
и добра столь же.
Только об этом и грезит поэт — и ни о чем больше.

1954

ХАМЕЛЕОНАМ

Как две таблетки — смертельная доза —
для меня два их глаза.
Глядят — не глядят —
все равно яд.
В метриках своих псевдо-ангельских
ведут родословную от Маркса — Энгельса.
Закрою глаза — и раскручивается
кинолента их жизни мученической.
Черт возьми!

Они глядят — не глядят —
все равно видят фильм
про самих себя.

Во мне все горит открыто —
их ненависть скрыта.

Она, как в высоковольтном кабеле ток,
как визг ножа, терзающего брусок,
методично — туда-сюда,
терпеливо — туда-сюда.

Им подавай моей песни подпись
на письмах, что они намарали.
Врете! Следует даже *de mortuis* *
говорить правду.
Которая не умирает.

С ПОЕЗДА НА ПОЕЗД

Летом в пору отпусков
где-то на узловой станции
молодая мать, многорукая, как индийское божество,
обремененная поклажей,
словно плодоносная груша, все ветви которой
увешаны пакетами, пакетиками, кулечками,
и, непонятно, какой рукой, ухватив еще и узелок, —
вдруг протянула мне своего младенца.
О муза расписания поездов!
В самый разгар мертвого сезона
я вдруг в своих руках ощутил жизнь —
настоящую, мокрую, как мох на утренней зорьке,
жизнь.

* О мертвых (*лат.*).

ЭМИГРАНТЫ

Самолеты
сшивают мир все плотнее,
все ближе полюс от полюса,
люди обоих полушарий болтают друг с другом
посредством медной пластинки,
голос уже не поспевает за движениями человека,
они же — эмигранты — отплывают все дальше
в прошлое.

Время разбухает как на дрожжах,
время организует пространство,
в котором, как в снах, вязнут ноги.
Их сны заливают берега родины,
а та наяву отплывает от них.
Они плывут противоположным курсом
и не встретятся никогда,
хотя земля круглая.

1955

ПОЧЕМУ?

Я повидал больше, чем те, которые бывали всюду,
но я еще не отвык удивляться.

Я пережил, может, больше, чем те, которые
в своих мемуарах повествуют о том,
как их укусила блоха,
перескочившая с жандарма.
Но я не перестаю грезить о завтра.

Может быть, я подошел к правде ближе, чем те,
кто, послунив палец,

мгновенно отыскивают ее на надлежащих страницах
в книгах, рекомендованных им в известных учреждениях
однако, моя правда до самой смерти
не превратится в большую берцовую кость.

Я был внутри грандиозных кровопролитий
и, может быть,
видел больше крови чужой и своей, чем те,
у кого сегодня вечные перья переполнены отвагой.
Почему?
И на это, о любопытствующий, я не мог бы тебе
ответить так,
чтобы в твоих глазах и устах не осталось
щепотки раздражения.

1956

ЭРОТИКА

Словно на рентгеновском снимке,
я разглядывал твое сердце, как ноту,
вписанную между ребер.
А мое сердце бьется в том же тоне?

1955

* * *

Я еще не жил своей жизнью.
На дороге, по которой меня вела история,
я только сшивал свое житье-бытье
из пестрых лоскутов —
светлых, темных, опасных,
смоченных кровью

и чужими любовями,
клочков, впитавших в себя ироничные нотки,
которые мне удались.
В лесу босоного неслись ручейки,
хвостики косуль вздрагивали,
когда ветер стегал листву,
а до нижней палубы корабля,
на котором я переплывал море,
доносились песни сирен:
«Переспишь с богиней Свободы,
получишь в общежитии койку,
а в наследство — всю доблесть,
утраченную всеми евнухами,
вдохновишься духом всех святых!
Ах, миленький мальчик, останься с нами,
тебя воспламят наши груди,
тебя охладят наши хвосты.
Ах, миленький мальчик, миленький мальчик,
даже ночной горшок у тебя будет золотой!»
А мое сердце плавилось как воск,
и я с него соскабливал шарики,
которыми затыкал уши,
и шагал дальше сквозь ночное поблескивание
речных заводей, за которые цеплялся месяц,
шагал сквозь слякоть омытых дождями дней,
постоянно задавая людям вопрос: кто я?
Мне называли имя, которое вы увидите
на моем надгробье,
но это было неправдой, меня там не было,
разве я только мысленно вкушал звезду.
Я еще не жил своей жизнью,
я убил, наверное, взвод людей,
употребил их жизнями,
а возродиться им было не суждено.

Сирены распевали в уличных динамиках,
по радио, через скрученные в рупор газеты,
меня трясло от страха, что все это запоеет во мне
и что люди услышат сирен, поющих моим голосом.
Я не жил своей жизнью!
Смотрите, там, в небесах,
на безоблачном облаке,
развешена моя нетронутая жизнь.
Живите ею:
она прекрасна!

1957

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СЕБЯ

Мужская доля —
подниматься после каждого поражения,
ветер в глаза —
ветер надежд.
Солнце отступает в теплые края,
от тени исходит сиянье.

1957

ИЛЬМЕНАУ

Кто птиц умерил гомон,
чтоб мир таким был снова,
каким его услышал нечаянно пророк?
Мне слышно, как крылами,
как тишины верхами
трясет его поныне невидимый восторг.
Но ринулась в атаку
на тишину собака,

собаке вторит гимном
прохожий поутру:
«Über allen gipfeln
ist Ruhe *».

1957

ГРОБНИЦА ПЕРУНА

Расщепленный пень,
опаленная тень,
гром,
онемевший от себя самого.
Услышанный свет,
в памяти — сверк.
И — ничего, и ничего.
Ну, кто б из великих лёг
в собственный гроб?

ВДРУГ

Шел я по бывшему гетто
с песенкой на устах
и вдруг открыл глаза!

Миллионы живых убитых глаз смотрело на меня.
Из мертвых шел один я.
И только моя кровь,
красная от стыда,
хлестала меня по лицу.

1957

* Над вершинами покой (нем.). Первая строчка стихотворения Гете И. В. Wanderers Nachtlied, известного в России в пер. М. Лермонтова (*Горные вершины...*)

КРУГИ, КРУГИ НА ВОДЕ

Над Генезаретским озером, в трактире,
я рыбу ел, жаренную на густом солнце,
а рядом стояло дерево, обрызганное алыми
цветами,
будто поблизости произошло убийство, —
а я сижу и ем рыбу, жаренную на густом солнце,
и ничего не помню, ничего не помню,
и знаю лишь одно: я на автобусах перевозжу боль
откуда-то куда-то и обратно,
и мой дом, которого нет, падает мне на голову,
но я ем рыбу, жаренную на густом солнце,
хотя она давно напоминает силуэт костяка,
похожего на сосну, под которой я сейчас сижу
здесь, в Польше,
а ее шишки бросаю в озеро Кинерет (как называют его ныне),
ради того, чтобы по воде расходились круги,
маленькие, большие, огромные —
лишь бы они приняли меня в свои объятия —
и там, и тут.
И по сей день я в своих снах иногда Нептун с большим
трезубцем
и охочусь на рыб, жаренных на густом солнце.
Круги, круги по воде —
спасительные.

1957

ВОПРОС И ОТВЕТ

Что останется после нас? —
вопрос
из гранитного зева,
когда караула
свершается смена.

Ответ,
впечатанный
в эхо зыбкое:
человек
в миг зачатия
с окаменевшей улыбкой.

НА ПАЛЬЦАХ

В витках воспоминаний
вращаю партнершу.
Капельмейстеры хлопают крыльями.
Орхидея — букашка,
исхлестанная солнцем.
За живую, непрошенную тоску.
Пропускаю по два, по три такта, по сто,
но в онемевших бороздках,
прорезанных нотой, —
никого.
Завяли
бокалы тромбонов,
растрепались седые пряди смычков.
Вихрь — клубочек тишины
воспоминаний.
И только Земля по обыкновению
крутится в другую сторону.

КЛОЧОК ПОЭМЫ

... и боль.

А может, склонившаяся пальма.
Рядом дорога. И перезревшие звезды.
Из соседнего монастыря собачий лай.
Шорох птиц. Стена. Кладбищенская?
Может, это тот миг, когда мне, подобно Моисею,
суждено было прозреть свой Ханаан?
Нас с Тобой не разделяла ночь,
но вращалась Земля вокруг своей оси
вместе со склонившейся пальмой.
И перезревшие звезды
плывут в Твоих глазах,
а наши вздохи не сгустятся в слово.
Кто может меня здесь окликнуть? Наверное, я сам —
издалека.
Падающий лист, летучая мышь на иерусалимской заре.
Ты...

ЯСНЫМ ВЗОРОМ

В себе я однажды почувствовал наглость
такую, что и сегодня дивлюсь,
увидел: два минуса встали крест-накрест —
это и был тот внушительный плюс.

МЫС НЕДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Я на этом мысе сидел и мочил в море ноги,
и предупреждал потерпевших кораблекрушение,
чтобы они ни за что не подплывали к берегу.
Они с благодарностью улыбались мне
и тонули на безопасном для меня расстоянии.
Но однажды приплыл большой корабль с захватчиками.
И меня захватили.
Я был единственным пленником великой державы.
И пользовался этой привилегией.
Семя зависти прорастало не по дням, а по часам и дало побеги.
Начали сражаться за меня,
все со всеми,
каждый с каждым.
«Sacra masakra!» * —
можно было бы состричь, но в этой стране не оказалось
остряков.
В Государстве этом было все на полном серьезе.
И когда я уже всех похоронил,
то начал соображать —
свободен ли я?
Или я раб без хозяев?
Я высовываю на весь мир язык.
Хочу облизать марку,
чтобы наклеить ее на конверт
со спецгашением.
И тут море, как устрицу, проглатывает мой Мыс.
Что ж, приходится отступить на новый берег.
И вот я сижу, свободный — несвободный,
бултыхаю ногами
и время от времени оглядываюсь назад,
мол, хватит ли мне суши.

* Священная резня (лат.)

РАЙ ВСЕГДА ЗА НАМИ

Рай — всегда за нами.

Но в какой-то миг

Адам может нас сзади

шарахнуть по голове

позаимствованным у себя ребром,

из которого Господь

еще не успел создать Еву.

Рай — всегда за нами.

* * *

Не раз хоронили меня,

и никто не пришел на мои похороны,

кроме судей, палачей и могильщиков,

и я припомню им

откровенный интерес ко мне.

А все остальные мне безразличны,

ибо не дали труда

себя узнать.

И всегда

откуда-то издалека

тихо-тихо рыдал чей-то голос.

Всегда разный —

и все тот же.

* * *

Ветер тростинку гнет, как девицу,
она же не чаёт, как распрямиться,
хлещет наотмашь его так и сяк
в миг, когда вихрь на мгновение иссяк.

Тростинка, тростинка!

Да ты не былинка,
да ты скандалистка,
садистка,
безлистка.

ДЕТСКИЕ СТИШКИ

Какая закуска ждёт мужичков,
вырвавших тысячу язычков
у соловьев! И теперь, если надо,
желудки рыгнут соловьиной руладой.

Стать соловьем, мой малыш, не стремись,
лучше бесцветным Никем ты родись,
серым, как вторники, стань воробьишкой,
лежалым товаром, вчерашней отрыжкой,
лишь на «подай-отнеси» будь пригодным,
в материал превратись безотходный,
подобный навозу в хозяйстве колхозном,
невзлюбишь коней ты троянских, невежа,
за то, что из них выпадают не свежие
яблоки, что остывают на шляхе морозном —
а незнакомые рыцари грозные.

Слезы, зайчонок, утри кулачком,
не становись соловьем нипочем,
не то ненароком ты сгинешь молчком
с вырванным язычком.

ГРОЗДЬЯ

Дождь, неожиданный майский,
сквозь редкое сито тишины —
водогроздья сладкого ливня.

А на мои

губы

падает всегда

одна лишь горечи гроздь —

и каждый май

все зрелее,

и каждый год

все горше.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Призывал,

планировал,

пробовал,

блеск,

гром,

пепел.

Грезил,

вычерчивал,

тужился,

потоп,

потоп,

засуха.

Завидую, глядя,

как нынешние возвращаются

со сбора винограда, с жатвы,

охоты, битвы,

обвешанные добычей,

трофеями,
хотя догадываюсь:
пластмассовая
бутафория
все это.

* * *

Да
и
нет,
да
и нет —
смыкаются
все теснее.
Даже двумерный человек,
даже тень человека,
которого уже нет,
застрял,
продернутый
между
ними.

* * *

В наличие у меня сердца
верили исключительно те,
кто твердил, что у меня его нет.
Они регулярно поражали его
сзади,
целясь под левую лопатку.

НОЧИ ЧИСТЫЕ

Ночи вылюбленные,
ночи издуманные,
выплаканные,
прожданные,
проспанные,
и вы,
ночи чистые,
искренние,
черные ветры,
веющие
пылью миров —
сквозь себя.
И вне нас.

Из сборника «К АВЕЛЮ И КАИНУ»

(1961)

ТАМ, ГДЕ ГИЕНА

Там, где гиена курирует смех,
он, откормленный падалью,
стелется низко, как эхо,
напоминая скорее отрыжку.

МУЗА БЕЗЖАЛОСТНА

Муза безжалостна,
как всё, что обладает властью,
и умирающий графоман
напрасно ждет ее поцелуя.

СРЕДИ РУИН

Среди руин, оставшихся
от моих давних адресов,
лежит мое расколотое
каменное сердце.

ДАВНО УЖЕ ТРОЯ

Давно уже Троя — узница музеев,
однако, старая, не дает ржаветь мечам.
Вот и во мне до сих пор
не утихнет спор,
осаждать ее или оборонять.

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Черным по белому
я хотел доказать
Этьену де Силуэту,
что люди существуют
и что гроза куда ярче
громами и молниями
вырезает из черноты
силуэт человека.

КОГДА РЫБЫ ВЫЙДУТ НА СУШУ

Когда рыбы выйдут на сушу
и протрубят поход,
конец света еще не начнется.
Но уже не смогут они
продаться по старой цене,
хоть и доставят их
точно по адресу —
акулам в пасть.

ЧЕЛОВЕК

Человек должен прийти в мир.
Только не сам он приходит,
что-то его выталкивает.
И не вдруг
он слепые глаза открывает.

СМОТРЕЛ НА ВСЕ

Смотрел на все
сквозь пальцы.
И в какой-то момент
сжал кулак.

А МОЖЕТ

А может, человек пришелец
с какой-то другой планеты,
коль до такой степени мал,
коль до такой степени велик
для Земли.

МОЛЧИТЕ

Те, кому нечего сказать,
пусть молчат.
Как же музыкально они усилят
хорал человечества!

В ДРАМЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В драме нашего времени
автор, актер и зритель,
аплодирующий, свистящий, —
все они предусмотрены сценарием,
который никем не написан.

И даже смерть —
эта *commedia dell'arte* —
ее всеплодоносящий отец
Категорический Императив.

ИХ ВРЕМЯ

Находятся иконоборцы,
достойные разве что Леонардов.

Их время — это безвременье,
эпоха без мастеров.

Поэтому они должны
творить для себя
образы уничтожения,
которыми они осовременивают
пейзажи мира.

ТРУБАЧИ КОРОЛЯ

Der Singsang hat sich ausgetutet

*Arno Holz **

Дух вон из королевских трубачей,
их губы — сплошная куриная попка.
Фанфары сверкают, а тишина напряглась,
и вот куриная попка выложила яйцо.

* «Мотив выдохся». Арно Хольц (нем.).

В маленьком яйце — еще меньшее,
а из самого малюсенького вылупился цыпле
и тоненько попискивает: пи-пи-пи.
Из этого, точно, не бывать бульону.

КОСОГЛАЗИЕ СОЗДАТЕЛЯ

Творящее косоглазие
находит для человека
новый *locum* * —

в стороне
от вытоптанных
по макушки
человеческих голов
тропинок,
широких, как шоссе.

КОГДА РАЗДОБУДЕМ ГЕНИЯ

Когда раздобудем гения
перебирания песчинок,
о, тогда мы с энтузиазмом
пересыплем всю пустыню
в песочных часах.

* Вин. падеж от *locus* (лат.) — место.

ВСТРЕТИЛСЯ

Встретился с Непониманием,
мне удалось его ослепить.
Моя взяла.

Но это из истории
моих поражений.

ТАК ЛИ

Так ли будет, как в старом анекдоте,
всякий раз воскресающем в новых одеждах, —
и люди, бегущие с Венеры на Марс,
и те, что впопыхах мчатся с Марса на Венеру,
встретившись на космическом перекрестке
и глядя друг на друга,
будут пальцем крутить у виска,
мол...

В КАЖДОМ СНЕ

В каждом сне
я спешу в школу,
чтобы не опоздать на урок истории.
Каждую ночь
все спелее и тверже
становится двойка,
поджидающая меня у финиша.
Каждую ночь —
промах за промахом

по цели моих познаний
из мировой истории.
Из истории отечественной.

НЕ КОЛЕСОВАЛИ ЕГО

Ich lasse oben alle Antisemiten
erschissen.

*F. Nietzsche **

Не колесовали его,
но распинали на свастике,
исполнявшей по совместительству
должность креста.

Вот их Господь и пророк.
Он родился заново.
Из лона сестры.

Пора из этой жизни воскресать,
Фридерик!

ПОСЛЕ ДОЛГИХ ТОРГОВ

После долгих торгов с самим собой
человек решает: быть.
Одновременно
с идентичным решением,
принятым смертью.

* «Я позволю себе расстрелять всех антисемитов». Ф. Ницше (нем.).

ТОЛЬКО ТОГДА

Только тогда
ученик превзойдет мастера,
когда воспитает ученика,
который, в свою очередь,
превзойдет его.
Конечно же, если и у того
есть ученик, который
и т. д. Такие снадобья
мы должны варить себе тогда,
когда уверены, что нам
удалось поймать на лету
расстегнувшуюся ленточку
бюстгальтера Славы.

ЯВИЛАСЬ АФИНА ПАЛЛАДА

Афина Паллада явилась
из головы Зевса.
Единственный случай
рождения бога из головы бога!
Пока что это была привилегия
лишь человеческих голов.
Да, но какой Бог
дал им ее?

ЕСЛИ ПОЭТ

Если поэт
гремит решеткой,
не говори:
«А вот арфы
звучат совсем
по-иному».

ИНЫМ ДАНЫ

Иным даны
крылья орлов,
другим —
ангелов.
Их можно
отстреливать
круглый год.
Что ж,
на них не распространяется
период запрета охоты
на уток.

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ!»

«Быть или не быть!»
Достал меня своим небытием
мною же придуманный Гамлет.
И я передразниваю его,
когда он скупится
мне на аплодисменты.

ИДИ НА ТОЛКУЧКУ

Иди на толкучку истории.
Купишь там за грош
жесты,
которые оплачены
жизнью и кровью.

ВЕТЕР

Ветер,
сорвавший с дерева листок,
перевернул лист моей книги.
Нет,
не верну назад страницу,
не буду добивать листок
своим превосходством.

А ТЕ, ЧТО ЕГО ПРЕСЛЕДОВАЛИ

А те, что его преследовали
потом не без основания
хвастались:
мы ходили за ним
по пятам!

ЧЕЛОВЕК ДВОИТСЯ

Человек двоится, троится —
только бы не остаться
одному,

и этим одним
он удваивает, утраивает
одинокчество.

СМЕРТЬ

Смерть не бесплотный череп,
у нее здоровенный красный язык,
который она нам то кажется
то прячет,
то снова кажется,
то прячет,
словно водяные забавы
в епископских садах
в Зальцбурге.
А страшно ты, барокко смерти!

ВИДЕЛ ЭСКИЗ

Я видел эскиз Небытия.
Он был выполнен
с мельчайшими подробностями,
конкретный,
точный.
Небытие
предстало перед нами
слепым
реализмом,
преподнесенным
на блюдечке.

НЕ НАЙТИ ПОЭТА

Не найти поэта,
не пережившего мгновения,
когда сквозь панцирь черепахи,
сквозь шерсть зайца,
сквозь смирительную рубашку сумасшедшего,
сквозь настоящую человеческую кожу —
прямо из сердца брызжет кровь.
Потом, разумеется, панцирь черепахи
опять затягивается,
и зарастает шерстью заяц,
и завязываются рукава смирительной рубашки,
и заживает человеческая кожа.
До следующего раза.

КТО РЫЛ

Кто рыл себе могилу,
тот пристально смотрит
на работу могильщика,
но без педантизма:
тот ведь
могилу роет
не себе.

ТЕ, КТО ВЫВЕШИВАЕТ

Те, кто вывешивает
белый флаг,
забывают,
что его могут

забрызгать кровью,
потом они сами же откажутся
признавать его
символом
капитуляции.

С ЯСНОГО НЕБА

С ясного неба
черная молния —
вот негатив ужаса.
Черное пламя,
белые пепелища —
перелицуй счастье
на несчастье,
несчастье поменяй
слева направо,
вот и счастье —
действительность,
как обнаженная Сусанна,
за которой подглядывают
в кровавой купальне
немощные старцы.

ЗАГЛАТЫВАЕМ КРЮЧКИ

Заглатываем крючки,
а боль дыхания
карябает якорем —
этим символом надежды,
тоскою
по великой боли.

НА ЯРМАРКАХ

На ярмарках
маленькие Нероны
покупают
изумрудные леденцы
и смотрят
сквозь липкую
сладость
на будущие
кровавые состязания.

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Война похоронила
оловянных солдатиков.
Но даже игрушке
не дано избавиться
от единственного
значения,
которое в ней заложено.

У ТЯЖЕЛОЙ СЛЕЗЫ

У тяжелой слезы
должен быть вес
тяжелой воды.
И блеснуть она
в наших глазах
должна
угрозой
сопротивления.

ОТРАЖАЕШЬСЯ В СЛЕЗЕ

Ты отражаешься
в слезе,
в удивлении,
в сомкнутом веке,
зависаешь на ресницах,
в раскосости
и ужасе,
ты столько раз существуешь,
и столько же раз
должен умирать.

О БЕЛЬЕ

Красные панталоны,
желтые бюстгалтеры,
белые кальсоны,
сорочки,
в которые нарядился ветер
на бельевой веревке,
машущий мне:
здравствуй — прощай, привет — пока.
Идет народ
в красных панталонах,
в желтых бюстгалтерах,
в белых кальсонах,
в сорочках —
проходит сквозь меня,
даже меня не заметив,
лунатично, как неодетый ветер.

КОМУ ЖЕ ВЕДОМА

Кому же ведома
надпись на собственном надгробье?
Запыхавшемуся ангелу
не успеть
на твою могилу.
Его вспотевшие крылья
тяжко повиснут,
он отступится от нас
и перестанет
преследовать
на дороге
к вечности,
заносимой
метелью
площадных балаганов.

ЕСТЬ ЕЩЕ

Есть еще
Счастливые Острова.
На Морях
Равнодушия.

ЧТО ДУМАЕТ КОНВОИР

Что думает конвоир о конвоире?
Первый конвоир о втором конвоире,
второй о третьем,
третий о четвертом,
что думает первый конвоир о шестом,
что думает шестой конвоир о первом —
сплетение этих идей
создает сеть,
которой опутаны
люди.

Из сборника

«ОБЪЯВЛЕНИЕ О РОЗЫСКЕ»

(1963)

КАДР

Вот
Летучий Голландец,
обеими руками
он держит перед собой зеркало.
В нем он увидел бы
мое лицо.
Нога Летучего
на цепи,
на ее конце
якорь,
глубоко врытый
в берег.

КОРНИ ВСЕГО

Временами из меня выламывается
некто больший, чем я, —
громадный, невежественный зверюга.
Всеми четырьмя конечностями
мне надо ощущать под собою землю.
Хочу зубами вытянуть из нее
корни всего.

ЕСЛИ ЯБЛОКО ПАДАЕТ

Если бы с Древа Познания
упало бы
зрелое яблоко тяжкого греха,
то вряд ли забеременела бы
матушка сэра Исаака Ньютона.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ

Прежде чем
от всего
сердца
пожать
ближнему руку,
я сунул
ему в ладонь
монетку,
чтобы
ему стало еще больнее.
Так создается
экономика
межчеловеческих связей.

ЭТОТ СТРАННЫЙ ЗВЕРЬ

Когда волки выходят из леса,
у них есть на то причины —
даже не отвращение к лесу,
и не надоевшее уханье филинов,
и не бодрые или тоскливые песни,
исторгаемые человеческим стадом.

Гонит их лесной пожар
или беспощадная облава,
гонит их голод.
А человек, этот странный зверь,
вдруг выходит из леса
и воцаряется посреди моря,
и влагает в слезу зеленую веточку,
чтобы она напоминала ему о лесе.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Мы каждый свой день начинаем
с Сотворения Мира:
и нас выгоняют из Рая,
прежде чем впустили туда,
и мы убиваем Авеля,
не задумываясь, не он ли мы сами,
и нас выбрасывает Потоп на берег ночи.
И в нервном свечении звезд
сбиваемся,
подсчитывая на пальцах
удары собственного сердца.

О ЭТИ БЛАЖЕННЫЕ ДНИ

Лес после дождя.
Черные бездомные улитки вылезают на дорогу.
А я заметаю следы,
к ним уже нет доверия,
следам,
что ступали по блаженным дням,
из коих я в ревности изгнал все население,
вырубил леса,

стер все карты
и сам испугался тех блаженных мгновений.
В учебниках моей истории
мир под этой датой сгинул.
И только черные голые улитки
без домиков за спиной
до сих пор не торопятся выползти
из памяти.

РАЗНОЦВЕТНАЯ СЛЕЗА

Окрашенный пылью бабочки —
мгновенный пейзаж моего настроения.
Его сдула моя же улыбка,
излишне натуральное дыхание.

Пыль в очи
и слезу точит.

МЕЛЬНИЦА

Мельница
все перемелет:
рожь
и
жернова,
зерно
и
мельника.
И сквозь сито
просеивается время,
и мешок с ним
все тяжелее.

И ЧТО Ж?

Положим,
вычерпаются
воды Леты.
И что ж?
Погибнем
от жажды
забвения.
И русло заполнится
сухой рекой
прошлого.
И будем бродить в ней,
не утопая.
И глаза наши,
уши,
рот
наполнены будут ею.

ЗАВОДЬ КРОВИ

Речная заводь крови.
Мне известны ее имена,
фамилии, научные звания —
это Коллективный Портрет
в большом Зале Заседаний,
где я
обращаюсь к себе
и через наушники
перевожу себя
себе же
на язык дня.
Речная заводь крови

меняет свои очертания
и краски,
она творит
мир,
чье время
нас
засушивает.

НИКОМУ СО МНОЙ НЕ СРАВНИТЬСЯ

Никому со мной не сравниться в глупости существования,
здесь я по праву занимаю высшую ступеньку
пьедестала почета,
мое имя разносят репродукторы,
как в спасательный круг, я просовываю голову
в венок славы, способный подобно петле затянуться,
когда земля убежит у меня из-под ног,
что нередко уже случилось со мной
в минуты ослепительных вспышек
мудрости.

Я ЗДЕСЬ ПРИ КОРНЯХ

Я здесь при корнях леса.
И это будут шесть миллионов деревьев,
посаженных в библейской земле.
И одно из них — моя мать.
И пускай солнце
заберется в такую высь,
где нет уже Бога —
тень материнского дерева
достанет меня и на краю света.

ЯВЛЯЮТСЯ ВДРУГ

Они являются вдруг на свет Божий,
желая нас удивить,
но пророки уже давно
расклеили на безликих стенах
магистралей
объявления о розыске.
А мы, исполненные благородства,
гордо ходим, делая вид,
что понятия не имеем об их существовании
и что когда-нибудь сталкивались с ними.
А они
возвращаются под руку с пророками,
водружают чашу,
назначают ей цену,
которую сами же оплачивают.
К нашему невообразимому удивлению.

МЫ

Тишина до того густа,
что зазора нет даже для дрожи листка.
И из-за горизонта восходит человек,
он идет ко мне.
Враждебный? Доброжелательный?
Или равнодушный, как декорация,
которая приговаривает нас к самим себе.

ВЕРНОСТЬ

Не брошу моего тела —
умру вместе с ним,
верным зверем,
бессловесно служащим духу.

ВИДЕЛ

Видел
на дереве
злого и доброго висельников,
и по смертельным судорогам
не мог определить принадлежность их
ни к одной из этих двух категорий.
Вот если бы дерево было выкорчевано,
то было бы понятно всем,
что никакой разницы нет.
Однако висельники
продолжали
болтаться
в воздухе.

МАЙСКОЙ НОЧЬЮ

Надо мной звездное небо...

Кант

Майской ночью
я рассмеялся вслух,
когда соловей сфальшивил.
Все смолкло в природе.
Дятел так и не вынул клюва из коры,
а пичуги молча, как рыбы,
миловались друг с другом,
так что остальное зверье
от стыда запряталось в себя.
Из всего леса лишь один комар
грохнулся с дуба,
перепугав застывшую гадюку.

Но тут соловушка
попал клювиком
в нужную дорожку пластинки —
и природа
вновь позабыла
о незадачливых строителях
Вавилонской башни.
Я же почувствовал себя в шкуре
самого премудрого из зверей.

Я остановился там,
где лес чуть реже.
Подо мной муравьиный чернозем.
Надо мной
звездное небо
Канта.

ТЕРНОПОЛЬ 1943

Может, это какие-то
фальшивые цыгане?
Боевым порядком они втянули город
в свое странствие,
их лошади прядали ушами.
Они навечно осели под Замок.
Разлеглись.
Полегли.
А в памяти
всё кочует сито выстрелов,
медь крови, вычеканенная эхом.
И в сумерках —
лишь безлошадные дышла;
они пробурились
из той, шатерной, жизни
и указывали направление.
Со лба у меня лились звезды,
когда воз потянул обратно,
в недостижимую близость мира —
воз, гонимый цыганской тоской
и прикладами эсэсовцев.

* * *

Звезды меня обманули...

Хаим Нахман Бялик

Звезды меня обманули,
не простив мириады звездочек.
И в ночь моего отчаянья
мне хотелось
все их вытряхнуть на Иерусалим.
Знаю,
люди забросали бы меня камнями.
Что ж,
это их право, их долг
от Сотворения мира.

ВСЁ

Всё
есть тревога
возвращения. (
Откуда бы из разведки
ни возвращалось эхо,
оно боится сгинуть
в отпечатках
наших
следов.

Из цикла

«ДВАДЦАТЬ ДВА ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ»

Донос: Ессе homo! *

* * *

И человек, как Феникс, возрождается и от стыда сгорает,
и у него павлиний хвост из крылышек Дедала вырастает,
и, время проворонив, форсирует он Лету слёту.
«Убавьте свету!» — произнес бы нынче, умирая, Гёте.

* * *

Загорелись глаза у волков — ночь спустилась не в срок,
уже страхи скопились в назначенном кем-то лесу,
ключ журчит, когда в воду глядится хорек,
дятел дуб обстучал и решил, что он выдержит ночью грозу.

* * *

Кто без надгробья, пусть спать не ложится,
пусть, страхом гонимый, по комнатам мчится
к выходу, что закрывается лишь на просвет,
с мыслью: *Небытие* — лишь химической формулы бред.

* Се — человек! (лат.).

* * *

Возвращаемся неведомо откуда и куда,
копируем улыбки с копий джокондовских ликов,
скрывая себя в уголках заостренного рта, —
мы, кому тесен и рот, разодранный криком.

* * *

За каждым кровавым углом *Homo sapiens* щедро расклеил
объявление о розыске себя самого — с фотографией
Дориана Грея.
Но прежде чем впрыгнет он в лодку, которою правит Харон,
может себя обезвредить и сам. Коль родится заново он.

Из сборника

«ПОЭМЫ, ГОТОВЫЕ К ПРЫЖКУ» *

ПОЭМА С ПРОСЬБОЙ

Жернова мелют не муку
искры —
для Прометеев.
Толпа ждет
разинув рты
из них
время от времени
вываливается
удивление
и затягивает Прометеев
между жерновами.

Однако Прометеев
предусмотрительно тиражировали
и каждая копия идеально
передает дух оригинала.

Уже Фениксов разводят
стадами на фермах
семечками искр высаживаются
из пламени костров птенцы,
цифры сожительствоуют с цифрами
от цифр они раздуваются
и плодят их дальше.

* Сохранена пунктуация автора.

ПОЭМА ПРОТИВ ОТЧАЯНИЯ

Небытие — ох и вместительна
эта бутыль
упрямые пальцы в ней мастерят
огромные парусники
города
самые точные станки
бутыли, бутыли
небытия
рядом поодаль
вокруг.

В интервалах
между небытиями
жить невозможно.

Текут сетчатые сны
на узлах глаз
остается распятый человек.

В этом гамаке мы грезим
свободой выбора колыбели
о великой амплитуде маятника.

ПОЭМА С НОТКОЙ

Когда мелодия
возвращается к началу,
она уже не застает губ
но льется дальше
и эхо
продырявленное птицами
и взглядами
возвращается туда
в ампутированную память

хранящую Образ Мира
на ранней зорьке
в корзинках
плывем по Нилу
а вдруг в дельте
нас поджидают
дочери фараона
надо избежать этой встречи
поплывем в Ханаан
сходим с галер
согнувшись выгружаем
каменные таблички
Собственных Десяти Заповедей.
На берегу
бродят
бездомные сборщики податей
впиваются в нас глазами
подозревают нас
в контрабанде счастья!
Мы привезли аборигенам
весть
что их родина Ханаан.
А кто они на самом деле
Им все равно
мы же будем держать язык за зубами
чтоб он не вывалился
как у повешенных!
А что, бывают времена.
С ветки на ветку
скачут
веселые висельники
птицы поют
возможно они даже красивее
чем в День Сотворения

каждый листик
это отдельная нотка
она зеленеет
чтобы наполниться желчью
и на миг заколебавшись
пасть
и оказаться нанизанной
на острие стебля.
Ветер парит
неся тяжелую слезу
и теряет ее в синеве.
Но смотрит на нас
слепое время
и наши слезы
отражены
в его сухих глазницах.

ПОЭМА, ГОТОВАЯ К ПРЫЖКУ

Что ж, и крот порой попадает
в клетку закопанного скелета
в час когда мотылек
пыжится догнать жаворонка
и перемешать смыслы
чтобы все вернулось на свои места
кто-то стибрил инвентарный реестр
семи дней
Творения.
Взгляд подмоченный
вечным
Panta rhei *
«Verweile doch!» **

* Панта реи: все течет (др.-греч.).

** Подожди еще! (нем.).

из-за складок неба
как сказали бы иные.
Но замельтешила
зарябила мотыльковая пороша
и вновь зрачок затянут
живописным холстом.
Слеза точит
железный занавес век
вновь принимаешься за газеты
в которых снуют буквы.
Вода уносит
наши отражения
к устьям рек
и не всегда мы застаем себя
на берегу океана
машущими себе вслед,
лишь тени чаек
порой провожают наши отраженья,
да и то с полпути
возвращаются назад
как мы бывало
с похорон
не связанных конкретно с нами.
Кислые крики чаек
над соленым морем
и сладкая, сладкая
жизнь
на меланхолическом берегу
с каждой волной
его бодают спасательные баркасы
готовые к прыжку

ПОЭМА ПРОСВЕЧИВАЮЩАЯ

Сомкнувшиеся веки
гильотинировали сны.
Нотами дыхания
путеводитель зафиксировал
сумбур крови
мир отринут
на расстояние руки
в ладони которой
правчерашние папоротники.
В знак согласия
с самим собой
хлопни в ладоши
ищи эха в поле
где посеял там пожнешь
сгустки бурь
мотыльки словно пыльцу
стряхнули пыль скитаний.
Сквозь сомкнутые веки
человеку не прорваться наружу
настойчивый сон
распахивает глаза
в себя.
Там
неоспорима явь крови.
Небо
разорванное на паруса
трепещет
нашими ресницами
мир —
ведь это только трепет знамен.
Эхо —
это икота пространства

оно от голода вторило себе
окриками
расчленяя людские колонны
в промежутке
между
одним энтузиазмом
и другим.
А бабочки как немота
минувших бурных дней
во мне же
тишина разноцветных лепестков.
Они могут быть положены
на оба века
чтобы оттенить
вопросительно зияющие глаза
и подобно глазницам черепа
стократно высветят
мерцающий
свежим бесцветием мир.
Мы в ожидании прозрения.

ПОЭМА ОЖИДАНИЯ

Сверкали
волчьи глаза
людей
но действовал запрет
на отстрел волков
хмелея от незащищенности
я пробивал
невидимые стены
во мне тихо рыдала
иерихонская дудочка.

Мир наполнялся
пластами веселья
оно шеренгами выстроилось
подобно штакетнику
в силе наших кулаков
есть беззащитность
расщепленных
на десять
равноправных пальцев.
Свистнув двумя из них
я слушаю
кто явится?
Ожиданием гроз
грядут радуги —
транспортиры
наших надежд.

ПОЭМА О ГОРИЗОНТАХ

Дышите на зеркала
уничтожайте свои отражения
пусть голые поля текут
к чужим горизонтам
кровь нужна
чтобы восток смешался с западом
чтобы одно брало займы у другого
муэдзины созывают богов
к молитве.
Тень птицы мимолетна
хотя ползает по земле
кто закопает ночью звезду
тот наутро ее не отроет
разве что съест сладкий корешок
или добудет червей для знакомых рыбаков

Глотаем опиум истолченных в порошок звезд
а снятся они нам в черном небе.
Подкованные географией ноги
упрямо возвращаются назад.
Грохот барабана раздается в его чреве
но не в силах вырваться наружу
и люди бегут
даже по краю пропасти собственных горизонтов
туда где они внезапно
оканчиваются глубоким вздохом
но никому не откроются
внезапным высоким взором.

ПОЭМА НАДЕЖДЫ

Мне вспоминается начало света
выстроились ряды
переполненных надеждами бочек
я спасенный от небытия
шурша ресницами
открываю глаза
уже приколачивали дорожные знаки
хотя у света не было еще сторон
чтобы все было по закону
я должен был родиться снова
и только ждал выхода в свет
Книги Бытия.
Поскольку о свободе еще не имели понятия
свобода была полная.
Некоторым лицо
как будто даже было к лицу
запросто ели руками
надеясь, что они чистые.

Ночью на полях
лопалась спаржа
глухим казалось
что стреляют
а якобы слышащие
были в этом уверены.
Время
научилось ходить
ради того чтобы дойти до сегодня.
В руках пригожих женщин
были яблоки греха.
Закуска под водку.
Нам не надо было никаких листиков
чтобы прикрыть наготу
никто не смотрел в лица друг другу
«КИТЫ
плавали в ручейках»
так сказано в родословной плотвы.
Уже возводили бездну
растущую как и всё здесь
вверх.

Я сидел в городском сквере
и уже читал в себе стихи
их главной темой был Конец Света
полный итоговых свершений
триумфов и фейерверков и фанфаронства
оттуда дорога вела вновь к Началу Света
пока я сидел
на скамейке в городском парке
и уже читал в себе стихи.
Сейчас светает
спаржа трещит в полях.
Я редко питаюсь спаржей.

Под ее треск
я проглотил в жизни уже не одну дробинку.
Я пережил всех Мафусаилов.
У всех на груди болтается надпись
что еще только Начало Света
часы идут следом за нами
стрелки уже стерли время.
— Который час, соседи?
— Как раз Начало Света.
Глухому раз плюнуть пройти
между струнами арфы.
А нам не посчастливилось.
И наша смерть уж точно
не Опус №1.
Что-то грохочет? Канонада?
По небу кто-то перекатывает бочки.
Грохот все тише.
От переизбытка надежд?

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ СТАРЫХ СКАЗОК?

Что осталось
от старых сказок?
Коверные клоуны
в паузах кувыркаются
на ковре-самолете.
И порой
взгляд мечтателей
способен вознести его
под купол
цирка.

**«ИЗ ТЫСЯЧИ
И
ОДНОЙ ФРАШКИ»**

(1959)

Перевод
Евгения ФРИДМАНА

ФРАШКА

«Что? Фрашку написать? — пустяк!» —
услышал я от гения.
Две ночи он сидел, кряхтя.
А вышло что? — трагедия!

О ФРАШКЕ

Спрашивают меня часто: «Сташек,
ты с древа познания сбил много фрашек,
но почему же, интересуемся все мы,
ты не коснулся корней поэмы?»
Я всем отвечаю не прямо, но косвенно
дыханием прежних, задумчивых осеней:
«Aus meinen grossen Schmerzen
mach ich die kleinem Lieder» *.
Словно сам Гейне из своего сердца
вырвал для меня эту тайну.

МЕЧТА ПЛАГИАТОРА

Порою в тиши библиотечной сижу
и вирши читаю свои, а потом их пишу.

* «Из моей огромной боли я создаю маленькие песни». *Г. Гейне*

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ЛЮБОВНАЯ ФРАШКА

О милая, о нежная, скорей спаси меня.
Прошу тебя, приди ко мне. А я приду в себя.

НАКАНУНЕ ВРУЧЕНИЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

Повременить с ней можно было бы вполне,
дождавшись победителя в будущей войне.

Декабрь 1936

ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Крестили младенца в костеле. О том
не ведали точно, кто папа, — накладка.

А Богу известно ли, кто был отцом,
если для матери это загадка?

ТОЖЕ ФРАШКА

Вот прикатила жена наконец!
Месяц (не меньше) в горячих объятьях
мы провели с ней, и весь Трускавец
вряд ли вместил столько счастья.

Где-то, однако, у Мопассана
вычитал: мужу тоскливо с женой.

Что ж, он писатель отживший,
simplicitas sancta *.

P.S.

Вспомнил! То было с женою чужой.

Сентябрь 1936

* Святая простота (лат.).

АРХЕОЛОГИЯ

О девственности диалог был долог.
Вели его под звездным пологом
с фантазией и чувством долга.
И кто ж? Два археолога.

О ДЕМАГОГАХ

И что за бог ковал им лик?
Видать, нетрезвый.
Он дал уста золотые им
к башкам железным.

ИНСТИТУТУ МЕТЕОРОЛОГИИ

Пошли они в баню,
все ваши приборы и аппаратики!
Хватит вам одного,
но честного в меру ревматика.

О ФРАШКЕ

Бросить быдлу перчатку я глупость имел,
чем запятнал я обычай рыцарский старый.
Он же ее хладнокровно на правую руку надел,
второй ожидая. Чтобы иметь уже пару.

О ЧЕРТЯХ

Что, черти без копыт? Да не вопрос!
Найдутся. Коли будет спрос.

ЛИБО-ЛИБО

Если леди — то Годива,
если девка — то правдива.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ПО-РАЗНОМУ

В одну эпоху — длиннее ночи,
в другую — не в пример, короче.

ХОТЯ БЫ К СТАРОСТИ

Не каждому говну подстать
на старость лет навозом стать.

О ЯЗЫКЕ

Говорят мне: «Язык у вас острый какой!»
Ответил: «Смотрите — польский, простой!
Острее он, коль правду говорю.
Тупеет он, когда я вру».

О ДОСТОИНСТВАХ БАЛЕТА

Много у балета плюсов — сказать не боюсь.
Но отсутствие дикции — самый великий плюс.

НА ФАШИСТОВ

Толпа маршировала, криклива и зубаста,
под транспарантом красным: «Per aspera ad astra!» *
Спросил: «Как переводится?» — Ответили мне гордо:
«А черт его не знает! Набить бы только морды!»

* * *

И Вера чудеса творит,
коль Случай к ней благоволит.

* «Через тернии к звездам!» (лат.).

О ПЕЧАЛИ

У великанов и лилипутов, не замечали,
такого же точно размера печали?

НАД СТАТИСТИЧЕСКИМ ЕЖЕГОДНИКОМ

От мук эротических и упоенья —
цифирь лишь сухая: прирост населенья.

УЖЕ

У нашего у мясника
вола уже не отличим мы от быка.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

И слабый свет считаем ярким мы
на фоне непроглядной тьмы.

* * *

На дне безопасней всего:
ниже нет ничего.

* * *

До греха и по кривой дороге
легко доберешься и в сжатые сроки.

О МИСТИКЕ

И евнуху нацепит мистик
фиговый листик.

О ВЕРНЫХ

Этот за Христом идет, а тот — бежит.
Зачем? Чтобы, догнав Иисуса, крикнуть: «Жид!»

О ВЕСАХ ПРАВОСУДИЯ

Они давно всё взвесили,
и все же не дождусь ответа я:
с чего бы правда голода увесистей,
чем правда приодетая?

* * *

— Пан, вы мертвы или живы?
— Не пойму. Жду директивы.

О СООТЕЧЕСТВЕННИКАХ

Когда я кричу соотечественникам:
«На вас глядит человечество!»,
то пани подносят к губкам помаду,
а паны галстук приводят в порядок.

О ПЕВЦАХ

Певцы в своем кругу твердят прилежно:
«Фальшивить можно — только нежно».

О МНОГОЖЕНСТВЕ МОРМОНОВ

Каков гормон,
таков мормон.

В ЗАЩИТУ ВОЛКА

Не ходи за волком в лес:
у волка времени в обрез.

* * *

От тяжести ореола такого
весь век голова болит у святого.

* * *

Тех, ради кого идут люди на крест,
увы, никогда не бывает окрест.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ САТИРЫ

В горячности я рвал одежду на себе, и то
тогда еще был молод я.
Сейчас я тоже горячусь порой, зато
одежду я ношу уже на молниях.

1954

О ФАКТАХ

— Во что ты веришь? — Грешен я:
я верю в факты. Только в свежие.

О НАС ТРОИХ

Когда бываю сам с собою я,
присматриваю сразу за обоими.

* * *

Горбун над зеркалом реки стоит
и говорит:
«Верблюд, рожденный без горба,
наверно, инвалид».

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

* * *

У разных людей и судьбы иные:
Одни — пишут вирши, доносы — другие.
Коль оба таланта в одних руках,
доносы кропают просто в стихах.

* * *

Лет через сто поэта внук
со внуком цензора сойдется вдруг.
Так кто же правды ради
из них признается вперед, кто его прадед?

В АДРЕС НОЯ

Кого не спас в своей священной шлюпке ты —
от муравья и до гиппопотама!
Скажи, а Бог велел тебе спасти
еще и сына Хама?

САТИРИКАМ

Хочешь плюнуть в кого-то, то плюнь во льва,
когда он бредет по саванне — красив и громаден.
Но не люблю, когда слюни-слова
льва поражают лежащим ковром у кровати.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

А Герострат милейший наш —
опасный персонаж.
Чтобы известным завтра стать,
готов дрянную книгу написать.

О КРАСНОРЕЧИИ

Хочешь, оратор, ты лавры стяжать?
Вещая, попробуй язык за зубами держать.

ГРАФОМАНАМ

Муза — дама капризная, в общем, обуза:
и ублажай, и потворствуй, и холь ее...
Преступник же тот, кто насилует Музу,
а если он импотент, то тем более.

* * *

Восторженный вчерашний панегирик
подпишет завтра лишь сатирик.

* * *

Их бить или не бить сатирой? —
вопрос, я вам скажу, для мудреца.
Пусть даже у сатиры много силы,
но как по морде бить, у коей нет лица?

1949

ТРАГЕДИЯ

Определить трагедию? А слов — всего лишь пара?
Трагедия в театре — *отсутствие репертуара.*

ЕЩЕ РАЗ О ФРАШКЕ

Если фрашка в цель попадёт
небеспричинно, —
то наполовину убьет,
но и обессмертит наполовину.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

О КАЗАНОВЕ

Жаль он не скульптор, а не то
он вот как изваял бы Казанову:
то место, где обычно фиговый листок,
прикрыл бы листиком лавровым.

НА КЛАДБИЩЕ

Лишь здесь, на могильном покое,
неощутим прогресс.
Минули тысячи осеней —
а эта невежда с косою,
по-прежнему вместо подписи
ставит и ставит крест.

1947

О ЧИСТОТЕ

Пусть своим чистым прошлым
авантюрист не гордится:
и каждая шлюха тоже
когда-то была девицей.

О НЕЙ

Секрет ее чар — это тайна, которую
не разгадаю ни я, ни другой.
Как втиснуто сердце такое просторное
под маленькой грудкой такой?

ЕЩЕ ОДИН ЮБИЛЕЙ

Я тоже юбиляр! Не верите — не надо.
Я — видел *тысячу* парадов!

О СЕРДЦЕ

Подслушал в лесу разговор любопытный:
«Вот человек же! И сердца был редкого!»
Я высунул голову. Стало обидно:
то говорил людоед с людоедкой.

ЭРУДИТ

Пан Икс? Энциклопедия! Ходячая притом.
Но из нее уж вырвано три четверти листов.

1949

АНКЕТНЫЙ БУМ

Еще и такую анкету состряпайте:
«Что думает главный герой эпопеи об авторе?»

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

К чему все эти курсы материнские
и все инструкции бесценные!
Одни все равно уродятся сатириками,
другие воистину — цензорами.

О НЕКОТОРЫХ КРИТИКАХ

Ах, критик, ты вновь потонул, как ни грустно,
в пучине искусства бездонной,
забыв, что глубинами в недрах искусства
считается то лишь, что выше всегда горизонта.

ФРАШКОТВОРЕЦ-ИДЕАЛИСТ

Идеализма здесь на грош всего,
а главное — чтоб в лоб и коротенько.
Ведь деньги — это фрашка для него!
Но ведь и фрашка — деньги.

О ЛЮДЯХ

Побед и разгромов известен нам почерк.
Рассвет заставлял нас в местах удивительных:
одних только — в лагере победителей,
а в лагерях победителей — прочих.

ПАРАДОКС

Эту фразу вытаскивал я каждый раз
из пустого житейского бредня:
почему, почему же последняя мразь
не становится мразью последней?

1947

РАНТЬЕ ИДЕИ

В нем выгорело все, что было ценным:
желанье правды, дух бунтарский...
Но по сей день живет с процента —
от «Капитала» Маркса.

1947

О МОДЕ

Мы гонимся за временем с азартом,
недаром нас журналы мод интересуют.
Так под каким углом сегодня, даже завтра,
они нам головы носить рекомендуют?

ПРОТИВ ОТКРЫТИЙ

Я против покорения Луны. Меня
и глобус старенький вполне устроит,
не то отыщется какой-нибудь маньяк
который скажет: «Стоит
здесь лагерь заложить, панове!
для каторги прекрасней нет условий».

ОТСТАЛ!

В танцзале долго их учили, видно,
как ставить в новом танце ноги.
А я перебирал ногами в старом ритме...
О боги, я утратил ритм эпохи!

ЭХ!!!

В аскезе
не употребляй себя сколько влезет.

О ПРЕЙСКУРАНТЕ

Да, слов цена у нас невероятная,
ибо молчанье платное.

О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Пастырь стада свои пас. Ну и что же?
Так волки завывали: «Паси нас тоже!»

О ВРЕМЕНИ

И нового ямщичьего кнута,
увы, не слушают года.

СЛОГАН

Свой шлем легендарный герой-патриот
после триумфа (разгрома) * в утиль отдает.

О ВКУСЕ

Приметы вкуса! Их везде присутствие.
Особенно — в его отсутствии.

МЕЧТЫ

О чем мечтает зеркало, задвинутое в угол?
Конечно о лице. Хотя бы глупом.

О ГРАФОМАНИИ

Кто знает стоимость слова,
когда, что ни встречный, то хам?
На почте работница новая —
в окошке «Прием телеграмм».

О ПОЭТЕ

— У него шестое чувство? — Разумеется!
Пяти же первых не имеется.

ОБ АКТАХ

С ней акт один сильней чарует, чем премьера
трех длинных актов пьесы самого Мольера.

* Ненужное зачеркнуть (*просьба автора*).

* * *

А это устное распоряжение Аполлона самого:
сатиры не писать — там, где нет зеркала ни одного!

О ПОЭЗИИ

Кто вечно в творчестве, в лирическом волненье,
тот шницеля не съест без вдохновения.

ГРАФОМАНАМ

Да, Муза — женщина! У вас сомненья?
Хрупка, очаровательна, хоть святости в ней нет.
Так что насилие над Музой — преступленье,
тем более, поэт, когда ты импотент.

* * *

Произнесенный нынче панегирик
подпишет завтра лишь сатирик.

* * *

Особой этой овладеть собрался ты насильем?
А лучше без хлопот — автомобилем.

* * *

Жанр дифирамба и осанны —
удел заправских графоманов.
Они способны осмеять кумира
сильней, чем мастера сатира.

ЭПИТАФИЯ

Здесь не лежит никто, и памятник — ничей,
так как при жизни даже не было у них харчей.

НЕ ВРЕМЯ

Увы, тебе, рыцарь, чесаться не к спеху:
как говорится, уже ты в доспехах.

О ГРЕХЕ

Чем ближе к Мекке,
тем грех без помехи.

К ДЕВЧУШКЕ

Прикоснуться к губкам твоим дай же
и благословить сие мгновенье...
Нет, малышка, отойди подальше,
я не собираюсь становиться эпигоном Гейне.

ИНОСТРАНЩИНА

Дошел до полного рефенеман *
и посылал не к «матери», а лишь к «татап»!

О МОДЕ

Откуда вся мода пошла? — отныне узнаете все вы.
От фигового листика той самой Евы!

* Рефенеман (*refinement*) — утонченность (фр.).

О СЛАВЕ

Иные быстро скок — и уж на цоколе,
другие долго мнутся около.

О ЗАСЛУГАХ

И ахиллесова пята, при всей очевидности,
право на ренту дает. По инвалидности.

ОБ ОТПУСКАХ

У мыслей твоих — выходные тоже,
особенно если они неотложны.

О ГАРМОНИИ

Порой триумф в дискуссии —
заслуга лишь перкуссии.

СРЕДСТВО

У них с пелен к сатире равнодушие.
Вот потому нашептывай им в уши.

* * *

Такие словечки знает язык,
которым вообще-то не нужен язык.

О МОЩИ

Представь себе, какая мощь,
когда мильон гусей гогочет во всю мочь!

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ВЗДОХ

Много ль людей живет без идей?

Орды.

А вот идеи живут без людей?

Нет? Прискорбно.

О РАЗДЕЛЕНИИ ЛОЖА

Она одно с супругом делит ложе.

Делить с другими уж не может.

ДЕЛИКАТНОСТЬ

Не могут тактичные звезды
заглядывать ночью в гнезда.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Способно жену разъярить
и даже убить, не правда ль, —
то, что приходится ей платить
полную цену за падаль.

КЛАССИФИКАЦИЯ

Осел, владея в стойле высшим рангом,
увы, не станет никогда мустангом.

* * *

В вопросах веры кто собаку съел сполна?
Конечно сатана.

О МЕХАНИКЕ

Звали механическим талант его не зря:
открыт он был практически при запертых дверях.

ДОРОЖНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Все дороги ведут до Рима.
У всех есть шанс проехать мимо.

* * *

Две стороны у медали.
Но в одном металле.

1956

О КРАСОТЕ МИРА

И в топоре палача, как положено,
отражение мира Божьего.

О ЦЕЛЯХ

О женщины, что смотрите вы на мужчин так мрачно?
Как ваши блузки летние, их помыслы прозрачны.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Я разговор двух дам подслушал на аллее:
— Ах, этот Запад сказочный, о Боже!
— Как новый вам роман Хемингуэя?
Только подумайте: «Старик и — *может!* *»

* По-польски существительное «море» (morze) и глагол «может» (może) звучит одинаково — [мóже].

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ОБ «ОРДЕНЕ ПОДВЯЗКИ»

«Орден Подвязки» вручается только особам,
у коих с одеждой проблем нет особых.

КАРЬЕРИСТАМ

Для вас учебник алгебры —
конечно, детский лепет,
но, словно в зеркале, запечатлелось в нем:
«Ноль, возведенный даже в степень,
так и останется нулем».

САТИРЕ

Нет, струн не вырвать в твоей лире —
ни окрику, ни даже папской булле!
Убьют сатирика? И смерть его сатирой
на вашу справедливость будет.

О БЕДНОМ КОРОЛЕ

У замка ликует толпа — фейерверки и крики:
«Король наш да здравствует, здравствует!» —
не умолкая.

А бледный монарх камердинеру голосом тихим:
«Зачем от меня им нужна еще жертва такая?»

КРИТИКАМ ГЁТЕ

Вот ручка, вот чернила! И, пожалуйста,
пишите сами «Фауста».

ОБ ЭКОНИМИИ

От темени до голени
мы будем экономны,
чтоб слов весомых толику
нам передать потомкам.

О КОНКРЕТНОМ ТИПЕ САТИРИКА

Он оплевал сначала с головы до ног,
потом облаял, как в трактире,
и, приподнявши котелок,
изрек картинно: «Я сатирик!»

О ГУСТОЙ ГРЯЗИ

В густую грязь упал ты — не беда,
зато бесспорно избежишь ты дна.

НАПОМИНАНИЕ

Сердеч биенье не дает ответ,
кто иноверец, а кто нет.

ЕСЛИ Б

Если б миром правил дым,
состоял бы год из зим.

О РАЗВИТИИ

Розой не хочет бутон становиться:
шипов он своих, вероятно, боится.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

НЕОБХОДИМО

Каждой вере нужно, чтоб
был у нее позорный столб.

ОБ ОРЛАХ

Не один орел в небесной сини
прелюбодействовал с гусыней.

ЭХО

Когда мы порою трясемся от смеха,
в зале рождается пафоса эхо.

О БУРЕ

Буря продолжается, ярясь,
чтобы породить хаос и грязь.

О ВРЕМЕНИ

Палач и жертва неизбежно —
стрелки часов. Одних и тех же.

ПОЗИЦИЯ

В землю он крепко уперся ногами,
в кормушке зато — с головой и рукам.

О РАКУРСАХ

взгляд науки точной может быть фальшивым.
Но каждый ракурс ведь рождает перспективы.

О БОЖЕСТВАХ

Не стоит почитать такое божество,
которое боится отраженья своего.

О ВОРАХ

Ах, эти воры! Ах, они злодеи!
Всё что ни попадя крадут! Даже идеи.

НЕАНТАГОНИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В мафии одной они все годы —
лишь разные у них приходы.

О СЛАВЕ

Чтобы схватить за жабры славу,
сам возбуждай в народе «браво».

О ДУШЕ

Бессмертных душ завидую уделу —
летать лишь с телом.

О ВОЛКЕ И ОВЦАХ

Сыт волк, и овцы целы (что не всегда бывает) —
коль волку козочка перепадает.

ОБ ИЗЖОГЕ

А ведь случилось, что изжога
была мышлению подмога.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ГЕРОЙ

Одним лишь пальцем тысяч сто
герой убил сознательно.
Но этот пальчик не простой,
а указательный.

ОБ ОДНОЙ

ЧРЕЗМЕРНО ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОЙ ДАМЕ

Раз на нее посмотришь — и не боле,
а у нее уже предродовые боли.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Под крышею одной — и там и тут —
Лицемерие со Страхом живут.

О ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТИ

Да, он страдал, когда людей сжигали на костре:
дым щекотал ему в ноздре.

ОБ ОРГАНАХ СЛУХА

Шепнешь кому-нибудь на ушко — вдруг
соседа глаз приобретает слух.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ни одна из песчинок губительной бури
виновной себя не признала де-юре.

О СИМВОЛАХ

И символы, бывает,
моль подъедает.

О СМЫСЛАХ

Мысль сохранится свежей едва,
если ее оденут в слова.

ОБ ОДНОМ ПИСАТЕЛЕ

Как пчелка в свой улей,
он в каждый роман
несет сладость боли
всех своих ран.

КАК У ВСЕХ

Даже глупцы в своем идиотизме личном
неповторимы могут быть или вторичны.

СОДРУЖЕСТВО

С телом своим
у бедного духа —
одно на двоих
брюхо.

В ЛЕСНОЙ ТИШИ

В лесной тиши охотник взвел курок.
А лис промолвил: «Понял твой намек».

ПЕЧАЛЬНАЯ ФРАШКА

Когда спадают брюки ненароком,
с достоинством подтянешь их, а выйдет боком.

МОДА

В личных целях наша цель —
иметь к лицу идеи. В пальтеце.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ИНФОРМАЦИЯ

Знайте: даже в Эльдорадо
людям за границу надо.

ВСЁ ПРОСТО

Тверд ли орешек для зубов,
зависит только от зубов.

О ПРИВЫКАНИИ

Ведь у принцессы на горошине и то
не сразу попка пообвыкла. Что
тогда о голове обычной говорить нам надо?
Она ж бесчувственнее зада.

* * *

Весна, лето, осень, зима,
весна, лето, осень, зима,
весна, лето, осень, зима,
весна... лето...
и нас нету.

РОЖДЕННЫЕ В РУБАШКЕ

В одном подфартило гномам:
их трудно убить громом.

НАВЕРНЯКА

Будь перед нами Диогенова бочка,
стояла бы бочка пустой разве ночку.
Назавтра ее бы отдраили щеткой,
да и наполнили... водкой.

О ДВУХ ПОКОЙНИКАХ

Один погиб, как Гектор,
другой жил, как директор.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИКАРА

Мораль легенды об Икаре? — вот:
Икар покаран первым из пилотов
за то, что он решился на полет
до времени полетов.

ПРОСТОЙ СЧЕТ СОВЕСТИ

Кто присягает на верность по форме,
того на довольствие ставят по норме.

ЛЕГЧЕ

Сегодня мы в этом уверены точно:
легче попасть в человека, чем в точку.

О СВЯТОСТИ

За святости нетленный ореол недаром люди
до сей поры ломают кости. Людям.

НАДЕЖДА

От чего соперник вас спасет, хотя б отчасти?
От счастья.

ОБ ОАЗИСАХ

В оазисах очень приятно, не скрою.
Но только — порою.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ИСКУССТВУ

То сто кнутов,
то «сто цветов»*.

О ПРОБЛЕМАХ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Несбыточная благодать —
быть пророком вспять.

КОГДА НУЖНО

Ржавеет без работы гильотина,
не слышен стук голов в родном краю.
Вот вам образчик палача и гражданина —
коль нужно, он подставит голову свою!

* * *

На ярмарке тщеславия (вглядитесь повнимательней)
и добродетелью владеют покупатели.

О МЕЧАХ

Их удивленье не берет,
когда кровь по ним течет.

* * *

О сколько трубачей годами ждет, когда
настанет миг их та, та-та-та, та!

* Лозунг Мао Цзедуна, поощрявший в 50-х гг. в Китае разнообразие в экономической и культурной жизни.

ИСТИННЫЕ ИДЕАЛИСТЫ

От идеала своего
признанья ожидают личного,
что нет вообще, вообще его
в наличии.

ДА И НЕТ

Если окажешься даже на дне,
еще обнаружишь там «да» и «нет».

О ПЛАНИРОВАНИИ

Смены богов наступает час,
поэтому четко знать мы должны,
кто богохульствовать будет из нас,
а кто — петь псалмы.

ЭХО

Из мира акустики преступление это:
порой оглушит и ничтожное эхо.

МИССИЯ

Баран, своей отары лидер и отец,
бодать кого угодно рад. От имени овец.

РЕЦЕПТ

Не называй того бандитом,
от крови руки чьи отмыты.

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ФРАШКА

И для каждого осла,
где-то травка выросла.

С КУЛЬТУРНОЙ НИВЫ

Спросил министра как-то раз,
что пашет на культурных пажитях:

«Ну, как там пахота у вас?»

Ответил: «Я лишь унаваживаю».

АГА!

Рождает страх у нас пока
и это краткое «Ага!»

О ЛИРЕ

И лира отзовется нотой жгучей,
коль струны у нее из проволоки колючей.

О ДОРОГАХ

Надо, чтоб обязательно
каждый усвоить мог:
лучше — дорога без указателей,
чем указатели без дорог.

О НЕСОРАЗМЕРНОСТИ

Трусы бывают размеров аршинных:
не спрятаться им и в дырах мышиных.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ

Одна пустота от другой
отличается пустотой.

* * *

«Выполнен план».

Подпись: *Онан*.

О ВЕЛИЧИНЕ ДУШИ

Когда душа вырастает в размерах
и уж не в силах порвать с оболочкой,
тогда начинается путь к бессмертию.

Точка.

ПРОГРЕСС

Сегодня даже в снах (какой прогресс!)
есть смысл иметь свой шкурный интерес.

О ГОЛОВАХ

Бывает, что не избежать конфуза,
и глупой голове подскажет что-то Муза.

Но главный фокус в том и состоит:
как эта голова всё повторит?

НЕ ЗАБЫВАТЬ

Сначала рождается каста.
Лишь после она на идеи горазда.

МОКРАЯ РАБОТА

Ведут дискуссии ребята до момента,
пока не оплюют до смерти оппонента.

ПРОСЬБА

Эй, шпоры, вы поласковой шпыняйте!
А лучше — собственные ноги подгоняйте.

ТЕМП

Наследники вечно торопят прощальный молебен:
покойник — на первом, они — на седьмом уже небе.

О СМЕКАЛКЕ

Тот, кто без компаса вышел в жизнь,
сколько угодно может кружить.

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Ведьма, неловко сидящая на метле,
может сама оказаться в котле.

ОБЛИК

Истинный облик уклада
легко различишь только с заду.

РЕФЛЕКСИЯ

Беда нам, смертным, ой беда нам,
коль небо сговорится с адом!

Из сборника «ФРАШКОСБОР»

(1966)

Перевод
Евгения ФРИДМАНА

ИДЕАЛ ФРАШКИ

Озаренье
на мгновенье.

ПРОСЬБА

Не стоит ждать от зерен нам
признательности к жерновам.

БИОГРАФИЯ

В молодые годы выдохнуть боявшийся,
он мнит сегодня:
«Я снаряд...
неразорвавшийся».

НЕОЖИДАННАЯ МЫСЛЬ

Останется ль хоть дырка в небесах,
когда, Земля, тебя мы превратим во прах?

КОГДА БЫ

Когда бы шаг познаний наших плоских
не выдавал кошмарный скрип дубовых досок!

ЗАЩИТА

Иной адвокат
гнет линию верную —
и подзащитный
становится жертвою.

МРАЧНЫЙ СИЛУЭТ

Нет, он не миф, он нам упрек —
полуневежда, полубог.

НА КЛАДБИЩЕ

Живая мысль сюда не раз придет,
ведь здесь покоятся могильщики ее.

ИЗ КАРДИОЛОГИИ

Кой у кого сердцебиенье слышишь
скорее ниже пояса,
чем выше.

О РАЗВИТИИ

Еще одно над совестью насилье
исправить человечество бессильно.

РАСЧЕТЫ

Как! Платит дорого тот, у кого свое мнение?
А должен дешевле. По моему разуменью.

УСПЕХ

Как люди растут! Все быстрее, все стремительней
уходят они от того, с чего начали.

Смотришь, лицо было просто значительным,
теперь оно явно двузначное.

ОБРАЩАЮ ВНИМАНИЕ

Per aspera ad astra *
добраться бы без пластыря.

К БЛИЖНИМ

У нас неравная игра, —
скажу, любовью к вам дыша.
Я мыслю вслух. Вы — про себя.
Но *ш-ш-ша!*

О СОСЕДЯХ

Сосед соседа знает вполне:
он слышит, что тот произносит во сне.

ИДЕЯ

Раз в жизни увидеть бы
(я ведь не молод),
как наковальня
упала на молот.

СОБЛАЗНИТЕЛЬНОЕ

За то, чтоб полслова хотя бы понять,
полголовы я согласен отдать.

* См. сноску на с. 165.

О НАМЕКАХ

Боишься намеков —
себе дай зарок
не лазить в словарь:
там что слово — намек.

АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ

С другой стороны телескопа —
ну как?
Все то же, все так же —
космический мрак.

И

И у святых есть праздник свой,
если в храме выходной.

РЕЦЕПТ БОРЬБЫ

Усилий не тратя даром,
избегай не врага, а удара.

СОГЛАЩАТЕЛЬСКАЯ ФРАШКА

Ваша взяла, бессердечные!
Хотите —
буду жить вечно я!

ИЗ РАЗДУМИЙ ГИДРОЛОГА

Кровь — не вода!
Крови не жаль, господа!

ПОЖАЛУЙ

Явление это, пожалуй, нередко —
птичка свою воспевает клетку.

ЛИРИЧЕСКАЯ ФРАШКА

Сидел с ней долго я,
и лезла в голову
такая блажь —
аж...

ВНИМАНИЕ

Карябать пером смертельно опасно:
оно хоть безлико, но тупо и грязно.

УТЕШЕНИЕ

Верю
от века
в зверя,
в человека.

С тех пор с оптимизмом
глажу мохнатую шкуру.
Верю в (звериную)
дрессуру!

ИЗ СТАРЫХ ОБЫЧАЕВ

Одним обычаем менее стало —
жить до конца своих дней не пристало.

ДАЖЕ

Если в стену пулять хотя бы горохом,
соседям от этого может быть плохо.

НАИБОЛЕЕ РАЦИОНАЛЬНО

Он никому не служит,
так как никому не нужен.

ДАЖЕ

Даже мудрец
(не то, что я)
ждет обглоданной косточки
Небытия.

ИЗ ОПЫТА

В толпе нам легче намного
шагать с Историей в ногу.

О ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТИ

Жизни нить себе прядется,
пока саван не соткется.

ПОРОЙ

Порой это Тайна Большая —
лишь маленький вычет:
пальцем давно на нее
вся улица тычет.

НАДПИСЬ

Внимание!
Всем спрятать головы!
Правда —
голая!

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

И Оказия вертит
частью тела
могучею
перед
господином Случаем.

ПОД РЫБКУ

Щучка мой поплавок теребит, не стыдись.
Не везет тебе, рыбка, мне нужен язь.

МЕЖДУ ПРОФЕССИОНАЛАМИ

Разве роза для розы
своим ароматом угроза?

ВОСПОМИНАНИЕ

Глаза наши встретились, и без испуга
наши тела оценили друг друга.

О ДАНТЕ

Сомнительно, что Данте был гигантом:
он в части ада оказался дилетантом.

О СИСТЕМЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЙ

Право, неловко,
когда у палача получка
поштучно —
за головку.

ГРУСТНО

Грустно, когда, оказавшись под вишней,
ее в мармеладе с сахаром видишь.

ЧЕМ

Чем ранг твой ниже,
тем корыто выше.

НЕ ПОРИ

До той поры
горячки не пори,
пока не доказал,
что асом стал.

НИКТО И КАЖДЫЙ

Никто не выносит бесправия права,
но каждый свое утверждает право.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

С потерей атрибутов власти
он исчезает сам. Отчасти.

СКАЗОЧКА О БЕЛКЕ

Захотелось белке, что живет на елке,
рассмотреть поближе мирную двустволку.

.....

Ой, какая дружба у ружья и белки —
рядышком красуются на стенной побелке!

ТРУСАМ

Даже отвага бульдога
трусам не подмога.

QUO VADIS?*

— Куда ты? — кричу человеку простому.
— К лангету, грудинке, азу и жаркому!

ВСЁ

Всё уместилось в этом даре —
от Творца до твари.

ОДИН ЛИС

Один из почтеннейших лисов
взялся составить список
курочек местных, но, как ни трудился,
баланс у него все никак не сходился.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Раз под возом, раз на возе», —
чирикал воробей в навозе.

ИНТИМНЫЕ БЕСЕДЫ

Частенько я, задав себе вопрос труднейший,
даю ответ: «Ошиблись адресом, милейший».

* Куда идешь? (лат.).

У ЖИВЫХ

Всё у живых: и позы,
и даже трепет розы.
А дерни розу за венец —
и трепету конец.

ПОХВАЛА ПАНИ ВАЛЕВСКОЙ *

Она и в сорочке ночной
помнит о Польше родной.

ВОПРОС

Какая же сумма для кражи годится,
чтобы собою могли мы гордиться?

ОБ ИСТОРИИ

Принцип исторической «морали» —
не вникать в детали.

О СРЕДСТВАХ

Плывут по теченью хитрые. Да не дюже.
Хитрейшие — идут по суше.

КАРА

Не знаю худшей кары —
быть рупором пластинки старой.

* Графиня Мария (Марыся) Валевская (1789—1817), любовница Наполеона Бонапарта.

О СЧАСТЬЕ

Несчастья парами свои проходят круги —
наисчастливые супруги.

НИЧЕГО

Без потенции
нет инвенции*.

РАЗВЕ

Хоть одна известна в мире каста,
которая себе сказала: «Баста!»?

О ДИРИЖИРОВАНИИ

Была сначала нота (дело в том),
а дирижера палочка потом.

ПРОБЛЕМЫ ЛОРА

Дыханью помехи —
забудьте о смехе.

ОБЩИЙ РЕЦЕПТ

Чем уговаривать,
себя напрасно мучая,
не лучше ли
дождаться
случая?

* Изобретательность (лат.).

ОСТОРОЖНАЯ ФРАШКА

Возьми его лихо!
Но тихо.

ПОРТРЕТ

Каинову печать на челе приобрел,
а сверху — мученика ореол.

О СВОЙСТВАХ СОЖИТЕЛЬСТВ

Любое совместное ложе
свой повод имеет, похоже.

СЧАСТЛИВЫЙ

Блажен покойничек,
которому хватает такта
поверить,
что все вылежится как-то.

РЕЦЕПТ

Травить людей не стоит псами,
коль загрызть способны сами.

НАПРЯЧЬ СЛУХ!

Предъявив правый иск,
не надейся на писк.

РАДОСТЬ

Радость — просто нету сил!
Авель Каина убил!

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТАЙНА

Черт ни один не выдал,
где он рога надыбал.

ИЗ ЭКОНОМИКИ

В твою рыночную цену,
петушок мой драгоценный,
коль товару так положено,
кукареку уж заложено.

О ГИМНАХ

Куда б прекрасней были гимны,
когда бы пели их интимно.

«FARBENLEHRE»*

Сквозь розовые стекла веры
голубой стал блекло-серым.

О СТРУНАХ

Своим любимцам властелин
вручил золотые лиры.
В них много струн,
но нет одной — сатиры.

ПОРА

Иным метеорам настала пора
тактично заметить: «Погаснуть пора».

* Учение о цвете (нем.).

ПОКА

Все феерически,
пока не критически.

ЧАСТО

Палочка часто в разладе с маэстро,
поскольку маэстро в разладе с оркестром.

ГИГИЕНА

Она, за правила свои борясь,
сама порой их втоптывает в грязь.

О РЕИНКАРНАЦИИ

Когда ты вновь являешься на свет,
ретив и несвободен, —
глядишь: твоих пеленок нет.
Их кто-то сбондил.

ЖЕСТОМ

Уверен, что идею многих фрашек
я жестом выразил бы краше.

ВОПРЕКИ ФИЗИКЕ

Порой блеснуть, привлечь вниманье
короткое дает нам замыканье.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Были: «Свой! к своему! за своим!»
А явились за мной, с чужим, за моим!

У ПРИРОДЫ

Все экономно в ней.
Смех смехом,
но даже кукушка кукует
в компании с эхом.

НЕ ТОЛЬКО

Даже в снах (и не только беременным)
видеть *нечто* преждевременно.

О СОБСТВЕННОМ ЛИЦЕ

У кретина лишь одна забота —
чтобы не сочли за идиота.

ПРИМЕР СВЕРХУ

А на небе, между прочим,
чтут себя. И даже очень.

ВОПРОКИ ГЕНЕТИКЕ

Чтоб одному Казанове родиться,
нескольким женкам пришлось потрудиться.

ВСЕГДА

Всегда для шерифа
снижение тарифа.

ЛЕГЧЕ ВСЕГО

Легче дается предмет воспевания,
когда неизвестен предмет обожания.

И

И любителя-кретина
совершенствует рутина.

БЕДНЫЕ

Истинно бедным кнута не хватает,
который и гонит, и направляет.

О ХОРОШЕМ ВОСПИТАНИИ

Беда,
к о г д а,
деликатен Хам!
Вот он в ворота
стучится
к нам!

О ПУПОВИНЕ

Такой человек! И так быстро скончался?
Один проводок всего оборвался.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Я знаю, Рекс, о чем ты размечтался:
чтоб кот в мешке тебе достался.

ТОТ, КТО

Кто ковыляет в хвосте и трясется,
воображает: в погоню несется.

О ПРЕУВЕЛИЧЕНИИ

Дважды два — четыре. По-вашему, истина?
Только когда мы особенно искренни!

ОТ МИШЕНИ

Кто от мишени фитиль зажигает,
тот об ошибке своей не узнает.

СВОЯ РУБАШКА

А в продолженье старой байки
скажу вам тихо, но по делу:
«Когда рубашки нет и майки,
то телу ближе только тело».

О ТРУДНОСТЯХ

Каждый преданный Цезарю воин
с ним дошагал бы до полюса с боем.
Только не каждого кесарь азартный
смог бы заставить вернуться в казармы.

БУДНИЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Позитив и негатив
влюбились в двух альтернатив.
Потом вошли два примитива,
играя мышцами ретиво,
и молча вышли, прихватив
с собою двух альтернатив.

В ПАНТЕОН

Не всех в пантеон народа
вносят с парадного входа.

ОДНО

Одно лишь достоверно в снах —
страх.

В АКУСТИКЕ

Смех ли, стон ли, вой ли, стук —
в акустике всего лишь
звук.

ОБ ИНФЛЯЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ

Подшивки старые листаю,
картинки комментирую.
Я разве вспоминаю?
Я эксгумирую.

ДИАГНОЗ

Из диагноза всё ясно:
вечно жить — небезопасно!

ВЗДОХНУЛА

Вздохнула с облегченьем Этика:
«Теперь мной правит Кибернетика».

ПАФОС

«Со щитом иль на щите! Всё назад вернёте» —
интендантский генерал проорал пехоте.

ЦИРКУЛЯР ДЛЯ СВЯТЫХ

Важно святому владеть моментом
и подношенья не путать с презентом.

О ПРИМЕНЕНИИ НЕДОСТАТКОВ

Не каждый порок
сегодня впрок.

ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТО

Не искушаем голых фактов,
чтобы позировать для актов.

ПЕРЕБОР

Больше Римов,
чем пилигримов.

SOS!

Алло, спасите наши души!
О теле беспокоиться не нужно.

ВЕРДИКТ

Вчера мы приняли решение:
N станет гением!
Но с воскресенья.

К БЛИЖНЕМУ

Когда я бьюсь на ринге сам с собой,
о, как мне нужен допинг твой!

ЧТО ПОДЕЛАТЬ

Что тут поделать? Не смотрят умней
бычьи глаза из наваристых щей!

О ГОРЕНИИ

Так горение одних
остужает жар других.

ВСЕГДА ГОТОВЫ

Мы и сегодня мифы крушить согласны!
Нам циркуляр бы — явный и ясный.

ОТ СЛОВ К ДЕЛУ

Синоним синониму грозит отреченьем,
чтобы его завладеть значеньем.

НЫНЧЕ

Сыплются нынче столетья, как снег:
каждые несколько лет — fin de siècle *.

СКЕПТИЧЕСКАЯ ФРАШКА

А что, представьте, если черт
даст дьяволу очко вперед?

НИЗКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ

Живем мы только один раз.
На дольше не хватает нас.

О ВЕРЕ И ВЕРНЫХ

Бывает, что Вера,
не ведая меры,
становится жертвой
самой же веры.

* Фан-де-сьекль: конец века (фр.).

О САТИРИКЕ

Всё-то он вóлос находит в супе,
однако хлебает.
Забыв о сути.

УПОРСТВО

Человек родился! — Бедный!
Нынче ведь рождаться вредно.

ШУМЕЛ КАМЫШ

Бубнила лава: «Panta rhei!» *,
валясь, как пьяный, на Помпеи.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Кричат ура, подбрасывая шляпы,
сегодня громче всех растяпы.

УСЛУЖЛИВЫЙ

Коль кому-то очень надо,
стыд доставит прямо на дом.

РЕДКИЙ ДАР

У нас не ошибаться тот умеет,
кто алиби хорошее имеет.

НЕ ЗАМЕЧАЛИ?

Иные корыта с пойлом нехилым
некое сходство имеют с могилой.

* См. сноску на с. 152.

ТРУДНОСТИ

— Головы выше!
— Что, еще круче?
Увы, невозможно.
Мешают тучи.

АНОНИМУ

Мой противник анонимный!
Ну, подай свой голосок,
подними свое забрало —
чей-то фиговый листок.

БАЛАНСА НЕТ

И на весах Фемиды все решает тара:
что тяжелей — провинность или кара?

КОЕ-ЧТО ИЗ РЫБ

Камбала, да-да, не одинока
в том, что умна на оба бока.

РАЗМЕР ВЕЛИЧИЯ

Монументы настоящим гениям
жмут во всех местах, без исключения.

ЖИЗНЕННЫЙ ИНСТИНКТ

И глубина цепляется за мель,
чтоб не утонуть за тридевять земель.

ЛЕГЧЕ

Конечно, легче подновить фронтоны,
чем расширить горизонт.

И НАОБОРОТ

Когда утверждаешь: «Мораль в Идеале»,
то не ищи Идеала в Морали.

УДИВЛЯЛО

Меня удивляло всегда:
ежели гарь летит,
никто не спросит: *куда?*
Откуда? — каждый кричит.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Увы, задача нелегка —
сглотнуть, что на кончике языка.

ЦЕНА СЛАВЫ

Либо рыдван,
либо вигвам.

НЕ ДОЛЖНО

Нет, не должно считаться элитой
то, что легко просочилось сквозь сито.

FINIS *

А наш радикал мгновенно молчок,
как только дали ему щелчок.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ЛЮДОЕДА

Может, все же осторожней
человека печь на рожне?

* Конец (лат.).

ЗА СТОЛОМ

С кем едим мы из одной тарелки,
с тем трудней даются сделки.

ИЛИ

Боль отчего? От дубинки? Согласен.
Или от человека, который ею дубасил?

ОБ ОДНОМ ЛЬВЕ

— Лев! — сказал я.
Все застыли от страха.
— Как догадался?
— Его выдал запах.

СОВЕТ

Бейся с открытым забралом!
Как водится,
рыцарю сплунуть
иной раз приходится.

ДОЛОЙ АНАРХИЮ!

Кто в костел, кто в казино — бедлам!
С сегодняшнего дня — по нашим пропускам!

ИЗ ОПТИКИ

Не все, что в поле обзора,
приятно для нашего взора.

РАЗЛИЧИЕ

Это платные убийцы.
Только надо точно знать,
кто из них оплачен снизу,
а кому платила знать.

ПОДСКАЗКА САТИРИКАМ-АСПИРАНТАМ:

Отличайте фигуры от фигурантов.

ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

Минуют года, и мы отречемся от хамства
и ласково скажем Бастилиям: «Баста!»

РАЗДУМЬЕ

Иная ложь, пускай отвратна, но
звучит и гордо, и умно.

ИЗ ГАСТРОНОМИИ

За стол не приглашают Честь,
коль нечего самим поесть.

ОБ АНГЕЛАХ-ХРАНИТЕЛЯХ

Забота ангельских сочувствующих крыл
от нас порою закрывает мир.

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Другие миры мы прикупим — и точка.
Но только в рассрочку.

ГВАРДИЯ

Я где-то вычитал, сдается,
такую мысль (поправьте, если нужно),
что гвардия, мол, не сдается,
а продвигается по службе.

ОДНИМ И ДРУГИМ

Одним не впрок заклинаний трезвон,
другим хватает сказать: *I want!*

КАК-ТО РАЗ

Воскликнул топор палача: «Ё-моё!
Во что-то уперлось мое острие».
И жертве он бросил такие слова:
«Ах, да! Это просто твоя голова!»

ПРОБЛЕМА

Миром этот вопрос не решен.
Да может ли быть он решенным?
Полезнее, чтобы стал катом * Катон
или же кат превратился в Катона?

ДОЛЬШЕ ВСЕХ

Дольше всех
элита спит у нас.
Для нее рассвет к обеду —
на заказ.

* Кат — палач (польск. и уст. рус.).

РЕЗОНАНС

Рты, как известно, становятся тише,
если в амбарах хлеба до крыши.

ИЗ МИФОЛОГИЧЕСКИХ НЕДОРАЗУМЕНИЙ

Когда касался женщин царь Мидас,
они в золотых превращались тотчас.

ИНФОРМАЦИЯ

Неактуальна мысль Макиавеллина:
сегодня церемониться не велено.

ИЗ ЛИНГВИСТИКИ

У тех с артикуляцией беда,
кто рот не закрывает никогда.

ГОВОРИЛО МОЛЧАНИЕ

Молчанье с молчаньем говорило,
и слушать это не хватало силы.

РАССВЕТАЕТ

Пробуждается Африка. И надо сказать,
что много народу отправится спать.

ВЗДОХ

Брюхо набил до отвала,
да душа взалкала.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УЗЛА

Развлекался как-то узел
и... немножко шею сузил.

КРУЖНОЙ ПУТЬ

Мысли, которым опасно ходить по свету,
бродят в голове поэта.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ангелы и Нели
подшевели.

ДОНОС НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ

Они живут с аренды
легенды.

НЕУДАЧНИК

Лишь раз вlepил пощечину я истово,
и то, как оказалось, мазохисту.

СЕКС СРЕДИ ДИКАРЕЙ

Они галантностью горды:
«Раз — я, раз — ты!
Раз — я, раз — ты!»

ИНСТИНКТ

Дух духа
в теле унюхал.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛА

Такая операция кошмарна,
коль стала Жанна д'Арк
Жан д'Армом.

ИЗ ГИГИЕНЫ

Пороки и достоинства
(скажу вам не при детях)
нуждаются в особом —
регулярном — туалете.

НЕ

Не ищи интуицию
посредством полиции.

САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ

Вот вам
распространенный тип Мессии —
к нему взывают
от бессилья.

МЕЖДУ ПТИЦАМИ

Орлу не выключет глаз орел,
зато попортит ему ореол.

ИЗ СТАТИКИ

Центр тяжести нечасто —
у фигуры в верхней части.

УДИВИТЕЛЬНО

Дружнее и звонче поется Осанна,
когда наши рты наполняются манной.

ЗАКОН ЭСТЕТИКИ

Все в рамках правил, коль пигмеи
рождают мелкие идеи.

ОБРАЗЕЦ ЛОЯЛЬНОСТИ

Сколько лет мы живем,
а не знали ведь:
каннибал каннибала живьем
не досаливает.

У ТОГО

У того язык кусает зло,
кому бежать из ада повезло.

НАДГРОБИЕ НАДЕЖДЫ

О, здесь
Она
осуществлена.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛОГИКА

Надо мир переделать!
С чего же начать?
Для начала, к примеру,
казним палача.

О ЧЕЛОВЕКЕ

Дано ведь мысли тело,
чтобы мысль болела.

ВСЕОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ

Нам полегоньку мысль привита:
начать придется снова с динамита.

ВЕЧНО ВПЕРЕД

Шагать сквозь засуху и слякоть —
наш удел?
За нами — лишь сухие даты.
После мокрых дел.

ПРОЧНЕЙШАЯ

Ливрея лакея
империй прочнее.

О СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЯХ

Когда королям короны снимать,
должны камердинеры напоминать.

ВСЕ ПРОЩЕ

Зачем к палачу обращаться,
если ты хочешь с жизнью расстаться?

ЗРИ В КОРЕНЬ

Заплыть в систему может гуано,
коль неопознано оно.

ВЕРШИНА

Муз апогей?
Музей!

ЭПИТАФИЯ

Vanitas vanitatum
est consumatum *.

ЧТОБЫ

Удел человека — слова открывать,
чтобы о том и о сем умолчать.

ОСОБЫЙ ЗНАК

Узнаешь по этому знаку его в любом месте —
пятну на несуществующей чести.

НАСТОЯЩИЙ ЭРУДИТ

Он настоящий эрудит (все это знают),
и оттого он ничего
уж не читает.

ЧЕЛОВЕК

Он мим гениальный.
Один его жест
миру всему заявляет:
«Я есть!»

* Суэта сует доведена до совершенства (лат.).

ГУРМАН

Этот гурман,
что орла из себя Прометеева корчит,
печень клюет,
да не трогает жёлчи.

ЧЕЛОВЕКУ

От житейской пыли
не спрячешься в могиле.

МЕЧТА

У головы отрубленной мечта —
лицо сохранить навсегда.

К ЧЕЛОВЕКУ

О, ты не одинок вовек!
Сверни за угол собственного дома —
тебя там ожидает человек.
Он тоже не один.
Он с ломом.

УВЕРЕНИЕ В ПОЧТЕНИИ

Смерть добра, проста и безоружна,
никаких *salto mortale* ей не нужно.

ПОЗАДИ

А знаменосец наш заметный
порой не поспевал за ветром.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ФРАШКА

Поверь, к концу должно
всё славно получиться!
Пример? Пожалуйста:
кабан в котлету превратится!

О МОИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ

Кое-что, чему не рад,
слямзил у меня Сократ.

ВОПРОС

*«Кто с мечом к нам придет,
тот от меча...»* Но спросить я хочу:
а может, этот анекдот
относится только к мечу?

ИДЕАЛЬНО

Для масс идеальным должно быть лекарство —
не знать, что царит междуцарствие в царстве.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Любая сберкасса
мгновенно примет вклад царя Мидаса.

БЫВАЕТ

Бывает, предъявят листок чрезвычайный —
и нет человека. Осталась лишь тайна.

СКОЛЬКО

Сколько ж тех Прометеев
я повидал, Боже мой!
Телом свободны —
прикованы прочно душой.

А ПОТОМ

Сначала рождается вера — итогом
становятся дружные поиски Бога.

ТЕПЕРЬ ПО-ИНОМУ

Хамелеонство? Теперь не имеет значения.
Сейчас все зависит от освещения.

А ВЕДЬ

А ведь случается не зря —
святой сбегает с алтаря.

MAGISTRA VITAE *

Учит нас история истине простой:
лишаемся забот мы вместе с головой.

ИЗ МУЗЫКИ

Зачем синьоринам такой трубадур,
который лишь знает C-mol и A-dur?

* Наука жизни (лат.).

АКСИОМА

В начале мироздания, запомните, ребята,
одно было, одно было —
была дата.

РАЗБИРАЛ

Весь день я разбирал архивы.
Как пожелтели все эти «Evviva!».

ГОРДОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА

Хвалил астроном свою таксочку лысую:
«Коперника бюст никогда не описает».

НЕ ЛИШНЕ ЗНАТЬ

Поделюсь информацией с вами охотно:
рая врата никогда не захлопнуты плотно.

О БОГАТСТВЕ ЖИЗНИ

Сколько же их, мы не ведаем толком.
Но все идиоты — разного толка.

О ПРОФПРИГОДНОСТИ

Когда происходит смена босса —
твоя компетентность под вопросом.

ПРОСТИТЕ ЕМУ

Он человек из тех еще, из старых:
не требовал за подлость гонорара.

РАЗВЕ ЧТО

Не суйте палкой в муравейник — мой совет,
ну разве что у вас под боком муравьед.

МОЛОДОМУ САТИРИКУ

Всегда найдется рядом кто-то добрый,
кто вашу лиру с радостью удобрит.

НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Не обязательно быть Гейне в этом зале,
чтобы тебя с дерьмом смешали.

О НОЧИ

И то, что извлекает ночь на обозренье,
дробится на бессонные мгновенья.

ГРАММАТИКА

Такой уж синтаксис и у молвы, и у словесных игр:
слова-то наши, только в жесткой власти парадигм.

О ЗВАНИЯХ

Приветствую его: «Мой сокол!»
И по-иному не могу.
Что не орел он, точно,
написано на лбу.

О РЕЗОНАНСЕ

Кричащий о подмоге в чаще
безвредней, чем в толпе молчащей.

ЭПИТАФИЯ АКТРИСЕ

Покоится здесь вамп,
проглотившая ямб.

СЛАБОЕ МЕСТО ФИЛОСОФИИ

Для кого, конечно, как, а для философа
отсечение головы — просто катастрофа.

УТЕШЕНИЕ

И у плутов, от коих нас бросает в дрожь,
пародонтоз бывает тож.

СЕКС-СИМВОЛ

В сексе тогда он бывает поэтом,
когда изнасилует кодекс при этом.

ПРИКОЛЫ

Иным так неловко приколют медаль,
что в сердце другому
вонзается
сталь.

О ГРЕХАХ

Самый ужасный грех?
Когда ни кайфа, ни утех.

ОПЫТ

Кто прошел огни и воды, знает,
что не все в трубу втекает.

ВОПРОС К ПЕГАСУ

Спасают крылья иногда
от ямщицкого кнута?

КОНФУЗ

Конфуз повторяется снова, похоже:
надстройка на базис вернуться не может.

ПРОСЬБА К ОРФЕЮ

Глухие струны рви, Орфей!
Но только для глухих ушей.

ХВАТАЕТ

Хватает в истории недоразумений
между видениями привидений.

ЗАПОЗДАЛАЯ ИНФОРМАЦИЯ

По-разному бывает всё на свете.
Но этого не знают разве дети.

ТРУДНЕЕ ВСЕГО

Снять с вертела себя довольно сложно,
даже когда дана команда «можно».

МОИ СТРАХИ

Я просыпаюсь в страхе много дней:
«А вдруг Големы * создадут людей».

* Голем (евр.) — буквально «неоформленное», мифический искусственный человек.

НАПОМИНАНИЕ

Там, где башмак народу жмет,
народ без башмака живет.

ИЗ ГАЛЕРЕИ «ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ»

* * *

Слывет за трех пророков этот груздь.
И пусть.

* * *

Он даже в кабаке с хмельным азартом
размахивал развернутым штандартом.

* * *

— На поколение свое он оказал влиянье прочное...
Нажим, — я только уточню. Ибо люблю все точное.

* * *

«Non omnis moriar... *» — N.N. пообещал беспечно.
И что же? Жив прохвост. Хотя талант погиб навечно.

* * *

Какой талант в нем самородный был!
Но сплыл.

* * *

Коллега все режимы славил,
и в неподдельности своей сомнений не оставил.

* «Весь я не умру» (из Горация, лат.).

БАНКЕТ

Однажды в полном блеске
сойдемся в пышной зале,
но все затмится блеском
обратной
стороны
медалей.

ВСЕГДА

Всегда активен арьергард
и стоек в высшей мере,
когда угроза велика
его карьере.

ИЗ ДУХОЛОГИИ

Слыхал, есть духи!
Они как евнухи. И мухи
им не обидеть. Все же срам —
они пугают дам!

ОТ ЧЕЛОВЕКА К ЧЕЛОВЕКУ

От человека к человеку
дорога коротка от веку.
Но по пути оставит сил он много,
чтоб от людей была чиста дорога.

AL FINE

При каждом *de capo al fine* *
не одну хранит он мину.

* От начала до конца (итал.).

НЕ ВСЕ РАВНО ЛИ

Поет ли хор в мажоре иль в миноре —
не все равно ли
нам в конце концов,
коль это хор
глупцов?

КТО?

Если найдутся такие,
пожалуйста, встаньте, —
те, кто не скачет со службы домой
на бедном своем Росинанте.

НЕУДАЧНИК

Да, заплывают рыбы в его сети...
Знать, несвежи рыбы эти.

ПУРИСТАМ

После того, чем нас кормят, хотите вы,
чтобы язык наш был восхитительным?

МИНУТА ОЗАРЕНИЯ

Увидев их голыми, не вынеся муки,
я крикнул: «Воистину чисты их руки!»

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ?

Без пафоса
и смущения:
избежать
уничтожения.

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ • ПОЧТИ ВСЁ

И НАПОСЛЕДОК

Остановился твой будильник — пусть,
и твой святой отстал, бессилием кипя,

НО *ТЫ*

застегнут до последней пуговицы будь,
которая еще осталась у тебя.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Перевод
**Владимира РОССЕЛЬСА
и Евгения ФРИДМАНА**

Что такое Хаос? Это тот Порядок,
который был разрушен при сотворении мира.

За всю жизнь ему так и не удалось пригвоздить себя
к позорному столбу в глазах общественного мнения.

В доме повешенного не говорят о веревке.
А в доме палача?

Что боги наследуют от богов?
Атрибуты веры и паству.

Из рецензии:
«Его поэзию отличала благородная нищета духа».

Рак краснеет после смерти. Что за достойная подражания
деликатность со стороны жертвы!

На этот раз обошлось без чудес. Вот было чудо!

Ошибка становится ошибкой,
если она возникла как правда.

Можно ли при плоскостопии носить шпоры?

Можно. Только не следует ими звенеть.

Ведьмы на процессах признавались в общении с дьяволом.

Кровь закипает в жилах, когда узнаешь об этом!

Как можно было принуждать к таким признаниям, когда дьявола не существует?!

Но голос рассудка взывает:

«Ложь, ложь! — дьявол существует, он-то и был инквизитором!»

Помните, если дьявол захочет лягнуть, он сделает это не своим конским копытом, а своей человеческой ногой.

Разрушая памятники, сохраняйте пьедесталы. Всегда могут пригодиться.

Мне снился кошмар: бурный рост бюрократии в стране, где только что покончили с неграмотностью.

Что, кроме силы притяжения, держит нас на этой планете?

«С евнухами можно долго говорить», — рассказывала одна обитательница гарема.

Воскреснуть могут лишь мертвые. Живым труднее.

Используйте опыт орнитологов.

Чтобы писатели могли развернуть крылья,
надо дать им свободу пользоваться перьями.

В переломные моменты жизни нации многие ковыряют в носу.
Чаще всего это делают те, у кого в семьях ковырять в носу
считается дурным тоном.

Ни на одних часах стрелки не указывают, как жить.

Все в руках человека.

Поэтому их надо как можно чаще мыть.

Не каждый залп возвещает революцию.

Человек с человеком не сходится,
зато гора с горой — запросто.

Даже бороду пророка можно сбрить.

Факт всегда голый. Даже если он одет по последней моде.

Верю, что человек когда-нибудь создаст «гомункулуса»,
искусственного человека,
но Богом заклинаю его не повторять ошибки Всевышнего
и не создавать новое существо — по образу и подобию своему!

Мать преступления — глупость.
Но отцы его часто бывают гениальны.

Не следует допускать, чтобы транспортный парк города
годился только на баррикады.

Неужели я наказан бездушием за то,
что не верю в бытие души?

На очной ставке труп не опознал убийцу.

Мне снилась действительность.
С каким облегчением я проснулся!

Предпочитаю надпись «Вход воспрещен»
надписи «Выхода нет».

Внимание, сатирики! Гиены и в кривом зеркале
точат на вас зубы.

Всегда найдутся эскимосы,
которые выработают для жителей Конго инструкцию,
как вести себя во время жары.

«Чувствую, как у меня вырастают крылья!» —
воскликнула мышь. Ну и что из этого, почтенный нетопырь?

Если бы можно было отоспать смерть в рассрочку!

Первое условие бессмертия — смерть.

Конституция государства не должна нарушать конституции гражданина.

Когда миф сталкивается с мифом,
столкновение происходит весьма реальное.

До глубокой мысли надо подняться.

А что, если Бог определил меня себе в атеисты?

Если у тебя нет хребта, не лезь вон из кожи.

Брюки протираются и на троне.

Даже если ты дашь корове какао,
не выдоишь шоколад.

Окно в мир можно закрыть газетой.

Я красивый, я сильный, я умный, я добрый.
И я сам все это открыл!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Против некоторых людей следовало бы возбудить мыслительный процесс.

Лужа тоже подчас производит глубокое впечатление.

Свободу нельзя симулировать.

О нем говорят: «Лев!» Ну и что же — пустыни у нас нет. Его следует сдать в цирк или в зоопарк. Либо набить из него чучело для музея.

Невозможно сыграть «Песнь свободы» на инструменте принуждения.

Сатирики, осторожнее со своими остротами!
У Рене Клера в фильме 1931 года «Да здравствует свобода!» рефрен одной из иронических песенок звучал так:
«Le travail c'est la liberte»*,
а в 1940 году на воротах Освенцима появилась надпись:
«Arbeit macht frei!»**.

Я знаю, откуда идет легенда о богатстве евреев: они за все расплачиваются.

В джунглях носят пробковые шлемы, покрытые сеткой, в которую для маскировки вплетена разная зелень.
Я ношу фригийский колпак, обшитый шутовскими бубенчиками.

* «Труд — это свобода» (фр.).

** «Труд делает свободным» (нем.).

«Я только погрожу пальцем», — сказал он, нажимая на курок.

Бывает, что колокола раскачивают звонарем.

Людей можно делить по-разному. Это известно всем.

Можно на людей и нелюдей.

«А я делю на головы и туловища», — сказал удивленный палач.

Для лошадей и влюбленных сено пахнет по-разному.

Мысли, как блохи,
перескакивают с человека на человека.
Правда, не все кусают.

Если бы козла отпущения можно было еще и доить!

Не следует повторяться?

Тсс! Только пусть об этом не догадывается счастье.

Случается, что крючок глотают вместе с рыбаком.

Горе диктаторам, которые уверовали, что они не диктаторы!

Когда запахли фиалки, помет сказал:

«Ну что ж, они работают на дешевом контрасте».

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

«Как себя вести, — спросил мой приятель, — если застанешь у себя дома друга жены в постели с другой женщиной?»

Что будем вспоминать в своих разговорах, стоя в исподнем различных эпох посреди долины Иосафата, — короткий отрезок жизни или долгую бытность покойниками?

Надо так умножить количество мыслей, чтобы на них не хватило надзирателей.

Я знал одного субъекта, настолько лишенного слуха, что если бы он подвел под это теоретическую базу, то наверняка совершил бы переворот в истории музыки.

Ты спрашиваешь, милочка, сколько времени зреют мои мысли? Шесть тысяч лет, моя прелесть.

Красивая ложь? Внимание! Это уже творчество.

Не говори о человеке плохо. Он подслушивает. В тебе.

В одной стране литератор S. сообщил мне: «Власть валяется на улице». «Торопиться ни к чему, — ответил я, — здесь не убирают улиц».

Удивительное создание человек!

Иной даже на каторжных работах в каменоломне присматривает подходящую глыбу гранита на памятник себе.

«Зачем, — задал я вопрос одному критику, — вы написали об этом как об эпохальном событии, которое будет иметь переломное значение?» — «О чем?» — спросил он.

Мне приснилось, что Икс высказал «непричесанную мысль». Она возникла в связи с его положением, гармонировала с его идеалами, явилась результатом его очаровательной неинтеллигентности.

Утром передо мной встал вопрос: чья это мысль — его или моя?

XI заповедь: «Не прелюбословь!»

Переливание крови часто происходит из кармана в карман.

Горизонталь, пересекаясь с вертикалью, образует крест.

Скатывалась ли когда-нибудь человеческая слеза из Всевидящего ока?

Люди, не скромничайте! Не прикидывайтесь львами!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Если бы повысилось искусство вести беседу,
понизилась бы рождаемость.

Кто повенчается со свободой, чтобы оставить потомство?

Не могу кипеть от возмущения, слыша имя Герострата,
пока не увижу архитектуры храма Дианы в Эфесе.

Нелегко жить после смерти.

Иногда приходится потратить на это всю жизнь.

Не замахивайся лопатой на солнце.

Его должно нам хватить на миллиарды лет.

Толстые живут короче, зато едят без остановки.

Однажды я получил письмо от читателя:

«Чтобы понимать ваши афоризмы,
надо быть начитанным человеком».

«А как же!» — сразу же телеграфировал я в ответ.

Если бы Бог снова впустил нас в рай нагишом, думаю,
что сегодня наша нагота выглядела бы там немодной.

Разве в определении «человек мыслящий»
содержится комплимент человечеству?

Даже в его молчании были грамматические ошибки.

Не знаю, кто правомочен, я — *правожаден*.

Солнце, проникая в тюремную камеру, рисует на полу клеточки. В этих клеточках заключенный может составлять кроссворды. Возможности для игры зависят от количества прутьев в решетке.

Уже сам знак параграфа выглядит как орудие пытки.

Никогда не открывай дверей тем,
кто их откроет и без твоего позволения.

Не рассказывайте своих снов.
А вдруг к власти придут фрейдисты!

В одних странах изгнание — самое чувствительное наказание, тогда как в других за него должны бороться самые гуманные сограждане.

Руби сук, на котором сидишь,
только если тебя захотят на нем повесить.

И мазохисты признаются во всем под пыткой.
Из благодарности.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

В случае политических перемен на небе святые наверняка воспользуются в своих автобиографиях обвинениями «advocatus diaboli»*, выдвинутыми на процессах по их канонизации.

Сперва расплатись, а потом уже падай в обморок.

У кого хорошая память, тем легче о многом забывать.

Буква закона должна быть включена в алфавит.

В аду дьявол — положительный образ.

Почему бы не увеличить срок пожизненного заключения путем искусственного продолжения жизни?

«Кафешный интеллигент» — характеристика неоднозначная. Следует добавлять — какого именно кафе.

И беспристрастные не беспристрастны. Они питают пристрастие к справедливости.

Он напоминает мне вошь на лысине. Вокруг столько блеску — а все равно вошь.

* «Адвокатов дьявола» (лат.).

У набатного колокола должен быть смелый язык.

Однажды я видел титана, штопающего носки.
Это впервые потребовало от него титанических усилий.

Мысли некоторых людей так поверхностны,
что не проникают даже *к НИМ* в голову.

Мечтаю о таком якоре, который волочил бы за собой берега.

Преданнее всего поддерживают мифы наймиты.

Овца, у которой было золотое руно, не разбогатела.

Розы пахнут профессионально.

Поцелуи Иуд закрывают рты поэтам.

Ветры веют весьма недвусмысленно.

Все надо принести в жертву человеку.
Только не других людей.

Можно умереть на острове Св. Елены и не будучи Наполеоном.

Богу Богово, кесарю — кесарево. А что людям?

В одной из дамских ванных дворца в Ланьцуте *
стоит прелестное, в стиле рококо, биде Марии-Антуанетты.
Я, должно быть, выродок: думать о французской революции
при виде этой изысканной королевской посуды!

Не будь снобом. Не ври, когда за правду больше платят.

И надо же было допустить в свое время до сотворения мира!!!

«Из одного креста можно было сделать две виселицы», —
с презрением сказал специалист.

Мы поделили богов, но как они поделили нас?

Если бы мне предстояло встретить своих убийц на том свете,
я уж предпочел бы жить с ними на этом.

Я получил предложение из провинции:
за пониженный гонорар писать для них афоризмы подешевле.

Легче обозвать кого-нибудь б....., чем быть ею.

* Дворец на юге Польши.

Я знал человека до того неначитанного,
что ему приходилось самому выдумывать цитаты из классиков.

Марионеток легко повесить. Бечевки уже есть.

Если уж набрал в рот воды, то по крайней мере
никого потом не оплевывай.

Кострами мрак не озарить.

В обучение жонглера обязательно должно входить
незнание законов физики.

У каждого века есть свое средневековье.

Самая ничтожная вонь, сражающаяся с вентилятором,
почитает себя Дон-Кихотом.

Темпы! Темпы! Можно прожить жизнь за один день.
Но куда девать оставшееся время?

Не отворачиваться от действительности?
Как будто действительность не окружает нас со всех сторон! Ох!

Идею можно докультивировать до культа.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Если у двух врагов появляется общий противник, это только разжигает их взаимную ненависть. Каждый из двоих хочет стать единственным победителем третьего.

Многие бумеранги не возвращаются. Выбирают свободу.

Темные окна часто проливают свет на суть дела.

Как упражнять память, чтобы научиться забывать?

Осины дрожат при любом строе.
Но, черт возьми! — при любом строе они зеленеют!

Человек с человеком испокон веков ведет один монолог.

Даже стеклянный глаз видит свою слепоту.

Можно ли разминуться с правдой? Да. Если ее обойти.

Ecce homo! — homini lupus est *.

Бывает, что и заурядный сапог оставляет неизгладимый след.

* Се человек! — человеку волк (лат.).

Медные лбы тоже сияют.

Пегас не должен быть подкован на все четыре ноги.

Помни: никогда не изменяй правде! Изменяй правду!!!

«Заяц *любит* тушеную свеклу!» — мнение повара.

Что евноху до гражданских браков?

Вначале было Слово — потом появилась Фраза.

Когда сплетни стареют, они становятся мифами.

Жить очень нездорово. Кто живет, тот умирает.

Он? Обладает энциклопедическим невежеством!

Стоило тебе прийти на свидание еще немного позже,
и я стал бы Петраркой.

Если человек, не умеющий считать,
найдет сирень в пять лепестков,
он тоже имеет право на счастье?

Я хотел сказать миру всего одно слово.
И так как не сумел этого сделать, стал писателем.

А голую женщины тоже умны?

Не лезь в чужую душу в галошах.
То, что ты вытер ноги, не имеет значения.

Всегда утешительно знать,
что звезды, которые «тонут в озере», необитаемы.

Эта грязная лужа еще недавно была белым снегом.
Почтительно обхожу ее.

Сальто-морале куда опаснее, чем *сальто-мортале*.

Так тесно прижались друг к другу,
что ни для какого чувства не осталось места.

«Стиль — это человек».
Какой незаселенной была бы наша земля!

Совет писателям:
в определенный момент надо перестать писать.
Даже не начав.

На него пала тень подозрения. И в этой тени он укрылся.

Клопы умудряются жить даже в рамах картины мира.

Многие из тех, что лезли светить, повисли на фонарях.

Не зови ночью на помощь. Еще разбудишь соседей.

И нас называют на Востоке Западом,
и нас называют на Западе Востоком.

Удобное ли мировоззрение скептицизм?
Скептики смотрят на это скептически.

Глупость не освобождает от необходимости думать.

«Не дразните льва!» — «Почему?» — спросил я у зрителя.
«У него от этого бывает понос», — ответил тот.

За каждым углом тебя подстерегают новые указатели.

Оптимизм и пессимизм расходятся только в точной дате
конца света.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Подумать только, — на огне,
который похитил у богов Прометей,
сожгли Джордано Бруно!

Диалог полуинтеллигентов равен монологу
четвертьинтеллигента.

В Вене мне показали кровать, на которой спал Грильпарцер *.
Подумаешь! Я часто вижу кровать пани Н.,
на которой спал поэт А., композитор Б.,
художник В., актер Г. Пока только эти.

Одни скрывают правду от других, боясь ее,
другие скрывают ее от первых,
желая сберечь до определенного момента.
И все это одна и та же правда.

Ипсилон — о, это величина!

Если людоед пользуется вилкой и ножом — это прогресс?

Не следует возмущаться так глубоко,
чтобы не смог произойти взрыв возмущения.

Я даю вам горькие пилюли в сладкой глазури.
Пилюли сами по себе безвредны, отравка заключена в сладости.

* Франц Грильпарцер (1791—1872) — австрийский драматург и поэт.

«Король голый», но под роскошным платьем.

Иногда дьявол искушает меня поверить в Бога.

Кто схватывает идею, как насморк,
тому легко чихать на нее.

Помиритесь! Пусть и теологи размышляют
над тайной «бытия, определяющего сознание».

Можно крутить обратно ручку шарманки,
но не мелодию.

Садистам и мазохистам следует объединиться
в локальные союзы, тресты и государства.

Мы делали из красных наперников знамена,
а другие из знамен — наперники.

Время делает свое. А ты, человек?

Никто не желает чувствовать вкус дрожжей в тесте,
которое на них взошло.

Прометеи в гневе. «Что вам печенку гложет?» — спрашиваем.
«Стервятники, милые поэты, стервятники!» — ответили они.

Клиентура смерти не вымирает.

Для мышления нужен мозг, не говоря уже о человеке.

По-видимому, между мною и Адольфом Р. разница в том, что Адольф счастливо влюблен в себя, а я в себя — несчастливо.

Что касается меня, то эту формулировку можно исправить на «без взаимности».

У меня слишком много тайн, смогу ли удержать их?

Она? Даже окулист не прочел бы в ее глазах ничего, кроме трех диоптрий!

Ввиду все нарастающей заинтересованности населения некоторых стран исламом, следует напомнить, что мусульманская религия строго запрещает потребление алкоголя.

Когда Каин убил Авеля и последний остался к этому безразличен, это был первый прецедент для вывода: «Мертвая жертва не протестует».

Сторона крышки гроба, обращенная к потребителю, не украшена.

Любопытный казус самозарождения:
у писателя приметы рожают предметы.

Драматург: чревовещатель души.

Из рая выгнали только Адама и Еву.
А как выбрались оттуда на волю львы, орлы, обезьяны,
блохи и прочие? И даже яблоки?!

Не пиши Кредо на заборе *.

Вы всегда недоверчиво улыбались,
когда я мимоходом вспоминал, что порой забавляюсь,
рассказывая себе собственные анекдоты.

Безыдейность убивает. Других.

Всегда найдется еще более острая тупость.

Оскорбительно ли для жертвы,
если людоед с отвращением выплевывает ее?

Шарманка перемелет любую мелодию.

* Латинское *credo* — политическое кредо — поляки могут понять и как *kreda* — мел.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Год 1957-й. В неволе родилась первая горилла.
Это величайшее научное достижение.
Теперь мы сможем вычислить,
на сколько миллионов лет раньше
появился человек.

Сложнее всего с правдой в те времена,
когда все может оказаться правдой.

И у меня бывают минуты философического раздумья.
Стою себе на мосту через Вислу,
время от времени сплевываю на волну
и думаю при этом: «Panta rhei»*.

Обращайся всегда к чужим богам.
Выслушают вне очереди.

«Ах, как хотелось бы еще побыть старичком среди живых!» —
воскликнул новичок среди покойников.

«Дикая свинья» — ведь благороднее звучит,
чем просто «свинья».

И время Эйнштейна зависело от городских часов.

Не каждая пальма первенства плодит кокосы.

* См. сноску на с. 152.

Какой писатель добровольно отказывался от притязаний на гениальность?

А вот мне пришлось довольно быстро смириться с этим. Я уяснил, что пишу недостаточно скучно.

Поборемся за право на исключения.
Пусть «исключение подтверждает правило» только когда хочет.

Любая метла сама в конце концов сметается.

И деревья, вероятно, меняли бы время от времени место, но на их общество, очевидно, распространяется принцип, установленный для людей: «*Glebae adskriptus*»*.

Дна нет. Просто глубже не пускают.

И слово может быть кляпом.

Горы тоже делят между собой пропасти.

Порой соседские деревья так вырастают, что их плоды падают вам на голову.

Искусствоведы, вы еще не определили стиль Сотворенного мира?

* «К земле приписан» (лат.).

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Если бы не то обстоятельство,
что человек живет на свете,
вряд ли его интересовала бы политика.

Кто потерял голову, у того она часто болит.

Для нашего общества и впредь будет характерно
различие состояний. Преобладать будет, вероятнее всего,
состояние опьянения.

Иные охотно носили бы фригийский колпак,
будь он шапкой-невидимкой.

Порой я вздрагиваю при мысли,
что могу вместе с сардинкой съесть
какого-нибудь Иону из библии гномов.

«Стоит ли становиться бабой на такой короткий срок?» —
думаю я, когда дети лепят ее из снега.

Можно перейти на позиции врага, не сдавая своих.

«Не выплескивайте с водой ребенка». —
Ха-ха! — вечная присказка плохих водопроводчиков.

В реальности «мертвые души» сжирают больше живых чрев.

Воспоминания о воспоминаниях всегда трогают.

Можно переменить веру, не меняя Бога. И наоборот.

Дно остается дном, даже когда все вверх дном.

Ты спрашиваешь, как играл этот виртуоз?
В его игре было даже кое-что человеческое:
он ошибся.

Канонизация убивает в моих глазах человека,
которого я мог бы считать святым.

Кто тянет билетки с человеческими жребиями?
Гигантская белая мышь или космический попугай?
И кто крутит шарманку? Мы-то знаем лишь мелодию.

Правило: «Пусть живые соблюдают на кладбищах тишину,
если это удастся даже мертвым».

И прозрачные цели бросают на себя тень.

За каждого мертвеца ставим смерти плюс —
крестиком на погосте.

Массовое разведение четырехлистного клевера
безусловно приносит пользу.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Нет худа без добра...

Икар и Дедал, разбившись, стали ангелами,
обрели собственные крылья
и могли после этого порхать сколько душе угодно.

Когда я своим умом доходил до идей,
уже высказанных великими философами,
это не возвышало меня в собственных глазах,
а принижало их. Микро- или мегаломания?

Некоторые люди, даже когда смотрят во все глаза,
видят как в глазок тюремной камеры.

У подземных клозетов больше шансов на долговечность,
чем у самых прекрасных готических башен.
Все дело в низком уровне!

Трагедия R в том, что он влюблен в самого себя,
а быть собой не может.

Раны зарубцовываются, но рубцы растут вместе с нами.

Зачтется ли паломничество,
если путь привел странника к другой цели?

Один скотоложец возбуждался, листая учебник зоологии.
Следует ли признать эту книгу порнографическим изданием?

Не всякая ночь заканчивается рассветом.

Можете ли вы представить себе женщину, которая позволила бы своему возлюбленному 1001 ночь рассказывать сказки?

Отпечатки перста Божьего никогда не бывают идентичны.

Даже охотясь на слона, иногда надо убить блоху.

А были и такие мученики, которым довелось пройти крестный путь еще и обратно.

Люди не принимают смешное всерьез. Представьте: кого-нибудь уложат клоунским пистолетом-хлопушкой, а он не захочет признать, что убит.

Иногда надо замолчать, чтобы тебя выслушали.

«У него птичьи мозги», — сказали об орле.

Во что верю? В Бога. Если он есть.

Носорог не должен указывать рог на носу в графе «особые приметы».

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Институт брака. Гм, не слишком ли мало сотрудников?

Лицо врага пугает меня, когда я вижу,
как оно похоже на мое собственное!

Изучайте языки. Даже несуществующие.

Открытие Америки не заслуга американцев. Позор!

В преддверии ада еще не ссылайся на сатану.

У кого в аду были погоны, те и в раю с аксельбантами.

Бессильная ярость творит чудеса.

Чем становится дьявол, когда перестает верить в Бога?

Есть просто ничто, и есть полное ничтожество.

Глазами не чавкать!

На шее жирафа блоха начинает верить в бессмертие.

Мне снилась реклама противозачаточных средств:
«Неродившиеся благословят вас!»

Какому веянию послушен ветер?

Не творите себе богов по своему образу и подобию!

Бывает, что есть куда воткнуть, но нет контакта.

Он был о себе такого высокого мнения,
что иногда представлялся себе карликом.

Не фамильярничай с собою!

Ключ к ситуации часто торчит в замке у соседа.

Что за бестактность играть на дудке умершего мелодию,
которую тот не любил.

Страдают ли рыбы, проскальзывающие сквозь сеть,
комплексом неполноценности?

Остерегайся угодить под чужое колесо фортуны.

У меня новая забота:
как быть, если люди начнут вдруг расти?
Окорачивать их или перестраивать для них мир?

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Не посылайте дальтонику за синей птицей.
Могут вернуться ни с чем.

Не вырастай больше гробницы.

Идеалисты жаждут материализации духов.

И львиную долю кто-нибудь сожрет.

Совершил преступление: убил человека! В себе

Все наши частные фикции
слагаются в одну общую действительность.

Собственная смерть не может служить
для джентльмена отговоркой!

Герои древних мифов полураздеты,
герои современных — раздеты совсем.

Гений, который не знает, что он гений,
вроде бы и не является таковым.

Чем богаче у человека фантазия,
тем беднее он себе представляется.

И дефицит фруктов вызывает отрыжку.

Перенаселение мира привело к тому,
что в одном человеке живет множество людей.

Следовало бы создать вырезвитель для пьяных от счастья.

Бывает, что знаменосца несет в сторону
противоположную знамени.

То, что он умер, еще не доказывает, что он жил.

Между одной любовью и другой
надо для приличия отбыть карантин с третьей.

И у ангелов есть свои дьяволы, и у дьяволов —
свои ангелы.

Какая прекрасная вещь перспектива —
увидеть своих врагов такими маленькими!

Входи в себя без стука.

Можно открыть рот от восхищения и закрыть его, зевнув.

Хочешь скрыть лицо — выйди голым.

Сердце человека бьет другого немилосердно.

И легкость имеет свой удельный вес.

Из Книги Провидения: «А этим быть затычками!»

Не ходи по гладкой дороге — поскользнешься.

Сила страшна своими слабостями.

А может быть, мы только чье-то воспоминание?

Для тех, кто ходит босиком, путь не усыпан розами.

«E pur si muove!»* — воскликнул разъяренный палач, закончив порку.

Выкупил себя из рабства у других,
но по-прежнему считал себя своим рабом.

Чаще всего выход там, где был вход.

* «И все-таки она вертится!» (ит.).

Не имей дела с идиотами, если только ты не психиатр.
Им даже в голову не придет платить непрофессионалам.

Кто кричит «Здравия желаю!»,
тот должен платить и за похороны.

Прорехи в мысли трудно залатать действительностью.

И голос совести проходит период ломки.

Смотри, как бы чье-нибудь волнение
не перехватило тебе горла.

Когда народ не имеет голоса,
это заметно и при исполнении гимна.

Одиночество, как же ты перенаселено!

Знаете, где всегда можно найти надежду?
В гардеробе у входа в ад,
под надписью «Lasciate ogni speranza»*.

Не следует искать решения, копаясь в грязи.

Подчас ночи слишком темны, чтобы их увидеть.

* «Оставьте все надежды» (ит.).

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Больше всего форм у... абстракции.

Время неподвижно. Это мы движемся в нем не туда.

Смелый писатель! Поставил точку, не написав фразы.

Капитан сходит с корабля последним.

Вот почему адмиралы так спокойно спят в шторм.

И смирительную рубашку шьют по размеру буйства.

Ветры меняют дорожные указатели.

Не каждый умеет танцевать под музыку грядущего.

Предпоследний из могикан часто убивает последнего, чтобы стать им.

Чувствовал себя видением,
которое еще никогда никому не привиделось.

В центре и пес брешет по-столичному.

Если твой враг фальшивит, будь внимателен!
Вы пляшете под одну мелодию.

Жизнь отнимает у людей слишком много времени.

Дух времени страшит даже атеистов.

Все боги *были* бессмертными.

И на дорогах мысли подстерегают разбойники.
Очевидно, и они чувствуют себя интеллектуалами.

Некоторые характеры несокрушимы, но гибки,
работают не на излом, а на растяжение.

Не один ноль воображает себя эллипсом,
по которому вращается мир.

Тем, у кого нет совести,
приходится компенсировать это бессовестностью.

В борьбе идей гибнут люди.

«Кто без вины, пусть первый бросит камень».
Ловушка: тогда и он не останется без вины.

Людям иногда пригодился бы «день, свободный от жизни»

И у ясновидящих темно в глазах.

В грибном супе осталось так мало лесных чар!

Люди, не будем отворачиваться друг от друга!
Неровен час, еще окажется,
что мы покрашены только с одной стороны.

Каждый куст может стать неопалимой купиной,
сумей только поджечь его своим воображением.

Почему я пишу так коротко? Потому что не хватает слов.

Иметь двойника, довести его до самоубийства,
а самому жить дальше, как он, —
что за шанс для шизофрении!

Когда же мы запустим за пределы разума мыслеход?

Скажи мне, с кем ты спишь, и я скажу, кто тебе снится.

Варшава времен Гитлера. Раннее утро.
На стене возле жандармского поста
поспешно выведено свежей краской:
«Да здравствует свобода!»
«Да это же банальность!» —
сказал специвший со мной с нелегального ночлега
знаменитый логик Икс.

Нужно запастись терпением,
чтобы научиться быть терпеливым.

Укрывался за языком, который показывал миру.

«Неладно что-то в Датском королевстве!»
О, как ты необъятна, Дания!

Даже из грез можно сделать варенье.
Правда, следует добавить фрукты и сахар.

Признайся, — играя в красное и черное,
питаешь надежду, что выигрыш ждет тебя в зеленом?

Монументы чаще всего каменные.

И зады носят маски. По понятным соображениям.

Если понравился мешок, покупай его вместе с котом,
которого тебе хотели в нем продать.

Раззявы и во сне видят себя зевающими.

Помните: позиция есть только у охотника, у дичи ее нет.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Если ты знал гиену,
а через несколько лет встретил ее белкой,
пусть это открытие принесет тебе
минуту раздумья.

Каждая корова когда-то была бычья.

Боюсь незаряженных ружей. Ими разбивают головы.

Мы разучились отличать надгробия от памятников.

Чем мельче жители, тем более великой кажется империя.

Легче всего заблудиться в бору, когда его вырубят.

«Мне бы хотелось, чтобы мир был
Гран-Гиньолем *!» — «Садист!» —
«Нет! Ведь только там все не взаправду».

Грустно, когда самое дорогое существо
для кого-то — лишь существо проблемы.

Спорят о бытии Бога. Каждая из сторон стремится
замести следы преступления,
доказать, что не она Его убила
(конечно, до того как он стал Им).

* Гран Гиньоль — «театр ужасов» в Париже.

Отрицание — положительный элемент целого.

Меч Несправедливости всегда в надлежащих руках.

Что с того, что жизнь преходяща,
если она так дорого обходится.

На одной индивидуальности иногда может держаться
целое учреждение.

То, что невозможно вообразить, часто можно купить.

И на колебания надо решиться.

Подумай, прежде чем подумать!

Знай человек, сколь он велик,
ему не понадобилось бы расти.

Бушующее Море Равнодушия.

Перестает ли реализованный сюрреализм
быть сюрреализмом?

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Жаль, что нам не доведется жить в эпоху,
когда окажется, что наш отсчет времени
был заблуждением. И что мы вовсе не старели.

Нравственность либо условна, либо оплачивается на месте.

Многие из моих друзей стали моими врагами,
многие враги подружились со мной,
но равнодушные остались мне верны.

Последняя книжка N — повесть с ключом *.
Ключ у сторожа.

Достанет ли слов на все рты?

В каждом огородном пугале дремлет демон устрашения.

Дайте и слепым поиграть в жмурки.

Будем сами дуть в свои паруса!

Цезарей обычно убивают друзья.
Потому что они враги.

* «Повести с ключом» — серия детективов, издававшихся польским издательством «Искры».

И пустой запечатанный конверт содержит тайну.

Приставить нож к горлу противника —
тоже рискованный шаг.

До конца! Там все сойдем.

Овладел наукой, но не оплодотворил ее.

Некрасиво подозревать, когда вполне уверен.

Хамство имеет смысл, только когда оно вызывает
равную себе реакцию интеллекта.

Пока ветра нет,
и у флюгера на костеле есть свой характер.

Не зная иностранного языка,
никогда не поймешь молчания иностранцев.

Плотоядные, не съедайте всех кроликов,
потому что когда подопытных кроликов не хватит...
Впрочем, сами знаете, что будет тогда!

Плоды победы? Груши на вербе.

И камбале не все боком выходит.

Не удобряйте умственные пустоши.

Даже телячьи мозги знают,
как стать людям по вкусу.

После сотворения мира
возникло еще много несотворенного.

Я и тех люблю, которые могли быть среди нас,
даже если бы не родились.

Когда миф превращается в действительность,
чья это победа —
материалистов или идеалистов?

Странно: бьешь по струнам, а отзываются ножницы.

Не из всякого яйца вылупляется Колумб.

Перед знакомством с Иксом меня предостерегали:
«Асоциален». Познакомились. Очень человечен.

Стоит человеку начать сомневаться в себе,
как он тут же ляпнет такую чушь,
что сам же восхитится.

Есть прирожденные хозяева положения — чрезвычайно

Пословицы противоречат одна другой.
В этом, собственно, и заключается народная мудрость.

Ни один Торквемада не вытянет из людей столько секретов,
сколько жажда славы.

Почему мы сваливаемся с луны только на все ту же землю?

Можно закрыть глаза на действительность,
но не на воспоминания.

Читаю у вас в мыслях: «Ex oriente lux, ex occidente luxus!»*

Гаснущий энтузиазм должен оставлять осадок,
чтобы можно было подмалевать себе щеки для отвода глаз.

Услышав «Да здравствует прогресс!»,
всегда спрашивай: «Прогресс чего?»

Удивительно,
до чего же трудно вызвать эхо в пустых головах!

«Это всего лишь метеор», — презрительно сказала свечка.

* «С востока — свет, с запада — шик» (лат.). Luxus — роскошь. В польском языке употребляется как вульгаризм.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Взяли его вместо кого-то другого,
зато труп вернули корректно.

Преступления не облагаются налогом.

За дешевку людишки охотно платят дорого.

Сколько же лет заключения вмещают в себе 1957 лет
от Рождества Христова?

Петух воспевает даже то утро, когда его положат в суп.

Жаль, что в рай везут на катафалке.

Страдать от боли в сердце и не быть лириком?
Какой смысл?

У малолетних преступников неопределенная будущность.
Из них могут вырасти и порядочные люди.

Реформа календаря не сокращает срок беременности.

Из скромности он считал себя графоманом,
а был доносчиком.

Верующий ли я? Одному Богу известно.

Не штука возвестить: «Я есмь!» Надо быть.

Есть ли среди людоедов вегетарианцы?

Мой мозг был слишком утомлен,
чтобы создать ложную идею.

Не на всех Авелей хватит собственных Каинов.
Приходится довольствоваться общими.

Кто не имеет никакого отношения к искусству,
тот и не должен иметь к нему никакого отношения.
Не правда ли, как просто?

Не думаю, что рыба осталась бы немой,
знай она столько секретов, сколько мы.

Нужно всегда быть только собой.
Конь и без улана — всегда конь.
Улан без коня — только человек.

На каждой вершине мы над бездной.

Можно быть виртуозом фальшивой игры.

Ах, что это была за мука!
Вокруг одни голые женщины в закрытых по шею платьях.

После некоторых воспоминаний мало холодного душа,
нужна прежде всего настоящая горячая ванна.

Пуритане должны носить два фиговых листка — на глазах.

Тот, кто просыпается в кровати, на которую не ложился,
пусть тотчас же проверит свою аутентичность.

Он сломал себе жизнь. И теперь у него две отдельные,
весьма приятные жизни.

Цена человека тем выше, чем больше он платит.

Разные мысли бродят в голове.
Некоторые даже покидают ее.

Интересно, думают ли звери, глядя на нас: «Ессе homo»*.

Мысль автора, оплодотворяя критиков,
часто доводит их до выкидыша.

* См. сноску на с. 147.

Одряхлев, восклицательный знак становится
вопросительным.

Памятник может быть совершенными солнечными часами
Даже когда его уже нет, мы знаем, какой час пробил.

Дубина была детской игрушкой.
Сегодня это понял бы даже забитый ею до смерти.

Каждый ладит себе на шею петлю того цвета,
какой ему больше идет.

Жил духовной жизнью, но лояльно заботился о теле.

Поглотившие все умы должны напитать все утробы.

И душе иногда полезно быть на диете.

Надо всегда начинать с конца.

Не спрашивай Бога, как попасть на небо, —
всегда укажет самый трудный путь.

Наши точки зрения совпадают.
Вопрос только в том — чья с чьей.

«Не убий» — в Десяти заповедях —
звучит как напоминание,
а ведь на самом деле это открытие!

Заметьте: презираемый нами безграмотный невежда
может поставить точки над і.

А может быть, мы найдем когда-нибудь
промышленное применение человеческим душам?

На пожаре гетто многие погрели руки.

Цени слова! Каждое может стать твоим последним.

Всё понимаем, поэтому ничего не можем понять.

Можно оплевать себя, не раскрывая рта.

Надо ли людям быть стальными?

Иногда мне кажется, что лучше им быть из плоти и крови.

Проблему надо взвешивать брутто. Вместе с нами.

Как переводить вздохи на другие языки?

Лучше, чтобы протез души был невидимым.

Можно осудить кого-то на забвение,
но карать придется тех, кто помнит.

Если на душу населения приходится полдуши —
это высокий уровень.

А может быть, выдумаем быстренько
какой-нибудь другой отсчет времени,
чтобы не находиться в XX веке?

Мнения привычно разделены — между сильными.

«Наверное, это очень трудно — выдумать все
из головы?» — мило спросила она меня.

«Трудно, — ответил я, — но думаю, что из ноги
было бы еще труднее».

А дорожные указатели *стоят* на месте.

«Прекрасное завтра» не боится
от «еще более прекрасного послезавтра».

Настоящая сплетня никогда не должна
подтверждаться на все сто процентов.

Порой человек чувствует себя,
как «аминь» без «Отче наш».

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Только поэт мог бы составить анкету для Господа Бога.

Троглодит не был троглодитом.

Он стоял на уровне цивилизации того времени.

Верю, что ты удивился бы, впервые услышав,
как корова вдруг заговорила по-английски.

Но, поверь мне, на десятый раз ты пожалел бы,
что у нее нет оксфордского выговора.

Разумеется, если бы разбирался в этом.

Осечка мысли зависит равным образом и от головы,
в которую целят.

Бывает, кто-то ставит себе памятник за то,
что ставит себе этот памятник.

Всё иллюзия. Понятно, и предыдущее суждение тоже.

Когда подпрыгнешь от радости, смотри,
чтобы у тебя не выбили почву из-под ног.

Я встречал на своем жизненном пути людей,
которых привык встречать в других местах.

«Дождь льет вверх», —
заявил повешенный вниз головой.
Приписка: «Соответствует истине».

Кто же спрашивает у тезы и антитезы,
хотят ли они стать синтезом?

Две параллельные линии сходятся в бесконечности —
и ведь они верят в это!

Сколько приходится на *душу* населения?
Вот мера культуры.

У нас в стране богатейшие ресурсы
неиспользованной энергии.
Она заложена в апломбе четвертьинтеллигентов.

Среди великанов стремись быть карликом,
среди карликов — великаном, но с равными будь равным.

Наше неведение достигает все более далеких миров.

Любовь к родине не знает чужих границ.

Я бы предпочел, чтобы Давид убил Голиафа арфой!

Демосфен свободно говорил с камнем во рту.
Тоже мне помеха!

Смейтесь до слез — совет оптимистам и пессимистам.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Пальцы слуг должны оставлять отпечатки хозяйских.

Артистическая дотошность часто мешает рождению артиста.

Что хромает, то идет.

Наблюдается интересное явление:
лепет как средство взаимопонимания между людьми.

Быть своим собственным министром внутренних дел!

За каждым кустом сидит заяц воображения.
Иногда это всего лишь эманация голого задка.

Люди не эгоисты. Никто не носит траура по себе.

Триумф Гейне!
Стать всемирно известным «неизвестным поэтом»!

Звук никогда не возвращается к струне.

Неграмотные вынуждены диктовать.

Что за снобизм! Жаждать стать Великим Евнухом!

От большой тучи — маленькая тень? Удивительно!

Страшно, когда у одного господина
великое множество рабов.

Думается, однако, что не лучше,
когда у одного раба множество господ.

Многим из тех, что опередили свое время,
пришлось дожидаться его
не в самых комфортабельных помещениях.

Видел человека,
переливающего из пустого в порожнее.
Спросил, зачем он это делает? —
«А я — новейшие песочные часы».

Остерегайся создать по неосторожности
что-либо эпохальное.
Подумай, скольким людям придется посвятить
свою сознательную жизнь уничтожению его.

Когда все сходится, что-то должно не сойтись.

У одних никогда не было надежды,
другие вечно теряют ее.

Поэт Икс всегда ставит на хорошего коня.
Но никогда на Пегаса.

Многие люди так и не расписались
в «Списке живущих на свете».

Пора рассвета зависит от географического положения

Что я называю мечтой?

Ну, скажем, помышление об охотничьих сосисках,
когда ешь колбасу.

Многие пытались создать философский камень,
прибегнув для этого к петрификации * мысли.

В некоторых словарях недостает честного слова.

И слова без покрытия подчас высоко котируются.

Если мираж окажется действительностью,
требуйте возмещения убытков.

Идеалы не для идеалистов.

Некоторые гурманы хотели бы,
чтобы рыбка плескалась в масле,
на котором ее жарят.

* Окаменение (лат.).

Приговоренному никогда не дорасти до виселицы.

«Я — дочь солнца», — сказала мне веснушка
на носу Лиды Икс.

Истинная мудрость не опускает головы.

Мы смотрели в глаза друг другу,
и я видел себя, а она — себя.

Это не грибной сбор, а на грибы облава!

Надо жить под копирку,
чтобы, когда тебя не станет,
иметь доказательства, что ты был.

Нетрудно допеть свою песенку до конца,
тем более что припев обычно повторяется.

Когда сама цель достигала цели?

Толпа кричит одним большим ртом,
но представляет тысячу маленьких.

Имеет ли право людоед говорить от имени съеденных?

Если дуть на холодное, можно остудить собственный пыл.

Законы физики — не что иное,
как естественное право природы.

Есть и такие Робинзоны,
которые потерпели крушение
на пути из своего одиночества
и трагически высадились в заселенный мир.

Отыди, дьявол! У меня дьяволица.

Самое слабое звено в цепи и есть самое сильное:
оно разрывает узы.

А может, чистым рукам следует быть длиннее?

Истинный мудрец: всегда бил поклоны правителю так,
чтобы показать зад его прислужникам.

Одни хотели бы понимать то, во что верят,
а другие — поверить в то, что понимают.

Сумма углов, по которым я скучаю, определенно больше 360°

Ах, знать бы домашний адрес Господа Бога!

Ох уж мы, лирики!
Исхитряемся писать вилами по воде.
Под копирку.

Меткий выстрел: не попасть в человека.

Идея: иметь идею!

Не говори глупостей — враг подслушивает.

Требуем восьмичасового рабочего дня для мышления!

Заселить мир легко. Опустошить — легко.
Итак — в чем же трудность?

Когда страх бледен, ему надо крови.

Были времена, когда рабов приходилось покупать открыто.

Не называй вещи своими именами,
если не знаешь, как их зовут.

И блоха не от радости скачет.

Носит власяницу, но всегда недоволен ее покроем.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Миг, когда осознаешь себя бездарью,
озарен вспышкой гениальности.

Пегасу взнуздывают всадника.

Из гениальной мысли можно убрать все слова.

Не пробуждайте ассоциаций,
если у вас нет возможности их усыпить.

Существуют пародии на несуществующие произведения.

Интеллектуально независимы только гении и дураки.

Сезам, откройся, я хочу выйти!

Слышите бессвязное бормотание?
Это хор согласных после уничтожения гласных.

Из нулей легко сделать цепь.

Часы бьют. Всех.

И happy-end только конец.

Vox populi — vox Dei ex machina *.

Мир без психопатов? Это было бы ненормально.

Многих вещей нет, потому что их не смогли назвать.

Путь тех, кто топчет грядки, усыпан розами.

Будем избегать кровопролития,
введем титул почетного воина.

Из того, как устроен человек, сделаны ли выводы,
для каких целей он создан?

Помните: цена, которой оплачивают свободу,
падает по мере того, как растет спрос.

Были две возможности: либо стать на их платформу,
либо повиснуть над ней.

У жизни есть и темные стороны, это остаток того,
что звалось порядочностью.

Разрушим Бастилии, прежде чем их построят.

* Глас народа — глас Бога из машины (лат.).

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Берегитесь, когда бескрылые расправляют крылья.

Французская революция наглядно показала,
что проигрывают те, кто теряет голову.

Говорят, у потерявшего зубы несколько свободнее язык.

Рыба, проглотившая крючок, виновата —
не зарься на чужую собственность.

Просто не хочется верить,
что не всё становится достоянием всех.

Помни, сила притяжения всё на земле устремляет вниз.

Не будем строить богаделен для нищих духом.

Есть люди глубоко верующие. Им бы только религию!

Среди мосек время от времени свирепствует
эпидемия слоновой болезни.

Поставили рядом две гильотины.

Палачи соревновались:

кто дольше удержит на плечах собственную голову.

Плоскость взаимопонимания — идеальное поле битвы.

Достигнет ли человек когда-нибудь
такого морального уровня,
при котором для кочевников будут созданы
передвижные тюрьмы?

Справедливость меновая — око за око, зуб за зуб —
поднялась со временем до уровня справедливости продажной.

Кто слышит, как трава растет? Косцы.

Для непреходящих ценностей — увы! —
не определен срок реализации.

Люди путают законодательство с правом.

«Мысли не облагаются пошлиной?»
Да, пока не преступают границ.

Человек — персона нон грата.

Нравы падают на все более комфортабельное ложе.

И чужья погрязлость мешает писать.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Экономьте энергию, возникающую при падении.

Многому я научился во сне: там разговаривают без обиняков.

Действительность можно изменить,
фикции надо всякий раз выдумывать заново.

Как распознать свободу тем, кто никогда не знал ее?
Ведь они могут заподозрить в ней еще одну маску тирана.

Подумать только — сколько потопов было без Ноя!

Я видел летающие клетки. В них были орлы.

Всю жизнь идти к цели можно,
только если она постоянно отодвигается.

Надо всякий раз заново учиться писать и читать.
А может быть, читать и писать?

Существует идеальный мир лжи, где все истинно.

Из усмешки рождается смех,
но только из него рождается насмешка.

Бездеятельность часто приводит
к катастрофической безрезультатности.

Сделаем элитарность всеобщим достоянием!

Бывает, что произведение, выйдя за пределы четырех стен, попадает в каменный мешок.

Что пользы от широких горизонтов?

Чаще всего их можно открыть только в самом узком кругу.

Вершина человековедения — досье тайной полиции.

На пути наименьшего сопротивления
отказывают самые мощные тормоза.

Будем деликатны, не надо спрашивать у людей,
живут ли они.

«Ложись — встань» — всего лишь быт новобранцев.
«Умри — воскресни!» — вот жизнь!

Не всякое серое вещество имеет отношение к мозгу.

Из его уст исходят благороднейшие речи.
Они вас изумляют?

И полицейская дубинка указывает путь.

Актеру есть что сказать, даже когда у него роль без слов.

Великий актер именно благодаря гриму,
парику и накладному носу обретает собственное лицо.

Видел великих актеров, играющих самих себя.
Тут только сообразил, как они были бы малы,
не будь они великими.

Валаамова ослица заговорила по-человечески.
Почему бы некоторым актерам не последовать ее примеру?

Шекспир, *быть может*, и не был Шекспиром,
но Икс наверняка не Шекспир.

Мир в пьесах этого драматурга был за кулисами.

Самая кровавая трагедия, когда кровь заливает зрителей.

Разминуться с целью лучше на безопасном расстоянии.

Если сломан хребет, горб вырастает на психике.

Эксплуатация человека человеком? Не зверем же!

Некоторые страдают гипертрофией политических желез.

И машина диктатуры не *perpetuum mobile*.

Если бы зверь убивал умышленно,
это был бы человеческий импульс.

Из одной системы нам еще долго не выбраться —
из Солнечной.

Гамлет давно уже Крез. Кто ж на протяжении веков
не вносил своей лепты в его монолог?!

Каждый зритель приносит в театр
собственную акустику.

Подлинный актер, покинув сцену, до конца своих дней
играет только человека.

*Panem et circenes!**

Но тогда хлеб должен становиться все белее,
а зрелища — все кровавее.

Сила искусства: героем может быть трус.

Актеры, доиграв роль, сходят со сцены. В театре.

* Хлеба и зрелищ! (*лат.*).

Часто фарс действительности
может передать на сцене только трагедия.

Писатели, не чернилами — кровью надо писать!
Только не чужой.

Как часто мы разыгрываем комедию
без надежды на аплодисменты!

Естественно было возникнуть греческой трагедии —
при столь болтливом хоре.

Только вечная неудовлетворенность поэтов
может удовлетворить литературу.

Плагиаторы спят спокойно.
Муза — женщина, она редко признается,
кто был первым.

Многие переживают трагедию.
Но не для всякого ее пишет какой-нибудь Софокл.

Политика в этом спектакле играет решающую роль.
И проваливает ее.

Подумать — сколько великолепных трагедий
один хлопок обратил бы в фарс!

Опасайтесь тем, которых нельзя избежать!

В каждой стране гамлетовский вопрос звучит по-своему.

Иные писатели напоминают мне берлинских дамочек,
которые ночью пристают и мурлычут как кошки:
«Я такая хищная!»

Родившийся классиком — не умирает. О нем забывают.

Величайшие произведения гениев театра
вмещаются в сердце одного человека.
А для пьесок драмоделов малы и самые большие сцены.

Тот, кто первый раскусил остроту,
может еще долго делать вид,
что не понял ее.

Не следует разгонять скуку силами полиции.

Удивительно: «философия отчаяния» больше всего
пугает оптимистов.

Этот писатель в совершенно новой
и оригинальной форме сказал:
«Хочу пописать».

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Сатирики, избегайте слов, пусть говорят цифры!

В некоторых театрах господствует натурализм.

Со сцены пахнет портянками.

Недостоверны только люди.

Опера не исчерпала своих возможностей.

Ведь нет такой глупости, которую невозможно спеть.

Сатиру не влекут вещи, смешные сами по себе.

Тот, кто пережил трагедию, не был ее героем.

В зеркале языка часто отражаются обнаженные человеческие гениталии.

«Я не был экзистенциалистом», — заявил покойник.

Актеру-заике принципиально не следует играть заик.

Не один железный репертуар обречен стать металлоломом.

Два черных персонажа, а как различны краски!

Иногда кажется, что дела богов и людей
в руках у кого-то третьего.

Есть писатели, неперевоаемые на иностранные языки.
Таких можно спокойно пропагандировать за границей.

Вот это пьеса!

У стольких персонажей на сцене
есть материал для разговоров о том,
что автору нечего сказать!

Некролог сошел бы за великолепную
визитную карточку.

Высший контингент клаки: те, кому платят,
чтобы они не аплодировали.

Заглавие: «Шестеро персонажей убегают от автора».

Удастся ли нам когда-нибудь на пути
к наивысшей утонченности окинуть мир
свежим взглядом троглодита?

Совершенства в искусстве
можно добиться путем исключения.
Только не художников.

Будь реалистом — не говори правды.

В драме собственной жизни
человек играет всего лишь небольшой эпизод.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Бывает, что лавры пускают корни в голову.

Трагизм эпохи выражен в ее смехе.

Исторические материалы должны быть
легко воспламеняющимися.

Его побили камнями его собственного памятника.

С Сократами на брудершафт пьют цикуту.

Другие сделали все смешным,
а я незаслуженно пожиная лавры сатирика.

Всё уже описано. К счастью, не обо всем еще подумаю.

Есть пьесы настолько слабые,
что не могут даже сойти со сцены.

Власть чаще переходила из рук в руки,
чем от головы к голове.

Представляете — бьются два Гамлета:
кому быть, а кому не быть?

Изучает этого писателя основательно,
начиная с Гомера.

Соблюдением пропорций занимаются не эстеты.

Сено в головах иных поэтов,
очевидно, неплохо служит Пегасу.

Выдержало испытание временем? Указать — каким.

Положительных героев необязательно создавать.
Достаточно их назначить.

После некоторых литературных оценок
почти не остается ничего ценного.
Все забрали ценители.

Дидактическое произведение не только *поучает*,
но и *отучает* думать.

Может возникнуть искусство,
которое без слов, даже без жестов,
одним только взглядом даст понять,
что переживает народ.

Я заметил: людям приятны мысли,
которые не заставляют задумываться.

Мудрые мысли рождаются из головы,
как Афина Паллада,
прекрасные — из пены, как Афродита.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Поистине ужасны личные дела тех,
кого не существует.

Об эпохе больше говорят те слова,
которых не употребляют,
чем те, которыми злоупотребляют.

То, что один поэт говорит о другом,
можно сказать, вовсе не будучи поэтом.

Люди растут и расшибаются о тех, кто выше.

Бессмертный писатель умирает в своих эпигонах.

О нем можно писать отрицательно
только в превосходной степени.

Искусство идет вперед. За ним следуют конвоиры.

Если бы тесноту замыслов можно было
отнести к житейским неудобствам!

В некоторых источниках вдохновения
Музы моют ноги.

Шедевр поймет даже дурак. Но насколько же иначе!

Увенчаем чело только тому, у кого оно есть.

И в начале некоторых песен
вместо скрипичного ключа стоял параграф.

Когда персонажи политической басни животные,
это значит, что эпоха бесчеловечна.

Нет новых направлений, есть одно:
от человека к человеку.

А ведь казалось бы — что может быть
вместительнее пустых голов?

Любим, чтобы наш внутренний голос доходил к нам извне.

Когда слово становится делом,
оно перестает быть литературой.

Похоже, что я мастер юмора положений — безвыходных.

Симптомы исторических бурь?
Потом долго еще ломит кости.

Глубину можно имитировать окраской.

Писатель, который не углубляется,
всегда держится на поверхности.

Чем слабей доводы, тем крепче позиция.

Обретший эхо повторяется.

Срывай лавры! Но не с чужой головы.

Творите о себе мифы, боги начинали только так.

Пусть критерием будет —
сколько населения приходится на одну душу.

Художник,
не изобразивший жалкого правителя героем,
не был реалистом.

Иногда стоишь на краю пропасти,
как у рампы, и только думаешь:
куда же это запропастилась публика?

Искусству, чтобы стать реалистическим,
пришлось деформировать человека.

Мышление — социальная функция или функция мозга?

Прочь с пути Справедливости! Справедливость слепа.

Подчас у созданного есть выбор:
остаться сочинением автора
или стать произведением искусства.

Человек также разделен на сферы влияния разных лиц.

Приближаясь к правде,
мы удаляемся от действительности.

Должны быть преискуранты:
что необходимо приобрести любой ценой.

Обычно арьергард прежнего авангарда
есть авангард нового арьергарда.

Смерть — это Deus ex machina * человеческой трагедии.

У меня такое чувство,
что я всегда играю драматические эпизоды
в некоем грандиозном фарсе.

Ах, если бы мы могли видеть не ситуации,
а жизнь!

* Бог из машины (лат.).

И ничтожные создания создают великое.

() нем говорили с восхищением: «Догоняет гениев!»
И спросил встревоженно: «С какой целью?»

Каждый язык должен создавать в данный момент
такие каламбуры, которые нужны его народу.

По их словам узнаете, о чем они хотели умолчать.

Более всего плодovито бесполое искусство.

Актерское мастерство еще только становится на ноги.
Когда же оно наконец приблизится
к нашему повседневному лицедейству?

Подчас артист тонкой черточкой
отделяет одну эпоху в развитии искусства
от другой.

Как приятно вспомнить время,
когда предавался воспоминаниям.

Из трусости он держал свои мысли в чужих головах.

Наклеивал всюду фиговые листки,
но добросовестно описывал, что они прикрывают.

Не кощунствуй, если не веруешь!

Все уже открыто,
лишь залежи банальностей еще не освоены.

Можно ли силой создавать шедевры?
Можно, только надо иметь силу.

Иногда надо хоть немного прожить
между прошедшим и будущим
в некоем промежуточном грамматическом времени.

Все люди актеры. Где взять для них репертуар?

Некоторые ступени карьеры ведут на эшафот.

Прежде и вечность длилась дольше.

Отсутствие таланта он компенсирует
отсутствием характера.

У людей заторможенный рефлекс.
Постигают обычно только следующие поколения.

Поэты — как дети:
когда сидят за письменным столом,
ногами не достают до земли.

Произведение говорит само за себя. Если есть кому.

Ничто так не обнажает, как автопортрет.

Всякий раз это ню.

Будем время от времени изучать казематы бастионов,
обороняющих идеалы.

Там, где господствуют жестокие законы,
люди тоскуют по беззаконию.

Свободе присуща извращенность:
она отдается своим противникам.

Резонанс? Надо задеть у соответствующего человека
соответствующую струнку.

Поэт ловит рыбу в потоке,
который идет через него.

В гермафродите, быть может, разыгрывается
своя трагедия Ромео и Джульетты.

Я дрожу при мысли, что этот конфликт
могут подглядеть молодые драматурги.

Когда падают головы, не теряй головы.

Не уточняйте до точки!

У него пустая голова, до краев наполненная эрудицией.

У всех великих трагедий счастливый конец.
Но кто же сумеет высидеть до конца!

У поэтов головы должны отрастать, как у гидры.
Быть может, тогда им удалось бы что-нибудь сочинить.

Когда человечество счастливо,
преступления сублимируются в искусстве.

Выдавал себя: при встрече приподымал, как шляпу,
лавровый венок.

Он — это всегда кто-нибудь другой.
Поэтому ему можно повторяться.

Едва лепечет? Зато по-новому!

Будь сентиментальным.
Это позволит тебе даже давние трагедии
вспоминать с умилением.

Иногда нужно нагрубить,
чтобы оценили твою деликатность.

И духовные кастраты берут самые высокие ноты.

Есть любители нырять в глубину,
только чтобы пускать со дна пузыри.

Поэт подозрительно косится на слова,
которые написал.

Какое из них украсит его надгробие?

Думаете, этот автор немного достиг?
Он снизил общий уровень!

Не следует пропагандировать «pure nonsense»* там,
где господствует «common nonsense»**.

У иных шутов бубенчики звенят фальшиво.

И пролитая кровь еще пульсирует. Пульсом эпохи.

Его мысль — чистое наслаждение.
Она никого не оплодотворит.

Напал. На идею.

Ни с какой точки зрения нельзя быть слепым.

* Чистая нелепость (лат.).

** Всеобщая нелепость (лат.).

Осторожнее с драматизацией жизни!

А что, если на ваши роли найдутся лучшие исполнители?

На человеческой шкуре все упишется.

Пока она на человеке.

Пегасу даны крылья, чтобы он меньше брыкался.

Первым брось камень, а то прослывешь эпигоном.

Для некоторых уже самое хождение по земле перерастает в трагедию.

Странный сноб: мечтал, чтобы на его визитной карточке перед фамилией стояло не *д-р* или *гр.*, а *св.*

Время щедро одарило нас гениями.

Есть надежда, что среди них несколько способных.

Дрессированные попугаи не повторяют ничего.

Воскреснуть без согласия убийц — какая смелость!

Учти: когда ты озарен славой,
у врагов твоих есть преимущество —
они подкарауливают в тени.

Гам, где все поют в унисон,
слова не имеют значения.

Борьбу за власть ведут с нею.

Порой юморист впадает в депрессию:
славословие оказывается смешнее юмора.

Стать знаменитым,
чтобы позволить себе выступать анонимно!

Иногда у человека бывает ощущение,
что он околачивается на сцене,
даже не будучи статистом.

Только когда он въехал на рыдване,
все поняли, что это кучер.

Наши тени талантливее нас:
они делают то же — без усилий.

Вкусом критика Икс
можно руководствоваться, как компасом:
он идеально плох.

Достаточно слова. Прочее — болтовня.

Я держал счастье за хвост.

Оно вырвалось, оставив у меня в руках перо,
которым и пишу.

Преступление — муза проповедников и моралистов.

Под палками даже в барабане пробуждается муза.

Время останется людоедом.

На уважающих себя сценах должна быть яма,
куда проваливаются от стыда.

У некоторых крылья вырастают из горба.

На котурнах труднее сойти со сцены.

Собственное бессилие так же опасно,
как чье-то насилие.

И лилии на болоте дрожат перед мелиорацией.

Слабая память поколений сберегает лишь легенды.

Не ночуй там, где даже насекомым не спится.

С интеллигентной пани Икс
мы были на конном заводе в Энске.
Знаменитый жеребец показывал чудеса мужественности.
«А Кароль Ижиковский *, — вдруг сказала мне пани Икс, —
утверждает, что подлинных афоризмов писатель за всю жизнь
может создать лишь несколько».

Кто же после пощечины изучает на щеке
отпечатки пальцев?

Мечта рабов:
рынок, где можно было бы покупать себе господ.

Замыслы попадают в голову изнутри.

Душно! Откройте окна,
пусть и снаружи это почувствуют.

Обязан ли каждый, найдя в себе что-нибудь ценное,
сообщить об этом в ближайшее отделение милиции?

Нет человека, который был бы так глуп,
чтобы время от времени не прикидываться дурачком.

Видел одни и те же следствия,
которые каждый год порождались другой причиной.

* Кароль Ижиковский (1873—1944) — польский писатель.

На человеческую память нельзя полагаться.
Увы, так же как и на забывчивость.

И свинья иногда глумливо хрюкает по адресу пастуха:
«свинопас!»

Когда враг потирает руки, твой час! Давай волю своим!

Разве насилие над совестью человека
не лишает его невинности?

Семейный круг не очертишь циркулем.

Прогресс: наши предки ходили в звериных шкурах,
а нам и в человеческой не по себе.

Некрасиво показывать пальцем даже на себя
как на мессию.

У человека два профиля — левый и правый.
И еще два изнутри.

За сколько голосов считается при голосовании
голос истории?

Из опыта стрелка: в великих труднее попасть,
чем в малых.

Ставь точку под знак вопроса!

И людоеды спасают людей из пасти акулы.

Не верьте сказкам! Они уже далеки от жизни.

Не удивляйся, узнав, что тот, кто не пахнет,
любит, чтобы ему кадили.

Дерьмо представляет интерес, только когда оно навоз.

Порой дать бестии полюбоваться собой
в вогнутом или выпуклом зеркале безопаснее,
чем в обычном.

Я коснулся Венеры Милосской.
«Без рук! — кричит. — Только без рук!»
Комплекс.

Враги изображают меня законченным индивидуалистом,
противником всякой коллективности.
Я еще мальчишкой носил на морской бескозырке
ленту с надписью: «Viribus unitis!»* —
это было любимое изречение императора Франца-Иосифа I.

Никогда не стал бы кончать самоубийством.
Верю в человека — всегда найдется услужливый убийца.

* «В единении сила!» (лат.).

И иуды научились носить кресты.

Раздвоение личности — острое психическое расстройство, когда неисчислимое количество особей, на которые делится личность, сокращается до двух.

Идеальные подделки
вынуждены делить судьбу оригиналов.

И воры подчас ходят в ореоле.
К тому же вовсе не краденном.

У него был такой угол зрения,
что его оттуда выселили.

Иногда у нас сжимается горло,
дабы не пропустить голос сердца в голову
или *vice versa* *.

Лист дрожит — но, помилуйте,
за что же его могут привлечь к ответственности?

Первый человек не чувствовал себя одиноким,
он ведь не умел считать.

* Наоборот (*лат.*).

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Оправдание людоедов: «человек — это скотина».

В опасные времена не уходи в себя,
там тебя наверняка отыщут.

Если бы то, что в нас бьется, действительно было сердцем,
оно не умирало бы, чтобы этим убить нас.

Сколько соловьев надо сожрать хищнику,
чтобы запеть?

Не все фениксы, восстав из пепла,
признаются в своем прошлом.

Бедняга тот, кто не видит звезд,
пока у него искры из глаз не посыплются.

На окольных путях мышления
порою прошмыгнет бочком перепуганный смысл.

Есть люди, которые знают на одних языках только «да»,
а на других только «нет».

Может ли съеденный туземцами миссионер
считать свою миссию выполненной?

Давайте строить временки.
А ну как разразится землетрясение?

Будем людьми, по крайней мере до тех пор,
пока наука не откроет, что мы нечто иное.

Думает ли матадор на арене,
что он сражается с бефстрогановом или со зразами?

Герои твоих снов лакомятся из твоей тарелки.

Когда же человек покорит межчеловеческое пространство?

Очень немногие из тех, кто жил в XIX веке,
предвидели, что после него наступит XX.

Искусством движет не внимание, а мания.

Что ты скажешь на это, физика?
В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению.

Отсутствующие всегда не правы,
но они чаще сохраняют жизнь.

И вдруг автор пробуждается во чреве публики,
как Иов во чреве кита, но чувствует,
что он уже переварен без остатка.
Вот бы продлить это ощущение до бесконечности!

У достигшего вершины есть оправдание —
дальше идти некуда.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Кандалы не любят приковывать к себе внимание.

Искусство быть продажным,
не располагая ничем для продажи.

Даже дьявол требовал, чтобы, продавая ему душу,
обязательство подписывали только *собственной* кровью.

Извечная мечта палача: комплимент от жертвы
качеству экзекуции.

Чтобы быть собою, надо быть хоть кем-нибудь!

Не в состоянии поверить,
что Икс в самом деле существует.
Хотя недавно осмотрел его с ног до головы.

Часто крыша над головой не позволяет людям расти.

Не каждый пастырь заботится,
чтобы его овечки паслись на высотах духа.

Глупости данной эпохи
так же ценны для науки последующих эпох,
как и мудрость ее.

Тому, кто, умерев, не ощутит разницы,
не стоило родиться.

Именно долгое отсутствие в человеке гармонии
и есть творческий импульс для создания ее вновь и вновь.

Он всякий раз ставит вопрос на голову.
К сожалению, на свою.

Тем, кто умирает от восторга, лучше не воскресать.

Тревога за народ редко рождает труса.

Слишком доверился законам физики.
Думал, что опустится на дно без усилий,
но задержался на полпути.
Вы его знаете, эту посредственность.

Есть надежда, что низкосортная литература
еще станет элитарной.
Для узкого круга последних четвертьинтеллигентов.

Когда ошибки станут реже, они сильно подорожают.

«Не верь!» — шепчет дьявол.
«Верь!» — подсказывает ангел.
А иногда наоборот.

«Каждый шаг сопряжен с риском, —
говорил один танцмейстер. —
Может родиться новый танец».

Сколько же людей отправляются
за пределы собственных горизонтов!

И маятник ходит в такт времени.

В человеке теплится гордость:
смерть долго сопротивляется нам,
но в конце концов уступает.

Важно то клеймо позора,
которое ты ставишь на себе сам.

Людоед не брезгует человеком.

Ты дитя своего века. От тебя зависит,
кого он выберет, чтобы тебя родить.

Люблю человека. Никогда не создал бы его.

Помни: если позицию нельзя защитить,
ее все же можно занять.

У подлинного избранника выбора нет.

Живи современно. Если не можешь отложить это
до другого времени.

Не звени ключами. От тайн.

Лучше всего подставляют ножку карлики.
Это их уровень.

Принес глупость к мастеру.
«Хватит ли, чтобы сделать из этого мудрость?» —
«Еще кое-что останется», — отвечал мастер.

Будем жить дольше! Других.

Сколько догматов у атеиста!

Тсс! Тсс! Шут, запахнись, —
видна обнаженная кожа философа.

Мир вовсе не безумен,
хотя и не приспособлен для нормальных людей.
Он только для нормированных.

Даже в лабиринтах уже висят надписи:
«Заблуждаться воспрещается!»

Бездомная идея всегда найдет приют у человека.

Справедливость всегда должна быть на своей стороне.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Бывают времена,
когда философ на смертном одре может заявить:
«К счастью, я остался непонятым!»

Совесть у него чистая. Не бывшая в употреблении.

Когда мы докопаемся до нижних археологических слоев,
там, быть может, обнаружатся следы великой культуры,
существовавшей до появления человека.

Потусторонний мир подчиняется законам,
действующим по сю сторону.

После каждого «последнего крика» в литературе
я обычно жду ее последнего вздоха.

Техника достигнет такого совершенства,
что человек сможет обходиться без себя.

Сходят с ума только те, у кого он есть.

Если ты прослыл в обществе недоумком, не огорчайся:
недостающая часть твоего ума у кого-нибудь еще.

Пусть те, кому достаются плоды преступления,
не выплевывают косточек на плодородную почву.

Тренируйся в мнемотехнике *.
Это иногда помогает помнить, что живешь.

Достаточно предаться иллюзии,
чтобы ощутить реальные результаты.

Тот, кто гасит пламя в себе,
не звонит по дороге на пожар.

Попробуй рассказать что-нибудь,
не обращаясь к образам, присловьям, идиомам,
не прибегая к штампам — даже и не литературным.
Тут-то и узнаешь, как трудно быть простым.

Углы губ в улыбке пропорциональны степени свободы.

Вижу людей голыми,
но не всегда выдаю, что вижу это,
а то еще потребуют, чтобы я их одел.

Правду хранят под замком как величайшее сокровище те,
кто ее меньше всего ценит.

Порой что-то кроется за тем, перед чем кроемся мы.

* Мнемотехника — цирковой номер «угадывания мыслей на расстоянии».

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Невежество не отстает от знания,
и оба они осваивают одни и те же
девственные просторы гениальности.

Ох уж эти свидетельства о ненормальности*.
Безумцам они ни к чему.

Слепого фанатика по глазам видно.

Задаю окольные вопросы,
чтобы предотвратить уклончивые ответы.

Человека, не приспособленного к жизни,
надо переучить,
может быть, он станет пригоден
для другой формы бытия.

При первых признаках светопреставления
разговоры о погоде станут захватывающе интересными.

Бывает, что за вину отцов награждают лишь сыновей.

А может, твой бог хотел бы,
чтобы ты славил его перед другими богами?

* Документы, которые выдавали врачи в оккупированной фашистами Польше, чтобы спасти людей от преследования.

Предоставив определенным мыслям
убежище у себя в голове,
я не могу их выдавать.

Многие в автобиографии умалчивают, что их нет.

Не штука воспылать желанием,
когда жизнь выставит задок.

Ложь ничем не отличается от правды,
кроме того, что ею не является.

Когда сдающиеся в плен подняли руки,
они показались врагам такими грозными,
что те пустились бежать.

Кое-кому, чтобы стать счастливым,
недостает только счастья.

Шли преступники с транспарантом:
«Не пытайте совесть, дайте ей спать спокойно!»

Чем позднее обезьяны стали бы людьми,
тем меньше пролилось бы человеческой крови.

Я говорю такие старые истины,
что человечество их уже не помнит.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Карликам надо низко кланяться.

Шут пользовался исключительными правами у властителей. А те, которые не чувствовали себя властителями, не могли их ему предоставить.

Поспевает ли продукция мышления за приростом населения?

Не представляю, чтобы конец света предшествовал торжеству правды.

Не давайте гермафродитам и евнухам решать проблемы избыточности и неудовлетворенности!

Чтобы вскарабкаться наверх, надо сложить крылья.

Имеют ли право невиновные в грабеже участвовать в разделе добычи?

Может ли человек отвести зло? Может. Однажды, помню, отвел взгляд. И своевременно спасся.

Чтобы добраться до источника, надо плыть против течения.

Общечеловеческие ценности — это те, которые нерентабельно перевозить из страны в страну контрабандой.

Подумать только —
люди все еще не стали людоедами!
Впрочем, есть надежда
на кое-какой прогресс в кулинарии.

Закон физики: чем выше вода, тем весомее жи:

Надутый? Должно быть, бесхребетный.

Даже не сложившиеся люди разлагаются.

Объедками с барского стола
порой становятся сами пирующие.

Беззубых тиранов смешить запрещается!

Помните: у человека нет выбора,
он должен быть человеком!

Две силы характеризуют мир интеллекта:
точность и бессмыслица.
Задача: не допустить рождения гибрида —
абсолютно точной бессмыслицы.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

У народа может быть одна душа, одно сердце, одна грудь,
которую он подставляет,
но беда, если у него только один мозг.

Надо пройти по жизни с горделивым прищуром,
тем самым давая знать неведомому Великому Демиургу,
что его блистательная шутка дошла.

И на пляже у nudистов есть свои арбитры элантиарум *.

Однако человечность прогрессирует.
С каждым разом убийц судят всё гуманней.

Кто спит и видит себя могучим, пусть громко не храпит.

Только антропоморфность воображения
позволяет человеку видеть в своих поработителях людей.

Деформируют нас формулы.

Не отставай от времени, а то заденешь тех,
кто его подгоняет.

Даже нечистоплотность барокко и рококо
не способствовала чистоте нравов.

* Законодатели мод.

Не огорчайтесь!

И некоторым гомункулусам можно будет сказать
«ах ты, курицын сын».

Сумма человеческих знаний обрастает
совершенно чуждыми ей нулями.

Тюрьмы трудно назвать исходной точкой.

Повернешься к людям задом, скажут — «двуличный».

Не будем забывать,
что «дефиниция» и «finis»* от одного корня.

Человек из железа.
Поэтому он порой не воспринимает кандалы
как инородное тело.

Некоторые были выше других на голову,
которую им отрубили.

Легенды часто разрушают те,
кто гонится за их источниками.

Традиция — потомственная родовитость плагиата.

* Конец (фр.).

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Марионетки тщетно мечтают о монологе Гамлета.

Ничего не могу о нем рассказать.
Видел его только голым.

Служил как пес, и убили как пса.

Некоторые видят правым и левым глазом
совершенно одно и то же.
И полагают, что это объективизм.

Мы все ближе к научному открытию Бога.
Боже, что его тогда ждет!

Трудно гладить зверя, когда он в человеческой шкуре.

Дорожные указатели могут превратить шоссе в лабиринт.

Кто не постиг Сотворения Мира,
не поймет и нужд общества.

Обычно мы слышим уже окончательную редакцию вздохов.

Не суй все в один мешок. Не подымешь.

Будем изъясняться сжато,
чтобы закончить фразу в той же эпохе.

Ох уж этот альтруизм!

Иногда так хочется ударить кулаком по столу,
но в последнюю минуту видишь,
что расплескал бы чей-то десерт.

Есть дальтоники, которые не различают цветов,
зато улавливают все оттенки.

Вот уж посмеюсь я, если перед светопреставлением
свет не успеют уничтожить!

Ум у него был открытый, к сожалению, — настезь.

И мессии тоже с нетерпением ждут своего пришествия.

Можем же мы хоть в снах позволить себе раздвоение личности.
Один из нас станет кем хочет,
а другой в надлежащий момент разбудит нас.

Мира не существует, он ежеминутно создается вновь.
Впечатление длительности возникает от недостатка выдумки.

Если настоящий шут смеется над настоящим шутом,
значит, один из них ненастоящий.

Был совестью своего времени, у которого ее не было.

В своих словах заключил эпоху. Речь идет о поэте?
Нет, о судьбе.

Вот истинный страж закона —
он так тщательно его охраняет,
что никто не может им воспользоваться.

Смеялся, только когда был в духе. Законов.

И кнут пускает побеги, попав на благоприятную почву.

Орфей спускается в ад не только в поисках Эвридики.

Черти делятся на падших ангелов
и на выдвигенцев из людей.

Быть шутком на тризне — миссия глубоко человеческая.

И отсутствие прецедента создает прецедент.

Бессонница — болезнь эпох,
в которые людям велено на многое закрывать глаза.

Все мы вылеплены из одной глины,
и это подчас создает опасность,
что нас бросят в один тигель с другими,
чтобы вылепить третьих.

Внимание! Неразорвавшиеся снаряды в литературе!
Их авторы опасны еще и много лет спустя.

Сатира никогда не пройдет по конкурсу.
В жюри сидят ее объекты.

Критик упрекнул трагика, что тот недостаточно смешон.

Во время пытки он еще и сам щипал себя.
«Зачем?» — спросил потерявший терпение палач.
«Проверяю, не кошмарный ли это сон».

Некоторые празднуют свои поражения потому,
что их приглашают на пиры победителей.

Ставят мне его в пример: «Он и. о. нашего ума».

Несуществующее нематериально
и уже как таковое заслуживает поклонения.

О, если бы удел человеческий
был лишь предметом философии!

Я считаю антропологию псевдонаукой.
Если верить ее определению человека,
мир перенаселен.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Скопцы пляшут на всех свадьбах...
Им ведь ничто не мешает.

Можно очутиться на дне и не достигнув глубины.

Табу, несмотря на неприкосновенность,
размножаются устрашающе.

Не один часовой далеко зашел,
делая всего несколько шагов туда и обратно.

Хироманты укрываются за фразой:
«По грязным рукам нельзя ворожить!»

Приклеиваю человеку ярлыки, чтобы прикрыть его наготу.

Убежден, что тайны бытия с момента их зашифровки
многократно переменились.

Войте! Почувствуете себя моложе на миллионы лет.

Эх, кабы знать шлагер иерихонских труб!

Когда надо бить в набат — бей!
Даже если ты не звонарь по должности.

С тех пор как человек стал на задние ноги,
он так и не может обрести равновесие.

Протестовал долго. Спутало его «про»*.

Искусство показывать язык,
не показывая, что у него на кончике.

Хочешь петь в хоре?
Присмотрись сперва к дирижерской палочке.

Истинный мученик тот,
кому отказано даже и в этом звании.

Среди слепых и одноглазый перестает видеть.

Бывают времена,
когда сатире приходится восстанавливать то,
что разрушил пафос.

Не согласен с математикой.
Считаю, что сумма нулей дает грозную цифру.

Иногда легче присудить премию,
чем признать правоту.

* За (лат.).

Наконец достигли взаимопонимания.
Согласились на том, что они враги.

Регистрировать ли отсутствие иллюзий
в графе «приход»?

Мне проще провозгласить себя царем, чем курьером.

Не требовать от жизни невозможного?
Но почему? Возможности-то ее ограничены.

Порой мера величия —
лишь расстояние от преступления.

Там, где падают головы,
шныряют желающие приобрести хотя бы лицо.

И четвероногие встают на задние лапы.
Чего не сделаешь от голода и страха!

Я всегда был против роспуска гаремов.
Дамы включаются в общественную жизнь,
но евнухи оказывают на эту жизнь
слишком большое влияние.

Некоторые не отличают онанизм от «верности себе».

Стрелка сломанного компаса не дрожит.
Освобождена от ответственности.

Случается, что наказание влечет за собой преступление.

Порою время леденит у людей кровь в жилах,
чтобы не разлагались.

У бога Януса было два лица.
Святовиду понадобилось целых четыре;
бывали божества с еще большим количеством обличий.
Это свидетельствует о том,
насколько им было трудно в свое время.

Каннибалы предпочитают тех, у кого нет костяка.

Если у жрецов больной желудок,
не приноси богу трудноперевариваемых жертв.

Прошу отличать *легкую музу*
от *музы* легкого поведения.

Должно ли искусство быть понятным?
Да — но только адресатам.

Тем, кто может приказывать жестами,
ни к чему много говорить.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

А может быть, стены Иерихона пали просто оттого, что в городе слишком сильно дули в фанфары?

И слово, ставшее ненужным, продолжает порой оставаться в номенклатуре.

«Постоянно возвращаемся к нашей первой любви». Возможно. Однако всякий раз с другой целью.

И в несокрушимых скалах идей и вер есть пещеры, где ютятся люди.

В эпоху бесправия и равноправие кое-что!

Иногда так трудно дышать на поверхности, что надо опуститься в глубину, чтоб отдышаться.

Кто, собственно, кричит нашими устами?
Разные люди, или голос уже достигнутого между ними компромисса, или победитель в споре?
А может быть, сразу же и побежденный?

Самому себе трудно сказать правду, даже когда знаешь ее.

Люди рождаются во исполнение социального заказа по частной инициативе.

На сатире со знаком плюс можно сразу же ставить крес

Наши дни сочтены — статистиками.

Правда всегда выплывает наружу.
Поэтому ей тут же приходится нырять.

У него была пестрая жизнь. Менял знамена.

Кто свернул с пути в ад,
того не остановит предостережение:
«Это дорога никуда».

Иногда приходится стать на котурны.
Ну, например, чтобы плюнуть в лицо вышестоящим.

Беда, если голова того, кому хлопают,
попадает между ладоней аплодирующих.

И ливрею один покупает готовую,
а другой шьет на заказ.

Иной фон не выносит переднего плана.

Страшное дело — плыть в мутной воде против течения.

Обнажаю человека?

Мои люди стремительно растут,
сорочки становятся им коротки
и кое-чего не прикрывают.

Некоторым представляется,
что они произошли от обезьяны,
сидевшей на древе познания добра и зла.

Когда заселим пустыни, исчезнут оазисы.

И ненужные во всякое время нужны.

Только у обитателей золотых клеток
есть надежда освободиться.

Иметь бы столько слушателей,
сколько подслушивающих!

Если очутился в одной яме с волком,
не гляди на него свысока.

Весь день не мог припомнить слова «гильотина».
Голова защищалась.

На передовой ближе всего друг к другу враги.

Если вода доходит тебе до рта,
не переживай, что она непригодна для питья.

Признания, что мир прекрасен,
требуют от меня, как правило, те,
кто внушает к нему отвращение.

Все должны добраться до берега —
там ведь ждут таможенники.

«Что мне одна женщина, — сказал евнух. —
Мне нужен гарем».

«Да здравствует!»
Ведь это же, в сущности, «пусть живет» —
всего лишь знак согласия.

Пророку можно обманываться.
Только пускай не обманывается насчет даты,
когда он перестанет им быть.

Трудно расширять горизонты? А если глянуть искоса?

А оптимистичнее всего сказано у Бен Акибы:
«Всё уже было».

Все хотели бы, воскреснув, продвинуться по службе
хотя бы на одну ступень.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Сны зависят от положения спящего.

Не каждый, кто знает слишком много, знает об этом.

Следы многих преступлений ведут в будущее.

Литература факта?

Некоторым фактам она нежелательна.

Поступок догоняет мысль. Беда, если он обгонит ее.

Обнажай человека,
не показывая при этом его грязного белья.

Орел должен суметь вылупиться
даже из кукушечьего яйца.

Съесть врага живьем это еще ничего,
труднее не оставить за ним последнее слово.

Беззубым многое легче выговаривать.

Трудно дочитаться до собственной неграмотности.

Только умалишенный не признает свидетельства
о ненормальности.

И могильщику нельзя увлекаться одним лишь прошлым.

Пробивай толщу мысли:
а что, если таким путем удастся удрать?

Настоящего мужчину узнаешь, даже когда он голый.

Верю, что когда-нибудь придет конец
органической жизни, но не организационной.

Не стреляй в манекены,
они воскреснут в памяти людьми.

Как-то ночью я проходил мимо лесного склада
и сторожевой пес брехал на меня.
Верю: человечество достигнет такого совершенства,
что пес будет точно знать стоимость материалов,
ради которых он брешет.

Прямота характера
не обеспечивает кратчайшего пути к цели.

Воздействие давления зависит от материала.
Одни под давлением мельчают, другие растут.

Человек постоянно придумывал орудия.
Но еще с доисторических времен он сам был орудием человека.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Он готов распластаться, только бы гора заметила его.

Все имеет признаки двуполости. Даже брак.

Никогда не сдавайся отчаянию —
оно не сдерживает обещаний.

Ничтожество никогда не страдает микроманией.

Ничто в природе не гибнет,
кроме исполнившихся надежд.

Только шут не может безнаказанно дрожать.
Его выдаст звон бубенчиков.

В истории учитываются и не совершившиеся факты.

Был верным знаменосцем.
Когда держал древко, не давал отвлечь себя ничем,
даже сменой цвета знамени.

Не стремитесь быть оригинальными во что бы то ни стало.
Если при вас несколько человек
скажут про очевидного подлеца «проказник!» —
повторяйте за ними.

Смелчак: ест из рук тирана.

Великое время может вместить
изрядное количество маленьких людей.

А за чей счет живут люди в чужих воспоминаниях?

Когда рождается пессимизм?
При столкновении двух различных оптимизмов.

«Тоскую по Аркадии счастливой!» —
«Не поддерживаем с ней дипломатических отношений».

Интеллектуальная периферия —
активизация мышления вдали от мозга.

Грустно, когда люди освистывают себя
на один и тот же мотив.

Карликам, чтобы расти, нужны чужие кости.

Не слишком ли велика была забота Ноя о роде
человеческом?
Подумать только — взял по паре каждого сорта!

Иногда осанка — результат паралича.

Удивительно, что лакеи и наложницы никогда не видят,
что король голый.

Кто молчит, того не лишишь слова.

Мир, должно быть, имеет форму конуса,
обширней всего у него дно.

У приверженцев Ночи Длинных Ножей
никогда не было недостатка ни в Длинных Вилках,
ни в Длинных Ложках.

Чаще всего утрачивают свободу те, кто ее жаждет.

Хлеб открывает любой рот.

Чем ниже падаешь, тем меньше болит.

Только самым холодным головорезам
уготовано теплое местечко в пекле.

Вначале было Слово.
Только потом наступило Молчание.

Донос: Ессе homo!*

У палки два конца. Не становись ни на один.

* См. сноску на с. 147.

Один неверный шаг — и ты у чужой цели.

Слово проникает всюду,
но вот выйти ему подчас нелегко.

Я так полон оптимизма, что больше не вмещу ни капли.

«Мойте уши!» А вдруг пробьет час?

Верю даже в эволюцию животных.
Например, когда-нибудь блоха сравняется со львом.
Не знаю только, львы измельчают
или блохи станут гигантами.

Люблю читать жития некоторых святых с конца.
По мере чтения обретаю веру,
что кто-нибудь из них может снова стать человеком.

Могло быть хуже. Твой враг мог быть твоим другом.

Боюсь властителей душ. Что они делают с телами?

Древние владели искусством так бальзамировать умерших,
чтобы они не теряли значительности.

Некоторые люди лишены дара видеть правду.
Но зато какой искренностью дышит их ложь!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Барабанщики, которым результат важнее такта, оглушают публику первым же ударом.

Некоторые никогда не выпускают из рук штурвала, надеясь, что он пригодится им и на другом корабле.

Есть и такие, кому трудно убить человека. Им сперва надо сделать его нечеловеком.

Наилучшее мерило эпохи — диапазон между великим и ничтожным.

«Не убий, — сказал и добавил: — Сам».

И регалии звенят по-разному.

Велика сила ничтожества, ничто не одолеет его.

Тайне не нужно себя скрывать.

Если заявить «Святых нет!», обидятся даже атеисты.

Порой накапливается столько грязи, что расстаться с ней кажется сущим расточительством.

Переселился из Содома в Гоморру.

Не кричите «Король голый!»,
пока он не станет к вам задом.

Из записок Вечности:

«Только один прожил от Начала Мира до Конца его — Страх».

Расисты! Не допускают черных мыслей!

И размеры Вселенной будут военной тайной.

Может ли человек защищать свое авторское право
на нежелательные мысли?

Тому, кто носит терновый венец,
нельзя склонять голову — венец спадет.

Дьявол не спит. С кем попало.

Совершенно не видно шапок-невидимок!!!

Конец некролога: «Не умер! Изменил образ жизни».

Сбываются наши самые смелые мечты.
Наступает пора для несмелых.

Некоторые мысли приходят в голову под конвоем.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Глиняные големы, которых не удалось оживить, иногда делают карьеру памятников.

Одним вторая жизнь дана в награду,
другим — в наказание.

Крикнул: «Король голый!»
Но придворные заткнули ему рот. «Нельзя!» —
«Почему?» — «Он решил простудиться».

Прямолинейные!
Будьте особенно внимательны на поворотах.

Считают, слышал я,
будто бы меня интересует духовность политики.
Боже правый! Да что я — мистик?

Иногда приходится идентифицировать знаменосца
по отпечаткам пальцев на древке.

В раю должно быть всё. И ад.

Можно видеть сны и наяву.
Если время от времени прикрывать один глаз.

Мистик! Верит, что существует.

Трудно ходить с гордо поднятой головой
и не задирать нос.

Это был мыслитель прогрессивно-религиозный.
Он соглашался, что человек произошел от обезьяны,
но от той, что уцелела в Ноевом ковчеге.

Не подбивайте кретина писать шедевр.
А что, если у него получится?!

Философы, не открывайте философский камень.
Его привяжут вам на шею.

Человек — побочный продукт любви.

Новое в геометрии: генеральная линия
не состоит из бесконечного числа точек зрения.

Если людоед-еретик обратился на вертеле к истинной вере,
ему в виде особой милости
дают отведать его собственную ногу.

Черепашка потому должна быть такой твердой,
что является такой мягкой.

Правда обычно лежит где-то посередине.
Чаще всего без надгробья.

«Трус! — воскликнуло дерьмо. —
Боится до меня дотронуться!»

Не всегда люди оценивают то или другое «в контексте».
О человеке говорят: «Вот это голова!»,
увидя эту голову уже отдельно, в корзине под гильотиной.

Желал познать человека изнутри.
Ему предложили начать не с той стороны.

Не доверяйте восторженным слюнтяям.
Слюнями восторга они могут вас оплевать.

Полудурки и четвертьинтеллигенты
не любят полутонов и четвертьтонов.

Существуют экономические сексуальные стимуляторы.

Как справедливее судить о каком-либо государстве?
Проще всего на основе его судебного законодательства.

Люди в руках *веще*-ведов.

Попал рядом? Там была моя цель.

Трусливый сатирик способен создать лишь одну шутку —
самого себя.

Ложь, уличенная в правде, от этого лишь наглее.

Дисциплина искусства требует свободы.

Жизнь принуждает человека многое делать добровольно.

Вписывайся во влиятельные круги.

Неокантианец? Этика для него вещь в себе.
Ему и плевать на нее.

В будущем люди-флюгеры будут держать нос
по межпланетному ветру.

И тиран не пользуется свободой убеждений.

Страшнее всего моральная грязь.
Тут не обойтись без кровавой бани.

Не будьте жестокими, не услаждайте жизнь мазохистам!

Трудно разобрать, кто добровольно плывет по течению.

Преступление, не предвиденное кодексом законов, —
нелегальное?

Большой эрудит.

Всегда пишет Saint-Beuve * «a la Stroganoff»**.

Содомит-нарцисс: любит зверя в себе.

Призыв некоторых

«Не будем убивать друг друга»

иногда понимается неверно.

Они всего лишь требуют

исключительного права на убийство.

Для себя.

Несмотря на то, что пути их разошлись,

они продолжали идти вместе,

как конвоир и конвоируемый.

Гордо носили на груди этикетки с ценой,

за которую их нельзя купить.

«Избегаю людей, — говорил один их друг, —
чтобы не сделать им ничего дурного».

У человека тогда нет пути назад,

когда его нет у его противника.

* Сент-Бёв, Шарль Огюстен (1804—1869) — блестящий французский критик.

** Вместе буквально: святая говядина по-строгановски, св. бефстроганов.

Повесился на веревке самого большого колокола,
чтобы тот раззвонил об этом повсюду.

Ну можно ли не стать оптимистом?
Мои враги — снова! —
оказались именно такими свиньями,
как я предвидел.

Некоторые зебры сели бы в клетку,
лишь бы все подумали,
что полосы на них только тень от решетки.

У некоторых судьба с двойным дном,
и она провозит их контрабандой.

В странах,
где жители не чувствуют себя в безопасности в тюрьме,
они не чувствуют себя в безопасности и на свободе.

Никогда не забывайте о том,
что тылы мыслят себя фронтами.

Волки благороднее овец,
они с трудом представляют себе существование
без этих последних.
А овцы? Стыдно сказать!

Кто же не на стороне человека?
Только не все на внутренней стороне.

«Я — поэт завтрашнего дня», — сказал он.
«Поговорим об этом послезавтра», — ответил я.

Мудрости должно быть вдоволь,
ведь ею мало кто пользуется.

Не пируй с людоедами, неровен час,
окажешься на блюде.

Терпеть не могу философов,
которые любят делить волос на четыре части
на чужих головах, да еще с помощью топора.

И что за льстецы эти сатирики! —
смеются над такими добродетелями народа,
каких у него нет.

Ну, допустим, ты пробил головой стену.
Что ты будешь делать в соседней камере?

Человеческий мозг всё тяжелеет.
Дрожу, как подумаю, что ведь это он
держит человека в его гордом вертикальном положении.

Каким богатым должно быть государство,
чтобы позволить себе из половины населения
сформировать полицию, а другую половину
содержать в тюрьмах на казенный счет?

Анонимка допустима,
только если пишуций в самом деле никто.

Надпись на могильной плите:
«Жизнь проходит, увы, не без последствий».

«Проспал эпоху», — сказано о нем.
«Спокойно?» — спросил я.

Страшно дыхание эпохи, в которую нечем дышать.

Анекдоты о сумасшедших, рассказанные ими самими,
внушают беспокойство, поскольку вполне разумны.

Можно почитать Бога и не веря, что он есть.

Хвалился,
что происходит по боковой линии от Авеля.
Правильно, он был потомком Каина.

В шутовском колпаке нельзя кланяться.

Знаю ли я людей? Пока только 2711.

Сметливый тиран доведет до инфляции —
а в конечном счете и до девальвации — Голгофы.

Тупик, из которого можно выйти, — не тупик.

Жизнь слишком тяжела, чтобы придавать ей вес.

Верю в человеческий гений.

Убежден, что когда-нибудь мы сможем
стать невидимыми и все сможем видеть невидимое.

Главное, чтобы клопы не проползли в сны.

«Выше голову!» — сказал палач, надевая петлю.

Если бы некоторых приняли всерьез,
их бы не выпустили.

Ахиллесова пята тирана, как правило, скрыта в сапоге.

Порою создается впечатление,
что в нас живет кто-то по распоряжению начальства.

Трудно утвердиться мирам,
в Начале которых только Слова, Слова, Слова.

И по тому, как дрожат жители,
можно уяснить, каков фундамент государства.

Вот мастер сюжета!

Так рассказывал мне о моей жизни, что я с ужасом ждал:
вот сейчас он закончит и я перестану существовать.

Грустно, когда позвоночник выпрямляется
только на кресте.

Жизнь одного человека
иногда кончается смертью другого.

У кого широкие горизонты,
тем обычно открываются грустные перспективы.

Где запрещено смеяться, там, как правило, и плакать нельзя.

В будущем мир обойдется без ключей.
Хотелось бы посмотреть на это
хоть сквозь замочную скважину.

Человек, мир перед тобою открыт,
смотри же, не выскочи из него.

Я стою за изъятие частной жизни
из сферы общественного внимания.

Вся жизнь в трудах. Даже глупость надо «сделать».

А может быть, мастерам знаменитой наскальной живописи просто пришлось уйти в подполье — в пещеры?

Не обижайся на часового,
который — когда идешь убивать тирана —
пропускает тебя со снисходительной улыбкой,
приняв за шута.

Бывает, постучал бы себе человек по лбу,
да не знает кода.

Фидеисты * верят в воскресение из мертвых,
атеисты в «come back»**.

Что дает сатирикам право метать громы и молнии?
Царящее бесправие.

Очередность, очередность!
Задолго до того, как задумали искусственно создать человека,
его уже умели искусственно уничтожать.

Не теряйте голову.
Жизнь хочет вас по ней погладить.

Есть мгновения,
когда свобода звенит ключами сторожей.

* Те, кто убежден в превосходстве веры над разумом.

** Вернись (англ.). Команда рефери, возвращающая боксеров на ринг.

Каины поумнели. Ставят печать на чело Авеля.

Дышать там можно было,
только непрерывно крича «ура».

Тот, у кого грязные руки, пусть не бросает перчатку.

Совесть родится порой из собственных угрызений.

Что человека рвут на части рай и ад, это ничего,
хуже, что рай зарится на кусок, который захвачен адом,
а голодный ад довольствуется объедками райской трапезы.

Не поноси человека на незнакомом ему языке.
Это садизм.

Не заостенеть, но и не размякнуть,
оставаться на посту, но не стоять на месте,
быть гибким, но негибаемым,
быть львом или орлом, но не озвереть,
не быть ни односторонним, ни двуличным, —
как всё это трудно.

Мысль бессмертна, при условии,
что ее постоянно тянет родиться заново.

Подсунь свою мечту врагам,
может быть, они погибнут при ее реализации.

Не следует сдвигаться с мертвой точки за счет живых.

Удивительно —
правду провозят контрабандой в страны,
где она ниже котируется. В чем же выгода?

Те, кто перерос эпоху,
часто ходят с опущенной головой.

Бойтесь ботаников, утверждающих,
что древо познания родит корни зла.

«Винить человека за то, что он поступал не по-людски?» —
воскликнул преступник.

Человеческая жизнь коротка.
Пропускная способность мира ограничена.

Есть ли идеалы хотя бы у тех, кто отобрал их у других?

У фальшивой банкноты,
которую повсюду принимают за подлинную,
неизбежно рождается комплекс:
никого не поражает мастерство подделки!

Небесные тела вращаются всё по тем же орбитам,
но всякий раз по другим законам.

Глупость никогда не переходит границ;
куда ступит, там и есть ее территория.

Существуют идеальные ширмы, заслоняющие самих себя.

Беда живым властителям,
которым воздают почести, подобающие мертвым.

Потерял тетрадь с ненапечатанными «мыслями».
Может, когда-нибудь и вспомню их,
но, увы, куда более зрелыми.

Люди — «навоз истории»?
Необходимо и тут как можно скорее
перейти на искусственные удобрения.

Будь экономен,
ограничь все свои сны одной декорацией.

«Не убий» написано было, к сожалению, справа налево *,
в направлении сердца.

Несчастливая земля, тень ото всех нас падает на нее.

Люди — рабы предрассудков,
однако можно их выкупить,
уплатив непосредственно самим рабам.

* То есть на иврите, как и все заповеди Моисея.

И повешенный может качнуться не в ту сторону.

Многим из тех, что вышли к морю только ноги омочи
пришлось стать Колумбами.

Спасательный круг?

Иногда это всего лишь кружочек,
который кто-то чертил пальцем на своем лбу,
указывая при этом на тебя.

Надпись на памятнике подчас звучит
как объявление о розыске.

Еще раз начать всё сначала!
Только как перед этим закончить?

Всегда принимал его за льва,
и только увидав на четвереньках,
понял, что это не так.

Жизненный уровень растет:
кто теперь продаст свое первородство
за чечевичную похлебку?

В развитии искусства была пора,
когда кастрировали даже онанистов,
из опасения, что они оплодотворят атмосферу.

Великим, которые сходят до низов,
надо добавить к их величию отрезок
ниже уровня почвы.

Человек — мера всех вещей.
И как это удобно —
ведь он то исполин, то карлик!

Жертва всегда принимает участие в преступлении.
Негативное.

Жаль, что Авель и Каин не были сиаемскими близнецами.

У него была мания преследования.
Ему всё казалось, что за ним кто-то ходит.
А это был всего лишь сотрудник следственных органов.

Башня в Пизе наклонена под углом зрения туристов.

Из чьих-то стихов, услышанных во сне:
«Жизнь, обратись ко мне хорошей стороной!»

Подумать — сколько Атлантид просматривается
в политических атласах!

Палач обычно выступает под маской. Справедливости.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Захотев увидеть во сне свободу,
он надевает на ночь фригийский колпак.

Из золотого тельца давно уже сделали дойную корову.

Богу — Богово, кесарю — кесарево!
Надо было присутствовать при дележе.

Порой ложь так тесно смыкается с правдой,
что в оставшейся между ними щелке тяжело жить.

Сатирики должны точить свой язык
на философском камне.

Есть великие слова столь пустые,
что в них можно заключить целые народы.

Дон-Кихоты, атакуйте ветряные мельницы
только при попутном ветре.

Будем строить Содомы. Когда их станет тысяча,
у нас будет десять тысяч праведников.

Трудно смотреть сквозь пальцы на тех,
кто прикрывает тебе ими глаза.

Он высоко нес знамя: не хотел его видеть.

Кулак замахнулся, чтобы ударить.
Один палец отпрянул. «Я только указательный!» —
запищал он.

Вот это мученик — висел на кресте не прибитый!

Посыпал голову пеплом своих жертв.

Чего стоит кляп, который можно съесть?

Лжепророки сами воплощают свои пророчества.

Когда деспоты обращаются к террору,
можно спать спокойно. Тут уж будет без обмана.

Кто напал на след мысли,
пусть не дает его обнюхивать псам.

Иногда псы виляют цепью, как хвостом.

Верю в прогресс:
будет изобретена «машина для чтения мыслей»,
еще не пришедших в головы.

Бедный человек!
Говоришь: «После меня потоп».
И дергаешь за цепочку над унитазом.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Максимальным чувством юмора обладают умершие:
они смеются надо всем.

У одного человека на груди
была вытатуирована физиономия жандарма.
Когда человек вздыхал полной грудью,
жандарм скалил клыки.

И в раю, должно быть, начались перемены к лучшему.

Не считаю владельца одной души
«мелким собственником».

Цветы на могиле врага пахнут упоительно.

Порою я перестаю верить в лазурь,
мне начинает казаться, что это пространство,
сплошь покрытое синяками.

Те, кто легко забывает,
легче сдают жизненный экзамен.

Ретушируя картину мира, нельзя не вымазаться.

Страшно, что вечность состоит из отчетных периодов.

И трус пышет ненавистью. Еще как!

Не везде, где дорожает мясо, растёт цена на людей.

Орлы должны оправляться в тучах.

Пигмеи встретили исполинов.

«Мы равны», — заявили они.

«Разумеется», — ответили гиганты.

Труднее всего поджечь ад.

Кто знает, что открыл бы Колумб,
не наткнись он на Америку.

Вовремя учти, кому черт махнул хвостом.

За каждым поворотом ждут новые распутья.

Меньше всего преступлений совершается в тюрьмах.
Заклоченными.

Если бы можно было родиться
только после смерти врагов!

Красота не бесполезна,
она существует хотя бы для того,
чтобы ее ненавидели.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Когда вода подступает к горлу, выше голову!

Кого только не обманывала жизнь?
Даже тех, кого вывела из грязи в князи.

Дьявол должен быть лютым:
он же в Евангелии эпизодический персонаж.

Крестик возле иных фамилий многие принимают за плюс.

Пишет только конъюнктурные произведения: о жизни.

Сатирик, который плюет по ветру,
оплевывает самого себя.

Незнание закона не избавляет от ответственности.
Зато знание — запросто.

Из раны, неумело нанесенной деспоту,
льется море чужой крови.

Сбросил шкуру, а кричал при этом так,
словно ее содрали с него.

Настоящий враг никогда тебя не оставит.

Сатана коварен, он может явиться просто как сатана.

Может ли продолжаться богослужение,
если божество отвратит свой лик?

Общение с карликами деформирует спинной хребет.

Даже когда рот закрыт, вопрос остается открытым.

Это туз! Только в очень грязной руке.

Некоторые так любят пафос,
что согласны читать с подъемом любой текст.

Знаю пожарных,
у которых над постелью висел не святой Флориан *,
а Прометей.

Мне ничего не оставалось как расправить крылья,
ибо меня сбросили с заоблачных высот без парашюта.

Я за отмену смертной казни,
но равно и против смерти в награду.

* Флориан — католический святой, покровитель пожарных.

Думаю, что иудам на их трехгрошовую лепту
предостаточно тридцати сребреников.

Какие-нибудь будущие Дарвины,
может, еще выступят с тезисом, что высокоразвитые существа
(к которым они будут принадлежать) происходят от людей.
Вот будет сенсация!

Я одержал над собой столько побед,
что пресытился собственной непобедимостью.

Кто бы изобрел безграмоту,
позволяющую вступать в контакт с безграмотными?

Со времени создания человека
все усовершенствования в его конструкции
ограничиваются протезами.

О, если бы хоть один Бог призвал:
«Верьте мне!», а не «Веруйте в меня!».

Будь альтруистом — уважай эгоизм других.

Не флиртуй с кухаркой тирана,
можешь отравиться его котлетами.

Страус — прячешь голову в песок часов!

Самые страшные инквизиторы лишены внутреннего огня,
потирают руки только у пылающих костров.

Не встречайте людей с распростертыми объятиями,
не помогайте им вас распять.

Бестактно предлагать профессиональным жонглерам
не играть с огнем.

Помните: и неверие может быть для кого-то священным —
не порочьте его.

Тому, кто хоть раз был монументом,
потом трудно даже позировать.

Нищие духом способны лишь на дешевый оптимизм,
который на самом деле обходится дорого. Другим.

Чудесно жить в джунглях,
где не действует закон джунглей.

Человек одолеет. Человека.

Знай я раньше то, что знаю теперь,
я бы теперь не знал этого.

Те, кто видят сны, проводят бессонные ночи.

Уцелевшая собственная голова —
великолепный трофей победы.

Мир прекрасен! И это, в сущности, так грустно!

Sursum corda! * Но не выше мозга.

Люди становятся все ближе друг к другу,
мир перенаселяется.

И прирученные гиены жрут падаль.

Умственная ограниченность ширится!

Харон часто вынимал из уст умерших слова,
которые были туда вложены.

Быть в пасти льва — это ничего,
страшно разделять его вкусы!

Человек, у которого нет жалости, должен молить о ней.

Здоровайтесь рукопожатием. Возрастет потребление мыла.

* Вознесем сердца! (лат.).

Некоторые предсказывают мне преходящую актуальность.
Думают, что пишу о них.

Когда не над чем смеяться, рождаются сатирики.

Буду писателем региональным,
ограничусь нашей планетой.

Не доверяйте людям. Они способны на великие дела.

Не выношу мизантропов и потому избегаю людей.

Человек не одинок! За ним всё же присматривают.

Человек, не ведающий пощады, должен молить о ней.

Гордитесь многосторонностью человека,
но не выворачивайте его наизнанку.

Порой соглядатай начинает верить, что он провидец.

Пусть рупор не возмущается,
что его оплевывают говорящие в него.

Об этой личности можно сказать: «Persona non gratis»*.

«А все-таки она вертится!» Только в какую сторону?

Дорожные указатели не облегчают крестный путь.

Боюсь ангелов: они добрые,
их легко уговорить стать чертями.

Человек тем еще превосходит машину,
что умеет сам себя продать.

Нет возврата в пещеры. Нас слишком много.

Даже для того, чтобы аплодировать,
надо обладать чувством такта.

Не давайте саперам разряжать человеческие комплексы.

Ужас будущего: болтливые памятники.

Даже созвездия не являются
свободными ассоциациями звезд.

* «Человек не задарма» (лат.).

Подумаем, за что следует карать строже:
за умышленное или за неумышленное зачатие?

Инстинкт самосохранения часто переходит
в импульс самоубийства.

Тех, кто ест из чужой руки, отличает *savoir-vivre* *.

То, что не вызывает сомнения, не одолеет его.

Жаждешь крови? Стань блохой.

На сквозняке истории у людей перекашиваются лица.

Есть мысли, в которых я не признаюсь даже самому себе.
Все вы их знаете.

Человек всю жизнь ест самого себя,
чтобы не стать людоедом.

Доверяйте понятливости людей: им многого не понять.

Разделяет не пропасть, а разница уровней.

Крепнет их капитал. Обрастают нулями.

* Умение себя вести (фр.).

Знаешь ли ты пароль, чтобы войти в себя?

Есть плодородные пески,
где произрастают страусовые головы.

Тот, кто попирает закон, редко стоит крепко на ногах.

Если громко трубят в рог изобилия,
он, должно быть, пуст.

Сатирик убивает себя
притупившимся острием собственной сатиры.

Случается, что правда побеждает,
когда перестает быть ею.

Где взять отваги? Отважные ее не отдадут.

Мне снилось стадо баранов-вожаков.
Каждый несся со своим колокольчиком.
А за ними — ни одной овечки.

«Никогда больше не будет так печь,
как во время готовки», — утешали те,
кого ели, тех, кого готовили.

Мир никогда не простит тех, кто ни в чем не виноват.

Слепцы, мы бредем во мгле,
но иногда все же хочется стукнуть кое-кого
по голове своим белым посохом.

Придавая лицо эпохе, можно потерять свое.

Когда на кровь капнут слезы, как она розовеет!

Самые лучшие стрелки
не должны знать даже калибр голов,
в которые они целятся.

Лира Нерона была камертоном.

Дилетанты убивают мастера в первом же бою.
Эх! Только бы он воскрес!

И как трусы не боятся лежать на кладбищах героев?

Кровь побежденных
часто меняет цвет знамени победителя.

Все кандалы мира — единая цепь.

Если бы хоть со дна все казалось возвышенным!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Кто не уместается в ящике письменного стола,
пусть готовит себе гроб.

Ах, если бы высшим достоинством государства
было человеческое достоинство!

Литературу часто обвиняют в том,
что она облегчает заключенным
бегство от действительности.

И у пилигримов потеют ноги.

И республиками подчас правят голые короли.

Принять лавры — значит выдать размер своей головы.

Всегда можно рассчитывать, что тебя повесят выше.

Искусство было его возлюбленной.
Он его преследовал.

Некоторые национальные трагедии не знают антрактов.

Догматы — гарантия прогресса,
толковать их опасно, приходится разрушать.

Где хранилища мудрости?
Обычно там, где ее схоронили.

Как же малы карлики под увеличительным стеклом!

Осторожно разбавь собственную мудрость
несколькими чужими глупостями.

Где уж сатирику отдохнуть,
если он даже во сне видит горбуна на верблюде?

Незапятнанные, остерегайтесь, вас легко узнать!

Не раз ловил себя на том,
что через лупу ищу себя на глобусе.

«Правды нет», — часто утверждает она сама.
Из осторожности.

Страшен кляп, намазанный медом.

Учти, ты можешь стать выигрышем в чужой лотерее!

Мрак еще рассеется: засветилась труха.

Фемида слепа. А своих слуг она тоже не видит?

Руководствуйся компасом.
Стрелка знает, когда дрожать.

Пункт помешательства знаменосца:
воображает, что он и есть знамя.

Только самые великие
могут позволить противнику поднять голову.

Лицемерный палач ослабляет петлю.

«Мене текел»* — важно, если даже в написании есть ошибка.

Границы интеллекта? Поищи их на карте.

Что исказило им лица? Непомерно весомые слова.

И зло хочет нас только осчастливить.

Его пытали. Искали у него в голове свои мысли.

Люди растут. Трудно им будет укрыться.

* «Мене, текел, фарес» — «сочтено, взвешено, разделено» — по библейскому преданию, грозное предупреждение, появившееся на стене во время пира вавилонского царя Валтасара.

По накипи видать, что заварилось.

Говорят: «Это мертво!» И убивают это.

Контингенты счастья уже есть,
не хватает пока только бланков.

Сколько бессмертия смонтировано из чужих жизней!

Ошибайся коллективно!

Воспевающим большие чувства не всегда удается
вместить их в собственную грудь.

Держи руку на пульсе времени,
чтобы в любой момент схватить его за лапу.

Тень сильных мира сего не ложится на них.

Верю в реинкарнации идеологии.

Даже самый плоский человек,
к сожалению, существует в трех измерениях.

Только спектакль покажет,
что может сделать из идеи режиссура.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Приелось нам чужое недоедание.

Направления в искусстве не любят направляющих.

Поет в хоре, но только сольные партии.

У него Пегасик-качалка.

Видел сцену: в пробирке кипела кровь.
Один из ассистентов, стоя сбоку,
старательно записывал фамилию пациента.

У нас достаточно беспокоятся
о творческом беспокойстве артистов.

Изучают глубину, кидая в нее камни.

Провоцировать следует интеллект, а не интеллектуалов

Совершенство недостижимо?
А между тем есть люди, которые разрушают его.

Новинка: намордник-невидимка.

Иногда надо своему молчанию вторить на лире.

И враг ударяет по надлежащей струне.
Чтобы лопнула.

В «Неделю покровительства животных»
не потакай зверю в человеке.

Тот, кто мог бы доказать свое происхождение от Спартака,
скорее всего, прославился бы сегодня не как лидер левых,
а как украшение римской аристократии.

Подлинные новаторы!
Их лепет ничем не напоминает лепета,
который мы слышали в прежние годы.

Заметьте, не только опечатка может превратить
«рационализм» в «национализм».

Просто не хочется верить,
что ложь существовала до книгопечатания.

И антисемита можно узнать по носу. Он вынюхивает.

На какой химический состав гражданина
может пойти государство?

Шовинизм такой плоский, что пролезает всюду.

Господствует безвкусица,
поскольку мы все пожираем друг друга.

Не отдавай чести тем, кто ее у тебя отнял.

Время кинологов!

Каждый режим в конце концов становится *ancien regime* *.

Распространение незнания о мире
также следует научно разработать.

Из чего ты произошел — зависит от генетики,
чем станешь — от политики.

Меняется категорический императив.
Прежде восклицательный знак напоминал дубинку,
а теперь — ракету.

Когда людоедам хочется почувствовать вкус науки,
они отрубают ученым языки.

Кто-то спросил меня, глядя на Икса:
«Как правильнее сказать:
«стукач» или «доносчик»?»

* Старым режимом (фр.).

Давайте бороться за эстетику интерьера наших внутренностей!

Есть произведения,
которые зачинают только на прокрустовом ложе.

«Почему так мало орлов?»
Судьба играет человеком —
то и дело ему выпадает решка.

У интеллигентного автора даже невежды образованные.

Мироустройство меняется, больше я за него не ручаюсь.

Человеческую жизнь позволительно продлить,
только если знать, как сократить страдания.

Те, что боятся голой правды, сдирают с нее шкуру.

Гуманизм переживет род людской.

Кто знает, сколько опечатанных ценностей
скрывается под этикеткой «Ящик Пандоры»?

Люди размышляют: проделываю ли я
свои акробатические трюки с сеткой или без нее?
С сеткой, с сеткой, только под нею совсем не видно земли.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

В нашу эпоху массы должны быть моторизованы,
чтобы у них были тормоза.

Ни один «Египетский сонник» не разъяснит мне,
что предвещает сон о свободе.

Оппозиционер. Произносил тосты,
держа бокал в кулаке.

Верю; что рожденного под несчастливой звездой
смогут — с развитием прогресса — сослать на нее.

Когда нет евреев,
берегитесь, козлы отпущения: у вас бородки.

Кентавр нашел подкову
и прибил ее на пороге своего дома.
«Сноб!» — сказал другой кентавр,
рассуждавший более по-лошадиному.

Человек — единое целое,
если только ближние не решат иначе.

Решился на самоубийство, ждет только потопа.

Не верьте им, это Одиссеи с компасами!

Как редко человек бывает равен самому себе!

Каково назначение человека? Быть им.

Когда он ударил противника мечом в грудь,
его пленил звон доспехов. И это его погубило.
Так гибнут романтики.

Остерегайся подёнок, они ограничены во времени.

И переплывая Стикс, люди боятся утонуть.

Плыл по течению. Но кролем. Пряча лицо.

«Миру грозит голод,
слишком поспешно крестили людоедов», —
заметил сатана.

Когда Бастилии обращаются в прах,
не восстать ли из праха тебе, человек?

Не теряйте надежды, однажды звери окажутся людьми.
И не понесут ответственности за зверства.

На пути добродетели небезопасно.
Служба пути делает вид,
что не замечает двухстороннего движения.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Из проблем права:
до какого количества трупов допустимо ошибаться?

Не будь предостерегающим плакатом,
пока тебя не прижмут к стене.

Бросил последнюю карту.
Вот теперь он опасен — у него свободны руки.

О, обнаженные люди,
кто же из вас пойдет исполнять стриптиз?

На картах исчезли белые пятна, выступили кровавые.

А может быть, Вифлеему место
поблизости от Содома и Гоморры?

Сколько найдется желающих гнуть шею,
лишь бы им позволили созерцать собственный пуп.

В знак траура флаги спускают до половины древка.
В минуты радостного возбуждения они,
бывает, падают ниже.

В иные времена люди, даже разговаривая во сне, врут

Антеи, остерегайтесь трясины!

Некоторые устанавливают бомбы с часовым механизмом
забывая, что время в разных частях света разное.

И умершие молчат до времени, —
которое за них выскажется.

Сколько в том краю человеческих руин!
Какое развлечение для туристов!

Неизменный аргумент пигмеев:
«Мы ближе всех к земле!»

Темно в том княжестве, где его светлость — подлец.

Что мне «Путеводитель по аду»!
Там ведь преисподняя выглядит раем.

Прежде люди были ближе друг к другу:
заставляла необходимость —
оружие-то было только ближнего боя.

«Это ничтожные негодяи!» —
клеймил он своих противников.
«Твое счастье, — отрезал я. — Возьмешь власть,
и они будут на твоей стороне».

Земля — точка под знаком вопроса!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Ах, дожить бы до такого отсчета времени:
Anno homini...*

Сколько масок надо надеть,
чтобы не ощутить пощечины?

Жрецы, поедавшие дары, принесенные их богам,
не помнили при этом,
что придется испить за богов и всю чашу.

Сколько флюгеров крутится на шпилях храмов чужой веры!

Истинный эксгибиционизм состоит
в показывании того, чего нет.

Должен же нож гильотины затупиться на чьей-то голове!

Не удивляйся, что над его головой собирались все тучи
и грома небесные били в него со всех сторон, —
просто у него были слишком широкие горизонты.

«Не люблю минут свободы, —
признавался многоопытный раб. —
Спадают связывающие нас цепи,
и остаешься один как перст».

* То есть от «рождества человека», а не от «Рождества Христова».

Преступление много раз осуждено.
За то, что плохо выполнено.

Ненавидящие меня думают,
что я выкладываю им правду.
Глупцы, я скрываю ее от них,
не желая, чтобы она их исцелила.

Когда у них вынимают изо рта кляп,
они немеют от восторга.

«Переносите всё со стоическим спокойствием!» —
советуют чаще всего — удивительное дело! — циники.

И взыскательность сатиры возрастает:
хочется изобличать всё более благородных головорезов.

Горе тем, кого коснется табу!

Собрались годы. «Создадим эпоху, а?»

Это не кто-нибудь. Это *абевегедееже* и т. д., до самого *эюя*.

Легковерные — что за грозная секта!

Иногда само алиби и есть преступление.

Мысль никогда не бывает свободна,
она ограничена кругозором думающего.

«У этого человека, вероятно, был протез, —
сказал Ватсон Шерлоку Холмсу. —
Руки он бы Иксу не подал».

Подумать — под сколько тостов выпивают
полный бокал горечи!

А может быть, только в мире, не знающем гравитации,
падение на дно будет достойно презрения?

«Земля уходит из-под ног!» — крикнул он.
«Нам она нужна для кашпо», —
учтиво ответили ему те,
кто держал в руках луковицы лилий.

Всё в мире не более чем мгновение ока.
Ироническое.

Стыдно громам глохнуть в громоотводах.

Что же тут чудесного?
Люди, почитаемые как боги,
действительно со временем утрачивают
человеческие черты.

Мне часто представляется, что мир —
это только кулисы, но я боюсь,
что из-за них вот-вот выйдут толпы новых статистов.

Снабди тряпку палкой, и многие скажут,
что это знамя.

Бывает, что начальническое кресло
силой протискивается под чей-нибудь зад.

«Мы были людьми», — фрагмент из Бориса Пастернака,
вызывающий в моей памяти образы множества людей,
на чьи лбы это можно приклеить.

Мое скромное опасение:
боюсь, как бы у человека, завоевывающего новые звезды,
не ушла земля из-под ног.

Каждому стаду — свою паршивую овцу!

Встречай насилие с поднятой головой,
чтобы тебе не выжгли на лбу Каинову печать.

Люди, нас слишком много —
боюсь, как бы нас не стало меньше.

Не один кормчий окружает себя нулями —
они напоминают спасательные круги.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Не мечись перед убегающим врагом —
он может подумать, что ты его передразниваешь.

Часто, чтобы увидеть профиль эпохи,
надо отойти в сторону.

Вся надежда на то, что кроме закона джунглей
есть еще и их беззаконие.

Есть точки, которыми заканчивается не фраза,
а разговор.

Построил карточный домик?
Из крапленых карт. Надеется, что так прочнее.

Причуды перспективы.
Человек заслонил от меня весь мир.

Как хотелось бы многим покинуть самих себя
в минуту опасности!

Как они смеют распинать на кресте тех,
кого не будут чтить?

Некоторые обретают равновесие,
когда перевешивает их чаша весов.

У него и всего-то несчастных пять терний в венце,
а ведь уже ищет себя в «Almanach de Golgotha»*.

Был неуступчив. Домогался компромисса у самого себя.

Собачий хвост не может противиться
изменчивым ветрам. Виляет.

А что, если и над солнцем нет ничего нового?

Хочешь заглушить голос своего сердца?
Сорви аплодисменты толпы.

Не показывай зубов, когда ими стучишь.

А может, аргонавты подразумевали
под золотым руном золотого тельца?

Во дворцах властителей висят таблички:
«Писать на стенах *мене, текел, фарес*** запрещается!»

Смотри, чтобы из неопалимой купины
не говорили чревовещатели.

* «Альманах Голгофы» (фр.) — ассоциация с «Almanach de Gotia», или «Готским Альманахом».

** См. сноску на стр. 395.

Труднее всего развязать гордиев узел,
когда там торчит собственная голова.

Им уже не дойти вовремя до цели.
Она осталась слишком далеко позади.

Карьера человека во вселенной заставляет задуматься:
уж не пользуется ли он чьей-нибудь протекцией?

Настоящее знамя не поблекнет,
даже если его долго поносят.

Роды — болезненный процесс,
в особенности если человек рождает себя сам,
да еще в зрелые годы.

Иногда мне представляется,
что существование не более чем всеобщая галлюцинация.

И погасшие вулканы еще пышут. Завистью.

Великие Дон-Кихоты сознательно сражаются
с ветряными мельницами,
чтобы они не перемалывали горизонты.

Будьте самоучками.
Не ждите, пока вас научит жизнь.

Смотрю на оставшихся еще в природе обезьян.
«Вам уже не стать людьми. Все сроки вышли».

Кустарный промысел доживает последние дни.
Даже у преступников.

«Я слышал, что мир прекрасен», — сказал слепой.
«Похоже, что так», — ответил зрячий.

Рассвет часто обрывает прекраснейшие сны о нем.

Давайте играть открытыми картами.
То-то будет азарт!

А служебные собаки идут только по легальному следу?

Записал собственную мысль: «Не убий!»
Хорошо или плохо, но только через минуту я сообразил:
да ведь это же плагиат?

Отгоняй и подчиненных дьявола заклятием:
«Изыди, сатана!» Это им польстит, и они послушаются.

Сочетание демографического пика
с интеллектуальным болотом
создает страшный ландшафт.

Le roi soleil * говорил: «L' 'etat c'est Moi!»**
А какой же глава государства провозгласил:
«Le soleil c'est moi!»***?

На плакате «Учитесь плавать»
я еще ребенком дописал мелом:
«Зачем? Panta rhei! ****»

Не штука вызывать духов,
когда тело им не препятствует.

У тебя нет надежды? Вывеси карточку:
«Lasciate ogni speranza»*****.

Всё принимал только за фальшивую монету,
она котировалась выше всякой другой!

Умное табу делает вид, что его ничто не касается.

Вижу всё в черном цвете?
Нет, я только смотрю сквозь закопченное стекло,
чтобы увидеть солнце во время затмения.

* Король Солнце (*фр.*). Так называли короля Франции Людовика XIV.

** Государство — это я (*фр.*).

*** Солнце — это я (*фр.*).

**** См. сноску на с. 152.

***** «Оставь надежду всяк...» (*ит.*). Строка из «Ада» Данте.

Иди своими путями даже по чужим раям.

У вас золотое сердце!
Продавайте его как можно дороже.

Возвращаясь от я к началу алфавита,
застаем там другие буквы

Никогда не смотрели друг другу в глаза.
Шли, устремив взгляд к общей цели.

Среди пляшущих вокруг Золотого Тельца
видели и мясников.

Мертворожденное долго не может умереть.

Что ж слова — они всего лишь
заполняют пробелы между цифрами.

Выкорчевывайте корни зла,
они зачастую питательны и вкусны.

Палач не хотел после казни мыть руки.
«Не Пилат же я, в самом деле!» —
возмущенно кричал он.

Труднее всего плыть против течения собственной крови.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Победитель, разрушай города и крепости,
но всегда оставляй лазейку. Для себя.

Снился мне Фрейд. Что бы это значило?

Некоторые дуют во что-нибудь до последнего дыхания.

Не одна триумфальная арка впоследствии
превратилась в ярмо для народа...

Плыви за акулой — попадешь к людям.

Тираны держат человека в заключении
даже внутри его самого.

Поздно стучать кулаком по столу,
когда ты сам уже только блюдо.

А может, в пекле
температура человеческих сердец
и впрямь выше?

Пример инсценирования процессов:
виновные сидят за кулисами.

В стране лилипутов разрешается
смотреть на главу государства
только через увеличительное стекло.

Когда *hoto* вошел в пещеру,
это был прогрессивный акт,
когда он вышел из нее — тоже.

Когда потерпевший кораблекрушение
вынужден спасаться,
он вправе вторично открыть Америку.

Прикладывает ухо к чужим дверям?
Приходится. Он глух к голосу совести.

Часто функцию динамита,
заложенного в фундамент,
выполняет замурованный туда акт
о торжественной закладке здания.

Полицейские государства населены
не одними полицейскими.

Остается мало времени.
Нам постоянно грозит вечность.

Этот народ жил одной мыслью,
и если ее поделить на число жителей,
то на долю каждого придется совсем немного.

Из оптики: издали все выглядит крупнее.

Зверь скалит клыки? Fair play! *

Сколько костров зажжено пылом приговоренных!

Рентабельно ли производство людей?
Кто знает, каков будет процент продажных?

Жаль, что только у пролитой крови есть голос.
Вопиет о мести.

Платим жизнью или смертью — равная валюта.

Великих мужей рождают не матери, а Плутархи.

Не удлиняйте жизнь летаргией.

Поджаривали его на медленном огне,
чтобы ему легче было таскать для них каштаны.

Чудес не бывает,
но должны же они когда-нибудь случиться!

История — собрание фактов,
которых не должно было быть.

* Честная игра (англ.). Принятый в спорте термин.

Иди навстречу ближнему, не дай ему зайти с тылу.

Смазывайте орудия пытки!
Пусть не заглушают человеческий крик.

Заботься о чистоте алтарей.
Неведомо, на который из них тебя возложат.

Нам не дано было родиться под счастливой звездой.
Мы родились на ней.

Знаю людей, которые возбуждаются эротически,
чтобы перебродить политически. И наоборот.

Петь для глухих? С удовольствием.
Только надо быть уверенным в каждом из них.

И те, кто чистит деспотам сапоги, добавляют им блеску.

Я перестал быть скептиком —
уверовал в существование имманентного зла.

«Всё-то мы вертимся вокруг человека», —
сказало колесо пыток.

Написал: «Поголовье скота растет».
Оптимист? Пессимист?

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

До всего лишь два шага: один — вперед,
другой — назад.

«И рассвет отбрасывает тень!» — съязвил закат.
«Да, но в другую сторону», — пояснил рассвет.

Душа, верно, только потому бессмертна,
что невидима.

Тем, кто держал руки на пульсе, тираны их отрубали.

Страху ведомо, почему он любит гнездиться
в человеческом позвоночнике.

Подлизы верны.
Они готовы слизывать твою кровь с лап палача.

Люди и до ада доберутся.
Освоят там богатейшие залежи серы.

Обоюдоострое оружие ненадежно,
может оказаться тупым с обеих сторон.

Называют себя потомками Каина,
чтобы оправдаться дурной наследственностью.

Есть и такие, которым ни к чему ночь:
тьма исходит от них самих.

Тот, кто судорожно цепляется за жизнь,
может погибнуть вместе с нею.

Тот, кто висел над пропастью,
должен уметь раскачиваться.

Фикции тоже действительность,
ведь мы за них расплачиваемся.

Люди растут. И уже не умещаются в сердце.

Окаменел — и думает, что он уже памятник.

Новые ветры должны взметать юбки выше.

Продавался обеим сторонам.
Говорил — «для душевного равновесия».

Вопрос только в том, чем кончается вселенная:
живой изгородью или колючей проволокой?

Спрашиваешь, почему люди бегут с корабля,
который не тонет?
Они смекнули, куда он их везет.

Брешь по выбытии человека может быть совсем маленькая,
ну, скажем, калибра 7 мм.

Надо время от времени менять меч,
под который кладут голову.

«Вертелись под ногами», — сказал Террор о тех,
кого растоптал.

Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить,
что в комплект входят еще узда и кнут.

Не всегда можно по указующему персту определить,
в чьих ты руках.

Всё слагается в историю, и всё в ней разлагается.

Я полон оптимизма.

Человечество преодолело законы морали,
почему бы ему не преодолеть законы физики?

Как трудно порой извлекать трупы
из-под курганов манны!

Сатирик умирает, иронически щурясь.

Тебя продадут все равно,
ты только набивай себе цену.

Деньги не пахнут, но улетучиваются.

У свободы должны быть с в о и границы.

Вести диалог с миром? Только без подслушивания!

Видел марионеток,
у которых вместо бечевки были цепи.

Это был отличный дегустатор,
он отличал вина, которые пьют во здравие,
от тех, что пьют за упокой.

У рабства есть свои хорошие стороны.
Тиран не может утверждать,
что он повелитель свободных.

Как свежи краски тех, что были в тени!

Не перипатетик * ли я?
Это зависит от того, в какую сторону иду.

Учти, бесстыдники могут подрумяниться
твоею кровью.

— Кровь текуча, — сказал он. —
— Почему же ее нельзя пролить?

* Перипатэтики (от *греч.*, «прогуливаться, прохаживаться») — ученики философской школы Аристотеля. Название школы возникло из-за привычки Аристотеля прогуливаться с учениками во время чтения лекций.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

В себя не стреляют холостыми патронами.

Нетрудно стрелять в цель, когда она есть.

Опьянение победой
подчас переходит в алкоголизм.

Не скрещивай шпагу с тем, у кого ее нет.

Не давай сердцам сжиматься в кулак!

Воробей в клетке для орлов свободен.

Там, где играют на тебе, не жди конца песни.

Тюремное заключение не изолирует от истории.

Хвалился: «Шагаю с ними к цели,
но под другой марш».

Не протирай глаза,
а то небесная лазурь нальется кровью.

Не надламывайся, тебя выпрямят!

Палачи роднятся с палачами.
Скажете, дегенерация? Возможно.

Есть баррикады, по одну сторону которых пусто.

Когда проявляешь воспоминания,
не перепутай негативы.

Утонченный тореадор готовит для каждого быка
мулету другого цвета.

Я просвечу насквозь любые подлости,
лишь бы добродетели остались непрозрачны.

Будь всегда на первой линии,
как можно дальше от собственных тыловых крыс.

Прежде чем стиснуть зубы, показывайте язык.

Я изменчив —
смогу ненавидеть последующего тирана так же,
как предыдущего.

Ровнее шаг! Особенно на поворотах.

Вы спрашиваете, кто называет меня циником?
Циники. Хотят, чтобы их было больше.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Третья сторона медали?
Грудь, на которой она висит.

Жаль, что счастье не валяется на дороге к нему.

А не представляем ли мы себе человека
слишком антропоморфично?

Кроты сказали: «Люди темные, им нужен свет».

Вьюнок не эгоистичен,
он карабкается вверх не в одиночестве.

Всегда волнуясь за святых:
того и гляди растащат их на реликвии.

С мулами будь начеку: когда им надо,
они требуют конской упряжи,
а в другой раз не прочь выказать
ослиное упрямство.

Когда у власти хамелеон,
приближенные то и дело меняют цвет.

Не один вырыл себе могилу в поисках родников.

В руке человека и весы дрожат.

Лояльные — не слышат звона золота,
пока на нем нет пробы.

Все определит договор... К сожалению, не с нами.

Коварные! Вступают в союз с дьяволом,
чтобы их не пускали в ад.

Политики, поинтересуйтесь у гастрологов,
что обыватель еще может переварить.

Надлежит со всеми обращаться как с людьми!
Равно жестоко?

Ответственность любит комфорт,
она охотно лежит на неприкосновенных.

Толстокожих раздражают тончайшие аллюзии.

Остерегайся и самого себя,
ты же лояльный гражданин государства!

От жара душевного остается либо пепел,
либо деяние.

Человек любит смеяться. Над другими.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Я опасаясь симпатий мазохистов.
Им доставляет удовольствие, когда мне больно.

Мир стоит на голове — поэта!

Как трудно скрыть то, что ты не существуешь!

Сколько последних слов бьются за первенство!

Человек — пешка на шахматной доске,
где для него нет полей.

Те, что горели напрасно,
посыпают себе головы пеплом.

Все хотят добра. Не отдавайте его.

Только примитивный каннибал
не оценит в своем жарком корень зла,
придающий вкусу блюду.

Мир всегда возвращается к норме.
Важно, к чьей.

А может, Земля — звездочка в сноске,
которую мы проглядели?

Тех, кто втерся в сердце деспота,
убивает его последний удар.

Не один из тех, кто выпустил руль из рук,
мог бы хлопнуть себя по лбу.

Не доверяй сердцу, оно жаждет твоей крови.

У человека уже есть крылья, а он всё еще не ангел.

Как растут карлики? Вширь.

Ошибаются те, кто полагает,
что не знающие азбуки
не способны на любые подлости от А до Я.

Мир возник, должно быть, из страха перед пустотой.

Человек, к сожалению,
часто оказывается во главе того,
что у него уже позади.

Страшно, если все сведется к тому,
чего мы не хотим принять к сведению.

То, в чем нету искры, выгорит дотла.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Плюнуть на тряпку? Утрется сама.

От слова к слову человек иногда идет всю жизнь.

Тому, кто захочет наглядно показать деспотам, что белое, а что черное, они тотчас же покажут, что у него самого красное.

Кому язык послушен, тот часто молчит.

«Не противься злу», жаждущему собственной гибели.

Вижу его насквозь, знаю, кто за ним стоит.

Тому, кого колесуют, все равно,
в какую сторону крутится колесо.

Обычно то, что в нас сгорело, нас же еще и чернит.

Труднее всего стереть точку, поставленную над *i*.

«Не руби сук, на котором сидишь».

Жаль, что этого присловья не знали дарвиновские обезьяны.

Многие не жили своей жизнью,
стараясь отделаться чужой смертью.

Делать из людей тряпки?

Я за другое использование человеческого сырья.

И черти знают уже о социализации общества,
и они не желают больше заключать договоров
с частными лицами.

Не годится *верить* в человека,
лучше быть в нем уверенным.

Как помогает слепота попасть в цель!

Стройте мосты от человека к человеку.
Разводные, конечно.

Вечность? Единица времени.

Снизил высоту полета и очутился на Парнасе.

Не смотрите внутренним взором сквозь замочную скважину!

«Мир принадлежит *Тебе!*» — крикнул я одному юноше.
«Что ж из этого, — ответил парень. —
Продать-то его нельзя!»

Не прячь голову в песок,
не лишай могильщиков работы.

Кулачное право в то же время и право кукишное.

«Messieurs, faites vos jeux!»* Земной шарик катится.

«Пожил разок как в сказке!» — сказало Страшилище,
о котором в ней рассказывается.

Посмотри на себя у истока, затем в устье,
и ты узнаешь, в ту ли сторону плыл.

Чтобы на всё закрывать глаза, надо иметь сто глаз.

Великим лунатикам не нужно луны.

Не дай сбить себя с пути
даже идущим в ту же сторону.

Человек, как улитка,
добирается до себя круглым путем.

Когда короли голые,
и лакеи проворно сбрасывают ливреи.

Не татуируйтесь так, чтобы с вас сдирали кожу.

* «Господа, делайте вашу игру!» (фр.). Слова крупье, обращенные к игрокам в рулетку.

С тех пор как человек принял вертикальное положение,
у него удлинилась тень.

Не преследуйте копрофагов *,
но и не ходите к ним в гости.

И для гардероба души есть свои журналы мод.

Не все, что колеблется, может быть колыбелью.

Есть знаки небесные и земные,
учись различать их государственную принадлежность.

Говоришь, он меня высоко ценит?
Знаю, он потребовал бы больше 30 сребреников.

Танцуешь на проволоке, и тебя охватывает страх.
Ведь неизвестно, в чью сетку можешь свалиться.

Эпохи создает археология.

Для прыжка в пропасть трамплин не нужен.

Многие вещи надо доводить до абсурда,
пусть узнают своего родителя.

* Копрофаг — поедающий навоз (от жука-навозника).

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Бастилии рушатся, но после них остаются двери,
запертые на четыре оборота ключа.

Те, что прозрели,
подчас вынуждены прикидываться слепыми.

Предвижу возрождение астрологии,
как только звезды будут заселены.

То, что уже и так разлагается,
предполагает (и небезосновательно) всякий анализ излишним.

Не забудь покрасить свои видения и со стороны,
обращенной к ближним.

Не панцирь защищает наше тело, а костюм.

Тени? Источник оптимизма.
Доказательство того, что вокруг светло.

Интриги пьес драматурга Z разыгрываются за кулисами.

Ах, эти Офелии, собравшиеся в монастырь
по собственной инициативе!

Прямо по Павлову: после каждого звонка
у публики вновь появляется аппетит на зрелища.

Даже под себя нужно уметь загримироваться.

Создать персонаж и оставить его на произвол судьбы!
Это под силу только большому мастеру.

Драма нашего времени приносит —
как, собственно, и должно быть —
известный процент ее создателям.

История сама учит, как ее фальсифицировать.

Мысль, изменяя головы, принимает их форму.

Общественное мнение должно быть встревожено
своим отсутствием.

Непреходящие ценности не подвержены колебаниям.
Они вне котировок.

Запрягшийся в собственную колесницу,
эй, полегче на поворотах!
Везешь ведь себя.

Не высовывай носа за очерченный профиль!

Трудно аплодировать тем, кто связал нам руки.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Может ли искусство быть исключительно вымыслом,
когда вокруг все и так недвусмысленно?

Требуете от меня грома?

А я не в состоянии высечь его из ваших голов.

Предъяви свое нутро, но не обнажайся!

Не нужны слова?

А между чем прикажете искать скрытый смысл?

Порой оно вонзается в человека —
как заноза с древа познания.

Некоторые ненавидят искусство.

А это шаг вперед: значит, они уже распознают его.

И красноречие прибегает к чревовещанию.

Фантазии нельзя быть ложью.

Публика пала к ногам артиста —
с тех пор он застыл на месте.

Есть немало чревовещателей, вещающих от имени чужих чрев.

Омерзительные сны снятся ветеранам на пуховых постелях.

Тренируйтесь!

А для начала одолейте высоты алфавита!

Не иди по следам великих — утонешь! В них.

Не требуйте от того, кто с кляпом во рту,
чтобы он вам еще и доложил об этом.

Есть такой сорт гениев,
определить которых способны только гении.

Во сне у меня свой набор любимых авторов.
Наяву, однако, их не существует.

А может, слово говорит слову больше, чем человеку?

Истинный трагик дозирует слезы пипеткой.

Искусство ангажировано? Кем же?

Критик должен быть целиком
либо в зрительном зале, либо на сцене,
иначе занавес рухнет на него как гильотина.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Искусство требует от художника не таланта,
а результата.

Будем время от времени исследовать казематы крепостей,
охраняющих идеал.

Если бы нам было дано,
то мы услышали бы в душах ветеранов команду:
«Кру-гом! Назад к победам шагом марш!»

Внимательней! Массовый потребитель
может и впрямь употребить искусство.

Если крик свободы требует грамматической ошибки,
сделай ее!

Один хватает за сердце, другой — за морду.

Догматикам не нужен человек. Даже в них самих.

Прикасайся к гению с соответствующего бока.

Глубина и высокий уровень — это две большие разницы.

Психическая гигиена? При такой стерилизации душ!

И для присмотра за мыслями прибегают к услугам евнухов.

Цените мою голову: если погибнете, то с ее мыслями!

Все ли приемы дозволены, чтобы хватать за сердце?

На дорожном указателе:
«До цели — столько-то ложных шагов».

Неужели фундаменты государств
должны закладываться в подполье?

Пишущие автобиографии, собственно говоря,
используют чужую фабулу.

Человеческая жизнь все больше сокращается,
уступая место комментарию на ее тему.

С какой же поры длится бронзовый век?

Они обе руки приложили к преступлению —
аплодировали ему.

Некоторым к лицу быть без лица.

Громом среди ясного неба
должна быть смерть оптимиста.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

В начале пути к совершенству
он споткнулся о свой ошеломительный успех.

Публика зевала, оскалив клыки.

Политика: скачки троянских коней.

Находятся такие, для которых всякая глубина
отдает подпольем.

Слова в блеске славы изменяют законы пропорции.

Стиснули голову наброшенным на нее нимбом.

Кому ведомо, сколько Господь испробовал слов,
прежде чем нашел то, которое сотворило мир.

Сколько же человеческой тоски вмещает этот микрокосм!

Достаточно за всю жизнь выучить один монолог,
но каждый раз делать акцент на другом слове.

Давайте действительно имитировать ее подобие!

Не дайте навязать себе свободу слова
прежде свободы мысли!

Не каждому творению под силу сотворить автора.

Вот это гений!

Будучи таким графоманом, пишет такие вещи!

Не садизм ли — создание шедевров!

Трагедия dell'arte — о, с ней поосторожней!

Давайте трепетать перед словом от волнения —
не от страха!

Вырвешь кое у кого из рук перо,
а он может схватиться за дубину.

Что на самом деле трагедия, а что комедия,
становится ясно со временем.

Искусство дает яркие восходы там, где было искалечено.

Отсутствие в пьесе идеи не освобождает зрителя
от обязанности покинуть зал.

Кому подвластна семантика,
тот имеет право всё назвать своим.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Даже словари не следует толковать дословно!

Если бы бумага могла все стерпеть,
она бы ждала шедевров.

Даже у языка страха есть свои диалекты.

Неужели последний вздох
и есть главный смысл жизни?

Рассуждать о сомнительности существования
человеческого гения
имеет право только гениальное произведение.

Каждое слово — мысль.
Чего не скажешь о каждой фразе.

Не дайте истлеть углям,
все время подбрасывайте в топку новых еретиков.

Некоторые готовы предпочесть какой-нибудь Темногорск,
где оценят их тусклое свечение.

На пути к славе сохраняй инкогнито.

Даже в немоте бери самый высокий тон!

В мрачные времена уйти в тень — проблема.

Между словом и словом посредник сам человек.

Иные тратят столько воздуха на дутье в фанфары,
что его не хватает другим.

Можно только радоваться его успехам:
каждый оплачен солидной компрометацией.

Большинству из нас снятся сны,
не раз бывшие в употреблении.

Свою глухоту эхо должно компенсировать фантазией.

На каждую мелодию сочини свои слова,
на каждые слова — свою мелодию.
Но петь это должен не ты.

Состарившись,
моя ненависть превратилась в презрение.

Рационализация: фирмам одновременно исполняет
роль дымовой завесы.

Есть произведения, не поддающиеся оценке,
но гонящиеся за лаврами.

Руины — это мнемотехнические * знаки истории.

Все зависит от фантазии логиков.

Выдери у скверного романа подкладку
и увидишь пот автора.

Велик диапазон лиризма — от садизма до мазохизма.

«Прости им, ибо они не ведают, что говорят»
(об актерах).

Иные сходят со сцены, когда у них кончаются слова,
написанные другими.

Беда, когда суфлер мнит себя актером.

Всем, вышедшим из слова,
необходимо срочно в него вернуться!

А может, только ремаркам суждено отразить
драму человечества?

Поэты — это Антеи, касающиеся земли
ахиллесовой пятой.

* Мнемотехника — набор приемов для облегчения запоминания.

Великим трагедиям нужна кровь, а не слезы.

Сегодняшний Гамлет: быть — не будучи,
или: будучи — не быть?

А может, именно в этот момент возникают миры,
созвучные эстетическим идеалам современников?
Но когда они будут открыты,
их эстетика уже устареет.

Ах, эта недооценка атавизма в пользу традиции!

Вдохновенный творец —
это плагиатор собственных фантазий.

Икс считает меня гением.
Третьего дня я сказал ему: «Мы два гения...»,
и он с уверенностью кивнул.

Когда я утрачу остроумие,
меня провозгласят философом.

И у наших произведений есть комплексы.
Прежде всего — комплекс отцовства.

Сколько же людей, сходя со сцены,
забывают разгримироваться!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Некий писатель не видит дальше своего пупка,
и это ничего — лишь бы он смог
загипнотизировать его на творчество.

Возможно, есть гении,
чьи мысли непереводимы для других.

Не провидец ли!
В перенаселенном мире увидел пустоту.

Насколько меньше происходило бы в мире событий,
если бы не существовало слов.

Сбрасывающие с пьедесталов, будьте внимательней!
Судьба — контрабандистка:
под бронзой может оказаться чистое золото.

А не построить ли на Парнасе пансионаты для тех,
кто не может оттуда сойти?

Иногда нужны суфлеры, чтобы подсказывать,
что не следует говорить.

Оригинал! Крадет у графоманов.

«Насилие аргументов» и «аргументы насилия» —
два разных стиля.

Искусство? Это мина замедленного действия.
В музыкальной шкатулке.

Порой, только когда сходишь со сцены,
догадываешься, что за роль ты сыграл.

Сколь чисты замыслы автора,
могли бы поведать его черновики.

Разнообразь свой репертуар. За счет самого себя.

Куда движется жизнь?
Туда, куда движешься ты сам.

Будь внимателен! Выйдя из собственных снов,
ты можешь оказаться в чужих.

И по пустующим виселицам сумей определить,
что нынче висит в воздухе.

А может, пора набрать маршевые роты перипатетиков *?

И бронза годится на металлолом.

* См. сноску на с. 422.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Ну не странный ли этот Антей —
обретает силу, достигнув дна!

Не обещайте себе слишком много после конца света!

Может, не мир следует потрясти, а человека?

Упадок — не способ достичь глубины.

Мысль должна быть глубже,
чем способна дотянуться до нее рука власти.

Даже настраивая струну на нужный тон,
можно ее перетянуть.

Не допусти, чтобы извилины твоего мозга
кто-то обвил вокруг пальца!

Чем чище жертвы, тем грязнее руки убийц.

Кнут плевать хотел на битого.

Даешь синтетические антитезы!

Преступления тоже рождаются в крови.
Как человек.

Искусство не может пасть ниже, чем на колени.

Шарлатан! Придает собственной кровью
румянец своим произведениям.

Убийца возвращается на место преступления.
Особенно — не совершённого.

В искусстве порядок слов
не назовешь демократичным.

Изнасиловать логику под силу тому, кто ею овладел.

Обозревать мир ничего не стоит.
Платишь только за комментарии.

Sumus, sed non possumus!*

Ройте своим эпигонам волчьи ямы,
пусть они проваливаются в ваши глубины.

Тех, у кого плоскостопие,
можно определить и тогда,
когда они на котурнах!

* Мы есть, но у нас нет! (лат.).

Отражайтесь в источниках смеха!

Сквозь ореол в голову иногда ничего не проникает.

Сердце ему ударило в голову.

Sit Musa levis!*

Постарайся хоть чем-нибудь набить голову —
может, Муза сделает тебя своей погремушкой.

Соловей изрек: «Нет, я не лирик».
Еще бы, лирику нельзя быть таким приторным.

Подсознательное актерство человека безгранично.

Крепили связь человека с человеком до толщины цепей.

Иногда в риторическом вопросе вопросительный знак
способен распрямиться в восклицательный!

Не самая, между прочим, пропащая
эта плеяда литераторов,
которая производит впечатление,
будто одного гения разменяли на несколько пешек.

* Да будет Муза легкой! (лат.).

А может, театр уже тем исполняет свое предназначение, что хотя бы на время пресекает трагедии и фарсы публики?

Стоит ли артисту наступать на собственное горло, чтобы достичь глубокого дыхания?

Клоуну необходимо белить лицо для того, чтобы его влиятельные недоброжелатели не заметили, как он бледнеет.

Вокруг столько миров,
сколько способно уместиться у нас под шляпой.

Подкравшись к человеку сзади, он заорал:
«Возмутительно! Да это же задница!»

Сколько же света лишает нас эта сумма пустот в головах!

Некоторые плоды искусства
следует употреблять неочищенными —
вместе с их мифами.

Историки языка не должны проходить мимо
доносов тайных агентов —
это язык эпохи.

О, эти неразорвавшиеся бомбы,
наделавшие столько шуму!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Банальность вызывает тысячные овации.
Всех соавторов.

Ах, это ощущение иллюзии,
рождающее все остальные ощущения!

Всего хватало:
трубачей и барабанщиков, фанфар и литавр.
Не было только музыки.

О, как жестока в нас внутренняя цензура!
Нам неведомы даже мысли,
которые мы не хотим родить.

Трудно быть двусмысленным во времена,
когда слова ничего не значат.

Te Deum ex machine laudamus!*

Там, где на вопросы уже есть ответы,
в конце можно ставить восклицательный знак.

В годы безмолвия хватает и слова,
в говорливые — даже молчания.

Генезис искусства восходит к сотворению человека

* Хвала тебе, Бог из машины! (лат.).

Боюсь смешения стилей —
например, ренессанса соцреализма.

Спасать искусство?
Нет, побуждать его к наступлению.

Дай слово слову!

Идем среди деревьев познания добра и зла —
ищем, где рассветет.

Миру угрожает словесный потоп!
Где же тот Ной, который спасет
по паре из каждого литературного жанра?

Трагики, не отождествляйте оргазм с катарсисом!

Человеческое творчество:
вариации на навязанную тему.

Творите новые созвучия!
Чтобы банальность резала слух.

Суфлеров в трагедиях следовало бы посадить,
но в иные будки.

Он штурмовал вершины по спирали.
«Эх, круто берет!» — говорили о нем.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

С тех пор как я собственными глазами видел такое,
что не поддается осмыслению,
могу ли я не верить в придуманные мной миры?

Снилась ему длинная вереница лавровых венков,
предназначенных скромной единичке.

Мнение — это высшая форма литературы.

Прииски тем?
Каких только шекспиров там не откопаешь!

Его логика не хромает, просто у нее плоскостопие.

Не каждый орел удостоился права
стать чучелом с распластанными крыльями.

Человек — Венец Творения. Терновый.

А что, условные рефлексy более человечны
условных жестов?

Ангелы? Для людоедов — домашняя птица.

Крикнул: «Я вижу полную пустоту!»
Они обрадовались: «Он ничего не заметил!»

«Я нонконформист, — изрек он, —
и свой непреклонный аскетизм
я преодолеваю последовательным гедонизмом».

Коснулся табу — плати. Цена — голова.

Ничего удивительного:
когда Психея поддается психоанализу,
тотчас является Эрос.

Когда человеку недостает слов,
ему их тотчас предоставляет государство.

Он пытается скрестить кентаврих с минотаврами,
надеясь, что наконец произведет человека.

И опять быть Ноем в Море Мрака!

Когда обе стороны выдвигают одинаковые аргументы,
налицо неантагонистическое противоречие,
а проще — трагедия.

Пианист разрабатывает пальцы перед концертом.
Можно на слух определить: у него грязные руки.

Коль оседлал коня, не лягайся.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Самое страшное — когда ты одинок наедине с собой.

О, эти оплеванные триумфальные арки!

Человек нуждается в адресатах чувств,
иначе у него разорвется сердце.

Если у тебя нет слов для возмущения,
то хотя бы не заменяй их комплиментами.

Жития Праведников подходят для малых форм —
они короткие.

Время — наиважнейшее сырье.

Знай, поэт, что конец всего —
это перевернутая лира без струн — Омега!

За добросовестно исполненный общественный заказ
расплачивается автор. Через годы, и с процентами.

Очень часто вину сваливают между двумя могилами —
убийцы и убитого.

Пишет ни о чем, включая себя.

Затянул на горле струну и повис на ней.
И лишь тогда извлек из нее верный звук.

Есть подозрение,
что на генеалогическом дереве рода маркизов де Сад
сидел Хиоб*.

А ведь с главным своим врагом людям не разминуться.

Под напором стольких реальностей
и обычные зеркала становятся вогнутыми.

Пропорции красоты просты — 100%.

Кроме мысли есть еще интеллектуальные рефлексы.

Должен все-таки и у святош быть свой Бог.

Хлопай даже сам себе, только не по щекам ближнего.

Вавилонскую башню строили из слов,
на которые она позорно рассыпалась.

Издаю книгу воспоминаний.
В ней — показания обвиняемых, выбитые им во время следствия.

* Хиоб — персонаж Ветхого Завета, подвергнутый за веру страшным мукам.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

А может, самая честная маска у бандита?
Она хотя бы не прикидывается лицом.

Может, только тот и жил собственной жизнью,
кто нашел в гардеробе мира подходящий костюм для себя?

Литература обогнала жизнь:
к своим неудавшимся героям она давно применяет эвтаназию.

Некоторые устроились под сапогом тирана,
как под башмачком Музы.

И Ничто переживает свои драмы.

Как подумаю, что всё обман,
тут же становится жаль боксера,
получившего в этот миг по скуле.

И автор в кульминационной точке пьесы,
затаив дыхание, ждет свиста,
оваций... или тишины.

Художник, пусть даже не попадешь в сердца,
рази сильнее.

Вы решили, что я читал эту книгу с пылающим лицом.
Увы, это был румянец стыда.

Нужно наращивать значения слов,
а не пользоваться теми, которые сами не знают,
что означают.

Когда я барабаню, мне мешает сердце:
навязывает свой ритм.

Смыслы,
не поддающиеся истолкованию на другом языке,
лишены заряда гуманизма —
это племенные заклинания.

Сколько же в языке слов,
из которых выселили людей!

Покорил Музу своей бесталанностью.

У некоторых поэтов проблемы с Сотворением,
и они готовы вновь всё втиснуть в Слово.

Сомнительно,
чтобы Музы были искушены в искусстве.

Исписавшиеся поэты были лишь карандашами.

Шедевр не лижет рук своего создателя.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Раньше человек выходил на баррикады,
нынче — баррикады в нем самом.

Дух бездушия нагуливает тело!

Цветы любви не успевают вянуть.
Иные еще свежими ложатся на ее могилу.

Сколько пируэтов надо накрутить человеку,
чтобы в итоге люди крутились вокруг него?

Он был на вершине славы — под сапогом у тирана.

Интеллектуальному богатству
редко угрожает национализация.

А может, они герои?
Даже не почувствовали, что их оскопили.

Мысли способны перекроить сам мозг.

Как ловко балансируют в парадоксе предложения,
делая вид, будто раскачиваются на качелях.

Увы, голодные желудки способны самое большее на то,
чтобы породить новые эпохи.

Пусть хотя бы скука, веющая от них,
обладает силой урагана!

У изнасилованных Муз происходят выкидыши.

Пану не хватает свободы?
Понятно, пан консерватор!
Идите-ка, пан, лучше в ногу со временем.

Замечено: у некоторых идеал человека
соответствует размерам стандартного гроба.

Следы кляпа долго остаются на языке.

В биологическом мире есть виды,
представленные исключительно самками.
Как же они размножаются?
Извините, но должна же остаться крупица такта!

Когда иссякают все слова,
тогда только и начинается разговор человека с человеком.

Дебют — это все равно что Еве
впервые надкусить яблоко...
еще своими зубами.

Легкость художника — фикция:
его же несут Музы.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Он не собирается спускаться с вершин поэзии:
боится, внизу заметят, какой он графоман.

Голодный до славы — сожрет и человека в себе.

Контекст слова — весь мир.

Поток сознания не обходит стороной болота и мели.

И зеркало обязано всматриваться в лица:
нет ли в нем изъянов?

Приучишь людей к своей мудрости —
и они проглядят твою гениальную глупость.

За спиной творца должен кто-то стоять.
Лучше всего — он сам.

Не спрашивай у ошибки о ее происхождении.

Преступление — это известный скромник:
ему достаточно уголка.

После беседы с ним у меня осталась
почти полностью исписанная тетрадь.
А ведь он все время молчал.

Мечта поэтов: песнь песней — над песнями.

Анекдот изгнали из искусства —
он вернулся в жизнь.

Никакому Павлову не придет в голову,
что есть еще и условный бедлам.

Горьким покажется хлебушек
заслуженного номенклатурщика
вкупе с лагерной баландой.

Директриса одной из лучших школ Варшавы
с гордостью поведала мне,
что в ее школе нет антисемитизма.
«У нас учатся дети еврейского происхождения, — услышал я, —
о чем остальные даже не подозревают».

Маркс и Энгельс находятся
в более выгодном положении —
счастливчики, они могут спрятать усмешки
в свои густые бороды.

Цензор — это соавтор стиля.

Человеческий организм не способен
одновременно вместить в себя алкоголь и антисемитизм.
Стоит в него залить побольше спирта,
и уже вылезает антисемит.

Технология мифотворчества перешла
из уст народа в официальные руки.

Один приезжий с Запада рассказывал мне о кричащей несправедливости на его родине. Мы с ним проговорили о тех болезненных проблемах до поздней ночи. Когда он ушел, какой-то бес внутри меня заметил: «Ведь если несправедливость может быть кричащей, это уже хорошо».

В Варшаве для решения продовольственной проблемы необходимы анекдоты. И власти их активно поставляют.

Им нужно, чтобы я понятно писал для каждого сержанта милиции. Нет уж! Ниже хорунжего не пишу!

Под прессом прессы.

Позитивная сатира?
Это та, на которой можно поставить крест.

Подозреваю, что иные властители только б и делали, что отрубали подданным руки, если б не нуждались в них — хотя бы для аплодисментов.

Есть слова столь великие и столь пустые, что в них можно держать в заключении целые народы.

Что же способно произрасти на каменистой почве действительности?

Муза поселяется в нас там, где ей вздумается:
в голове, горле, ногах и т. д.

В том краю единственная возможность дышать
заклучалась в постоянных возгласах: «Слава! Слава!...»

Не везде, где растёт цена на мясо,
растёт ценность человека.

Бледен как народ в тени диктатуры.

Внимательней: души не бесполы,
их могут кастрировать.

Ах, писались бы на небесах, где-нибудь сбоку,
примечания о судьбе нашей планетки!

Есть ещё один способ размножения слова — заикание.

Верный пес достаивается позолоченного намордника.

Каких же беспристрастных судей должна иметь
борьба полов в Гермафродите!

Нынче мир устроен по-другому.
Лично я за него больше не отвечаю.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

**из записных книжек
и салфеток,
прочитанные
по прошествии
30 лет**

Перевод
Евгения ФРИДМАНА

Участвовал в соревновании спринтеров.

Только стартовал — вижу:
лавры победителей уже завяли.

Отдалась ему, но не хотела получить себя обратно.

Не пугайтесь, мои мысли такие маленькие,
что и после смерти я буду бросать их
вам с небес хлопьями снега.

А летом? Подумаю. Ведь я еще не умер.

И волосы, стоящие дыбом, могут быть прической эпохи.

Протертые через сита снов.

Что я пишу — афоризмы, фразы, лирику или сатиру?
Нет, я пишу себя, свой дневник.

Гераклит сказал: «Panta rhei! *»

Ковальскидис изрек: «Черт побери!»

Критик же резюмировал:

«Соперничали друг с другом в эпиграмматической краткости».

* См. сноску на с. 152.

Искромсал свой талант в игре слов.

Не откладывайте мытье ног до потопа!

Случается, столкнешь один камешек —
родишь лавину. Снизу вверх.

Как меняется грамматика! Прежде была масса товара,
сегодня — товарная масса.

Физика? И дым отечества бывает тяжелей отеческой земли.

Мы почтили Венгрию в большей мере, чем Запад.
Там была минута молчания. У нас — всеобщее молчание.

Извещение о смерти бандита:
«Пал на милицейском посту».

Концовка современной сказки:
«А если не были реабилитированы,
то живут и по сей день».

Быть сверхреалистом? Бр-р-р!
Нельзя ли быть *недореалистом*?

Всего раз видел живой символ триумфа человека.
Уже встал над пропастью и — пописал в нее.

Вопрос был столь прозрачен,
что все об него лбы порасшибали.

Если бы евангелисты ожили
и получили бы за свое Евангелие гонорар,
то запросто смогли бы устроить на земле
Царство Божие.

Новые понятия с трудом завоевывают гражданство.
Говорится: прошел Дантов ад.
Это все равно что в XX веке сказать:
проделал свой путь с головокружительной скоростью
четырёхконного дилижанса.

Там, где погребут мое сердце, вырастет роза.
Из терния.

А не построить ли нам Вавилонскую башню?
Да нет, подождем, пока будет готово небо.

Проявлением моей мании величия есть убеждение,
что мне еще далеко до совершенства.

Странно, собака не знает,
что запрещено провозглашать антиправительственные лозунги,
но, однако, их не провозглашает!

Иногда во мне просыпаются страхи первобытного человека.
А вот его радостей я жду напрасно.

Эта пани — *уступалка*.

Записал: «*Делает заметки к мыслям*».

Надежды, видимо, сбываются:
их становится все меньше.

Парадоксизм.

Иногда мне кажется,
что Творец очарован английской монархической системой:
Господь царит, но не правит.

Так же как от пальца, нацеленного в глаз,
закрывается наше веко,
так и от некоторых мыслей
инстинктивно обороняется мозг.
Даже изнутри.

Он занимался *собственноложством* с чужой женой.

«Поэтом быть — приходилось».
Сатириком — нужно быть всегда.

Носи зонтик и при хорошей погоде, ведь неизвестно,
когда ближние захотят тебя оплевать.

Кто наелся страху, тот не голоден на впечатления.

Гипокризис духа.

Всё я видел. А не заметил директора М.

Оазисы — это бензозаправки для верблюдов.

Не могли остаться один на один:
его не покидало чувство юмора.

Сдается, что иные авторы начали писать только потому,
что им нечего было сказать.

Живы следы его любви — ими заселены детские приюты.

Предпочитаю народы, представляющие сумму *я*,
представителям народа, которые являются частичкой *мы*.

Горе тем, у кого радуга только черно-белая.

Банально жить. Банально умереть.
Современность изобрела третью форму.

Никогда не следует начинать индустриализацию страны
с автоматизации людей.

Мне этот ветер знаком. Он рядится в разные знамена.

Некоторые убеждены, что их намордник — забрало.

Критика органов власти отражается
на организме критика.

Не плетись в хвосте прогресса,
не то при отступлении тебя объявят вожаком дезертиров.

Потерял веру в слово. Ее вернула мне цензура.

Меня ежедневно убеждают, что власть — это я.
Не знал, что я такой мазохист.

Не узнаю этих людей. На баррикадах они были выше.

Каждый мост обязан соединять два берега.
Утилитаризм с красотой!

Беда соседям того народа, который граничит с отчаянием!

В иных странах
евреи с тоской ожидают официального окрика:
«Вон в Палестину!»

Можешь человека убить молотом, можешь — серпом.
А уж серпом и молотом — тем более.

Слово чести — неизменяемое слово.

Случалось, что благодаря обвинениям моих врагов,
я открывал в себе такие таланты, о которых не подозревал.

На фатальное состояние зубов поляков,
видимо, влияет фатальное качество польских мужских рифм *.

Испытывал грешные благочестивые желания.

Национальный праздник в одном государстве
был просто восхитителен.
В этот день все было закрыто. Даже его граждане.

Написанная в розовых тонах картина далекого будущего
вызывает в человеке прилив трагической безнадежности.
По причине краткости жизни.

Строим на века, рушим навсегда.

На этого члена Союза литераторов
мы должны сложиться по строчке,
чтобы у него были основания для членства.

* В польском языке постоянное ударение на предпоследнем слоге, поэтому в стихах преобладают женские рифмы.

Страшно смотреть в глаза опасности,
когда они прекрасны.

С каждым попугаем легко найти общий язык.

Была такая эфирная, взлелеянная в грезах любовница.
На постные дни.

Обмерил его с пяток до головы, потом с головы до пят.
Дало иной результат.

Бегство от себя? Нужно хорошо подумать,
быть ли убегающим или остающимся.

Дурак никогда не поймет превратно.

Заметил: в последних своих интервью я злоупотребляю
(сам или мне вкладывает в уста мой собеседник)
словечком «признаюсь».

Признаюсь, меня это очень поразило.

Мда, весьма актуальное словечко.

Гадание на картотеках.

Слепоглухонемой гражданин —
не благо ли для государства?

Всегда мне кажется, что я духовник особого рода,
который по дороге к месту казни
рассказывает приговоренным анекдоты,
в глубине души ни на секунду не сомневаясь,
что сам-то уж точно вернется обратно.

Писать портреты голой действительности
у нас позволяют только Березовской.
Под ее пером и она соблазнительна.

Как странно растет преступление!
Порой его корни торчат очень высоко,
тогда как плоды в земле.

Язык фактов порой выдает иностранный акцент.

Хуже «культы личности» «культ нуля».

Прочны ли лозунги на знамени —
это выясняется при стирке.

«Вы подрываете строй!» —
кричал на меня представитель власти.
«Вы по мне это заметили или по строю?» —
поинтересовался я.

Смерть, помнишь ли свое первое кладбище?

Отсутствие собственного письменного стола
долго оберегало меня от борьбы с идиотизмами,
которые я ежедневно вычитывал в прессе.
У меня уже есть стол, нет на нем только сукна.
Интересно, сколько еще продлится
это блаженное состояние?

На дне несчастий лежат остовы иллюзий.
О, если бы их можно было поднять
и отремонтировать!

Если б моя фамилия была бы столько раз упомянута,
сколько раз демонстративно опущена!

Задача поэзии — отнюдь не достижение состояния,
в котором легко оказаться после нескольких стопочек.

Вдвоем трудно дойти до развода. Легче втроем.

Туман всегда рассеивается над собой.

У Гитлера должны были быть такие усики, какие были.
Но будьте бдительны —
у следующего могут быть кудри и бачки.

Есть ли что-нибудь более грозное, чем Чингисхан?
Чингис-Хам.

По Лотовой жене не скажешь,
что не успела оглянуться
и что была соляным столбом.

Хотелось бы как можно меньше
вызывать недовольства своей персоной у Провидения.
Незачем ему морочить голову
моей смертью и воскрешением.
Нельзя ли мне живым смиренно предстать
перед Страшным судом?

Когда он был молод, в прядях его волос запуталась звезда,
и он не вычесал ее.
Со временем она выпала вместе с волосами.
Но чуточку ее блеска осталось на его лысине.

Ни одна из моих пассий не интересовалась моей поэзией,
и я поймал себя на мысли, что горжусь этим.

Быть свободным во сне — это первая степень свободы.

Валяет Эль-Грека *.

Один художник разобрал свою натурщицу по частям.

* Игра слов: польская идиома «прикидываться греком» соответствует русской поговорке «валять дурака».

Два патриотизма никогда не столкнутся.
Ведь в борьбе всегда по одну сторону любовь к родине,
а по другую — ненависть к чужому народу.

Двое гасят свет в комнате не только тогда,
когда не могут смотреть друг на друга.

В пустую женщину можно поместить много денег.

Бессонница с бездумием — что за бездушная ночь!

Есть такие, у которых нет никаких
национальных предубеждений.
Могут набить морду каждому.

Граммфонная игла сшивала мелодию с воспоминанием.

Мысль, встреченную ночью,
нужно осматривать, как женщину, при дневном свете.

Применение мыла свидетельствует
о высоте культуры в данной стране.
Конечно, если его используют для мытья.

Провидение наставило рога дьяволу.

Что лучше, «искусственное prosperity *»
или реальная нужда?

Тот, кто некогда был человеком,
сегодня может оказаться свиньей.

Осторожнее с выбором мечты.
Мечты иногда сбываются.

Всё, проходя, оставляет эхо. Даже тишина.

Икс — продукт собственного интеллекта.
Однако не смог навязать эту идею другим.

Каждое существо, которое мы заключаем в объятия,
мы вольны и приласкать, и придушить.
О, этот божественный миг решения!

Икс — это человек-шаблон.
К счастью, ни к чему не подходит.
Недаром существует в одном экземпляре.

Он такой потрясающий пародист,
что сам сделался пародией на человека.

* Процветание (англ.).

Музыканта можно убить чем угодно,
но мелодию — только мелодией.

Идеология Лазика Ройтшванца *: Go Home!

Негатив идиотизма не является мудростью.

Не стану давить этого клопа:
не хочу марать руки собственной кровью.

Миф определяет сознание.

Стыд определяет сознание.

Даже на белой бумаге могут быть белые пятна.

И в великой трагедии есть место юмору положений.

Деревья развернули *плодотворную* деятельность.

Критики занимаются платной любовью с литературой.

Из кирпича разобранной Вавилонской башни
строят башенки эсперанто.

* Герой романа И. Эренбурга «Безумные мечты Лазика Ройтшванца».

А может быть, цензурное управление
прописало бы мне какую-нибудь диету?

Что за деликатная смерть!
Кивнул окружающим: «Прощайте!»
и тихо закрыл за собой крышку гроба.

Надо же быть таким невезучим!
Стропила обрушились тебе на голову именно тогда,
когда ты вернулся из парикмахерской!

Проблема дня + проблема дня + проблема дня и т. д.,
а потом, ку-ку, окажется, что проблема эпохи была иная.

Через «узкое горло»* поколения проходит только водка.

Ведь если можно пройти через ад,
то, значит, у него есть вход и выход.

У большинства людей мировоззрение нивелированное.
Меньшинством.

Никто не смог заглянуть правде в глаза,
ибо у нее пустые глазницы.

Можно не владеть собою от счастья,
а женщиной — от его отсутствия.

* Соответствует русской идиоме «узкое место».

На скольких процессах красноречию фактов
было противопоставлено лишь красноречие адвокатов!

Есть у меня в Варшаве кабачок,
где пианист, открыв свой черный гроб со струнами,
отпевает все умершие мелодии.

Этот писатель точит карандаши мечом.

Есть люди, имеющие указательный язык.

Человечеству до сих пор не удалось
создать гомункулуса,
а уж оно замахнулось на «*КОММУНКУЛУСА*».

Бокс — это кулачное право в перчатках.

А бедненький Гитлер думал,
что антисемитизм можно прицепить
только к национал-социализму.

И из гусей, которые спасли Капитолий,
наверняка получились прекрасные шкварки.

Лично я думаю, что евреи уже выполнили
«обязательные поставки» мучеников. А вы?

Орфей — Морфей.

Если бы любовь была вечной,
на что жили бы остальные женщины?

Признаю, что если действительно ничего не случилось,
то это даже в толстой книжке можно описывать красиво,
но если на самом деле что-то происходило,
то нужно всего лишь несколько сильных и ярких фраз.

Человек всегда только эпигон героев собственных мечтаний.

Иногда нужно перестать думать,
чтобы сориентироваться в ситуации.

И самая слабая женщина обладает «сильным полом».

Моря людских слез не были бы столь огромны,
не будь они такими мелкими.

Случается, что и бездарное переписывание
сокровеннейших мыслей
становится литературным шедевром.

А что, вошь в гриве льва отважнее,
чем вошь в хвостике зайца?

Любовь иногда приходит так внезапно,
что не застаёт нас в неглиже.

Заметил, что повторяюсь в родственных мне метафорах.
Должна же блуждать во мне хоть одна истинная,
страстная нота.

Первородный грех был источником славы Божьей —
роста числа верующих.

Носила девственность как венок. Лавровый.

Благодаря адским машинам многие попали на небо.

Его предки сидели
еще на собственном генеалогическом дереве.

Мгновение конца света будет короче,
чем слово Сотворения.

Его роль была столь двусмысленна,
что он чувствовал себя важным вдвойне.

Те, что были у толпы на устах, вскоре оказались
у нее на языке, а затем и в пасти.

Надпись: «Здесь сердца наполняются блаженством».

Раздвоение личности можно склеить
каким-либо иным помешательством.

Хоть бы наша смерть не застала нас среди живых!

Никогда я не мог примириться с фактом.

И молчание является одной из форм творчества.
Если оно обрамлено двумя творениями.

Государственный переворот сдал на «отлично».
Переведен в следующий класс. Победителей.

Где же те времена, когда у нас над головами
висел дамоклов меч!

Некоторые ехавшие в трамвае «Социализм»
сошли на остановке «Независимость».
Иные же заехали слишком далеко.
Но у этого трамвая обратный маршрут не предусмотрен.

Те, кто закладывает фундамент,
должны делать это добросовестно.
В собственных же интересах: ведь им жить в подвалах.

В рамках тоталитарного государства
не может быть никакой иной картины,
кроме портрета диктатора.

Пианист так страстно играл эту знойную мелодию,
будто лапал ее.

Нужно, чтобы в крови было отвращение к ее пролитию.

Она выглядела как капуста, обнаженная до кочерыжки.

Ах, если бы неиспользованное время
можно было откладывать на потом!

Малпомена *.

Надо лелеять угнетателей,
ибо они часто бывают громоотводами для сатиры.
В противном случае она бы целилась в угнетенных.

Искусствоведы мне часто напоминают тех,
кто знает химический состав аромата,
но не чувствуют его прелести.

Свобода когда-то была утопией.
Сейчас она даже не реальность.

По случаю присуждения литературной премии
поэт N устроил банкет, однако не поставил никакой выпивки.
Так что гости должны были упиваться его успехом.

* Игра слов: *małpa* по-польски — обезьяна.

Эта женщина была как монета: ходила по рукам.
Но стоимости не теряла.

Из недосказанностей возникла литература.

Надстройку-то можно разобрать. А вот что делать с базисом?

Если масло дорожает, значит, в стране стало лучше:
видимо, люди могут больше платить.

У него замечательный нос, и он в нем с пользой ковыряет.

«Да ведь он порождение ада!» —
сказал кто-то, заглянув в его паспорт.

А что, может быть, через несколько сот лет
мы будем ходить на его могилу?
«Здесь покоится примитив XX века».
Но сейчас его лучше обходить стороной.

Чем уничтожить силу притяжения? Привычкой.

Часто то, что в нас отстоялось, становится поперек горла.

Некоторые мои «мысли» являются вздором,
но жизнь их ассимилирует.

Это тот Лев, который ездит своими шоссейными тропами.

Наматывайте жизнь на катушку памяти.

Когда рушится мост, оба берега живут себе дальше.

Держи язык за зубами. Наготове.

Сентиментален ли я? О, еще как!
Когда вспоминаю цинизм молодых лет,
слезы стоят в моих глазах.

Однажды отдался творческой страсти,
но, к сожалению, погрузился в нее ниже пояса.

«Тебе напоминает что-нибудь этот старый шлягер?» —
спросил я Икса. — «Мой первый визит к венерологу».

Кто учится жизни,
пусть будет готов к вопросам из другой области.

И словечко «да» может быть непричесанной мыслью.

Это наша пустота опустошает мир!

Когда мне казалось, что я социальный писатель, я не был им.
Теперь, когда мне это чуждо, приходится им быть.

Ничего не имею против безобъектной живописи.
Лишь бы художник как субъект был виден.

Предпочитаю сказки из области прошедшего
сказкам из области грядущего.

Эти хотят быть гражданами космоса,
а мечут громы и молнии в космополитов.

Некоторые расположили мои мысли
подобно дневниковым записям — по датам.
Но после смерти я, будьте уверены, ориентируюсь.
Ну что ж, так я думал при жизни.

Есть не только ангелы-хранители,
но и дьяволы-охранители.

«Как! Он записывает всё, что думает?»
Не всё, мои дорогие. Наверняка не всё.

Никогда не мог с этим смириться —
в сумасшедшем доме держат еще и кретинов.

О, если бы на собственные риторические вопросы
я смог бы ответить хотя бы на троечку с минусом!

Мы учимся. Может быть, после смерти
из нас прорастет древо познания добра и зла?

Иные поэты, когда их должна посетить Муза,
дают мыслям «на кино».

Диктаторы боятся распада народов.
Потому-то и огораживают их колючей проволокой.

Похитители людей караются. А похитители масс?

Встретила Метафора коллегу Метафору
и с презрением шепнула о третьей:
«Несравненная!»

Иногда мы с гордостью открываем
некий девичий материк мысли.
И вдруг на его краю, где-то в кустиках,
находим упаковку от презерватива.

Грациозные кариатиды строя.

Если в ошибке мы обнаружили неточность,
может быть, все в порядке?

Ритмично скандалить — скандировать.

Наивысший комплимент ошибке:
«Непоправимая!»

Пометка к мысли: «?!»

Похоже, у него, высшее образование:
опаздывает на академический час.

У Икса суженный *идеевод*.

В напряженной ситуации не стоит дергать за пуговицу.
Достаточно ее расстегнуть.

Графомания будет развиваться
по мере технического совершенствования
записи невнятицы.

Некогда я отправился на ловлю звезд,
но в мою сеть попалась лишь одна —
наша Земля.

От оппозиции можно вылечиться.

Если жена говорит тебе: «Черт с рогами»,
не обижайся на черта,
а подумай лучше о тех рогах.

Как же не быть оптимистом, когда вокруг столько идиотов,
которым прекрасно живется и которые слывут
умными, способными, талантливыми?

А что вы думаете,
лет через двести наши милиционеры в пьесах,
глядишь, предстанут в наполеоновских мундирах!

Берите пример с Господа Бога: сложил десять заповедей —
эпиграмматически.

Когда отменят смертную кару,
смерть не перестанет быть карой.

Знать, что ты пройдешь по жизни,
так и не надев брюк, сшитых самим!
Я всегда вспоминаю об этом,
когда вижу людей, которые никогда в жизни
не воспользовались собственной мыслью...

Частенько дух покойников пугает во вдовах.

Не стоит верить таким прорицателям,
которые пользуются научными методами.

Не все читатели идут за моей мыслью в нужном направлении.
Я сам однажды пошел за одной из читательниц
и вернулся назад только через три дня.

В кокетстве молодых девушек, говорят пожилые мужчины,
бездна садизма.

Надежда — мать глупых,
что, однако, не мешает ей быть
очаровательной любовницей отважных.

Гениальные люди рождаются нечасто.
Есть либо гении, либо люди.

Тем же самым мозгом и думать, и верить?

На смерть Михаила Зощенко:
я был читателем твоих томов молчанья.

Бессмертен также тот, кто не родился.

Между Сциллой и Харибдой остерегайся еще и себя.

Изобрести клизму для мозга.

Голая правда — бесполоя.

А что, разве Господь не ожидает от сатирика
остроумной молитвы?

Во все времена нужно жить по чужим документам —
либо арийца, либо сумасшедшего.

Если Господь вездесущ,
то каждая дорога должна вести к Нему.

«Сыты по горло», — заявили обыватели.
Признак достатка?

Поэт Эпсилон —
продукт вторсырья поэта Икса.

Согласные не могут быть индивидуальностями!

Любопытствую: а какой остаток вечности остался?

Это все одна, одна-единственная мысль,
разделенная ударами сердца.

Провел день очень плодотворно. Жил.

В молодости влюбленные уверены,
что любили бы друг друга,
будь они даже одного пола,
а в старости — что не могли бы любить,
будь даже разнополыми.

Красивая женщина не должна быть умной.
Просто сама Идея Красивой Женщины мудра.

Дождевая капля, падающая на навоз,
долго к этому готовилась в лазури.

Ниточка симпатии часто превращается в прочную веревку
держущую нас на привязи.

Я был чересчур робким. Вот и жизнь прошла,
а я даже не осмелился заговорить с ней.

Я что-то не слышал, чтобы существительное «право»
употребляли в ласкательной форме.

Эх, сапожники, сапожники!
Как были бы вы востребованы,
ходи мы на четвереньках.
А так — вы обречены, ибо скоро мы все взлетим.

То, что нас можно постоянно обманывать,
вновь вселяет оптимизм.

Когда я разговариваю с самим собой,
последнее слово не всегда за мной.

Играйте, детки, играйте! За вас поэты страдают.

Слово воробьем слетает с языка,
а цензор несет его домой застреленным ястребом.

Когда-нибудь люди станут братьями.
И вновь начнут от Каина и Авеля.

Они так виртуозно лгут,
что границы правды очертили, как никто до них.

Лучше ломиться в открытые двери,
чем ждать, когда тебя доведут до ручки.

И, ходя пешком, носи парашют.

Грызли с голоду столбик жизненного уровня.

Любая религия
начинается с рационалистических посылов.

Общественная пирамида
часто является одновременно и сфинксом.

Работоспособность ее сердца
не превышала десяти любовей в месяц.

Смерть не является мертвым понятием.

Адам был первый человек, который объявился.

На богине Свободы надето платье в клетку.

Стол во время заседаний
нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Раньше граждане запихивали накопленное в кубышку,
теперь — в пустой столбик жизненного уровня.

Кому надоели колокольчики шута,
пусть слушает набатные колокола.

Актриса Икс так чудно сложена,
что, в каком бы наряде ни появилась,
он невидим на ней.

Пиши перьями из крыльев Пегаса!

С каждой новой волной одним болваном больше.

Если бы Моисей ударил своим чудесным посохом
по голове Игрека, из нее бы тоже забила вода.

Только в звездах нельзя просчитаться.

А что, может, сделаем из нашей Земли
глобус для кабинета Господа Бога?

Он альфонс своей Музы.

Если Большая Медведица омедведится,
я хотел бы приручить маленькую путеводную звездочку.

Забавно! Сколько труда вкладывают животные,
чтобы разнообразить меню человека.

Страшно косил глазами души.

Достаточно, что вы знаете
лишь мои менее гениальные мысли.
А те, грандиозные, я не записываю,
ибо нахожусь в этот момент под таким впечатлением,
что мне не до блокнота.

Люпанархизм *.

Искренность на исповеди не бескорыстна.

Помни: после каждой точки вновь начинается
Сотворение мира.

Выпотрошили из земли ее богатства,
а чем начиняем? Покойниками.

* От *Lupus* (лат.) — волк.

Я лежал у ее ног.
Когда поднял глаза, ее уже не было.
Прошли годы, и я понял,
что она уже давно лежит рядом со мной.

Сорвался со всех ступеней секретности.

Не стоит забывать в водах Леты купальные трусики.

Наивные географы утверждают: если пойдешь на Запад,
то через какое-то время вернешься с Востока,
а если пойдешь на Восток, то вернешься с Запада.
Иногда да, иногда нет.

Быстрота реакции? Не рождаться.

Все, что ни есть, вписано в меню времени.

Часто прямолинейность вынуждена
вычеркивать из жизни целые города,
населенные до предела.
Чтобы сподручней было вычертить прямую.

На чмокание слюны хватается дольше,
чем на плевки с презрением.

В органе польской литературы чересчур много педалей.

Покупал сынку в магазине цветные карандаши.
«Без красного», — попросил я.

Стоит ли так упорно настаивать на том,
чтобы душа точно соответствовала футляру тела?
Ничего худого, если будет виден ее кусочек.

Разве сложенные друг с другом числа
перестают существовать?

Как мы безжалостно смеемся над теми,
кто переписывает любовные письма
из соответствующих «руководств»,
но только не над теми, кто разговаривает с Богом
посредством одних и тех же причитаний,
сочиненных другими.

Когда пропадает желание жить, это еще не означает,
что появляется желание не жить.

Мозг тоже необходимо упражнять ежедневно!
Но не коллективно.

Я слышал, как рассуждал один палач:
«Специальность нужно иметь,
а не играть, простите, в политику
или разглагольствовать о жизни и смерти».

Мы слишком доверяем действительности.
А что, если нас однажды разбудят?

Что мне известно о женщине?
Хотя бы то, что она лишь с мужчиной
способна создать человека.

Когда нам диктует только чувство,
то даже самый просвещенный человек
ляпает ошибки первоклассника.

Рояль закрыли, а музыка не кончается.

Над святилищами, куда нас тянет
отнюдь не инстинкт подлинной любви,
необходимо повесить красные фонари.
Для ориентации.

Легче воскресить народ, чем одного человека.

Сам факт, что кто-то занимается сатирой,
изобличает в нем оптимиста.

Для себя я припрятаваю мысли до того «причесанные»,
что наедине они смешат меня до упаду.

О, с новой мыслью тебе может еще только повезти.

Да, можно бы еще пожить счастливо.
Но как можно дальше от жизни.

Он пригоден для дробления философских камней.

Прикрыли стыд срамом.

Сколько мальчиков на побегушках
доросло до обер-официантов!

Разве нельзя было все это растолковать прямо?
Можно, но не заплатили бы.

Говорите, что не подозреваете меня в банальности.
И, тем не менее, я произнес:
«Я люблю тебя!» И это, уверяю вас, не было банальностью.

Представляю, что было бы,
если бы Господь из Адамова ребра
создал другого Адама?

Разве счастливый Декарт не имел права заявить:
«Мыслю, значит, существовал»?

Ощущение или мысль?
Ощущаю, что мыслю; мыслю, что ощущаю!

Видимо, его стихи были не в меру теплы.
Ими топили печи.

Популярность? Ну-ну. Тут вот рядом, у парикмахера:
«Кто, говорите? Пан Лец? Конечно знаю.
Коротко стрижется».

Сперва выдайте мне справку о ненормальности,
а уж после я буду говорить с вами как нормальный человек.

Перекрестился серпом и молотом.

Напускная стыдливость зависит от климата.

Порой иду куда глаза глядят.
А ноги, когда до них это доходит,
скрежещут зубами.

Скука в качестве целого может предстать даже остроумной.
Такая вот несуразица.

«Лично мне нечего терять», — сказал палач,
приступая к казни последнего приговоренного.

Рассказывать Господу Богу анекдоты, да такие,
чтобы не уловил сути, —
вот задача для честолобца.

Истинного человека слагают вопросы,
а истинного Бога — ответы.

Сновидения, не плетитесь в хвосте действительности!

На рогах дьявола нимб держится надежней.

Обычно больше почитают сами надгробья,
нежели прах, которому они посвящены.
«Стиль и материальные ценности», —
разъяснил мне сатана.

Как-то наблюдал за господином,
так рукоплескавшим на балете, что казалось,
будто он похлопывает танцовщицу по ягодицам.

Однажды зашел в дом Юстиции:
ее дети водили мать за нос.

«У Бога, должно быть, классная коллекция бабочек», —
думает маленький Ясь.

Прима-балерина прославилась своими широкими жестами.
Ног, разумеется.

Есть на земле климаты, не знающие оттепелей.

Каждый рассвет — это провокация новых надежд.
Вычеркнуть рассветы!

Не стоит забывать,
что не один, не два из нашего поколения
учились арифметике, бросая трупы в могилы.

По неосмотрительности можно оказаться
в энтузиарме.

Сколько же я выслушал речей диктаторов!
И не заболел ими. Диктаторы же требовали
конфисковать толику моих и без того скупых слов.
Неужто боялись заразиться?

Сердце мое, не обращай на меня внимание.
Люби и впредь, даже если я умру.

Язык мыслям врет.

Слова без обеспечения,
но с «государственной гарантией».

Ставил на порядочного троянского коня.

Что нам осталось?
Разве что сожительствовать с социализмом вне брака.

В каждом из нас есть я, ты, он, она, оно, мы, вы, они.
Но есть еще некто, кого нет ни в одной грамматике.

Считаю несправедливым
распоряжаться моими «мыслями» государству.

У истинного Колумба должно быть два яйца.

Независимость подкупленных —
могут быть сами товаром.

Единственная древняя валюта,
оставшаяся в обращении, —
тридцать сребреников.

Молниеносный темп застоя.

Копим наши мысли.
Может, нарастет какой-нибудь смысл?

Не думать в плевательницу!

У диктатуры нет юридической силы —
есть просто насилие.

Руками и ногами нужно биться за автономию головы.

Между Гете и поэтом Икс нет никакой разницы.
Потому как не может быть никакого сравнения.

Двусмысленности плодят много смыслов.

Выйти из ящика письменного стола труднее,
чем из тюрьмы.

Поэтические метафоры оттого удаются,
что сравниваемые объекты не могут обидеться.

Венский конгресс * прошел в размере три четверти такта.
У других конгрессов такта еще меньше.

Надо заглянуть в «Календарь охотника»,
узнать, когда отменяется запрет охоты на трусов.

Бог удовлетворяет мечты как правоверных,
так и атеистов: то он есть, то его нету.

Воображение? У онанистов оно самое сильное.

Нас связывает отсутствие общих интересов.

* Пока длился Венский конгресс (1814—1815), на балах Вены вошел в моду вальс.

Правда все же сильнее искусства.

В театре меня больше бесит шуршащая обертка от шоколадки моей соседки, чем убийство Отелло.

Был опьянен отечеством. И его алкоголем включительно.

От радости собака виляет хвостом.

Для этого нужны радость и хвост.

Когда люди доведут до совершенства приемы взаимопонимания, они наконец-то смогут сказать откровенно, от сердца к сердцу, всё, что они думают друг о друге.

Можно отвечать лаконично, а можно и *лаоконично*.
Как тот мифический Лаокоон,
что изо всех сил выкручивался из пут.

Есть фабрики гениев. Нет только сырья.

Как мог я вдруг проглотить такую толстую книгу?
Обыкновенно: внезапно я так жутко зевнул,
что это произошло автоматически.

В чем коренится причина? В следствии.

О, как я был беспечен в то мгновение,
когда соображал, зачем циклоп мне строит глазки.

Критерий благородства —
бороться за общественный прогресс у себя
и за свободу других. А не наоборот.

Люблю его остроумие.
Поскольку оно на меня вообще не действует.

Часто одной смелости мало, нужен еще апломб.

Ни у какой соли земли нет сладкой жизни.

Не следует заедать тост за свободу
«избирательской колбасой».

А если вдруг иссякнут месторождения времени?

Я отсутствовал на семидесяти съездах.
И признаю это как собственный
выдающийся вклад в общественное благо.

Как стать невеждой?
Нужно дать окружающим такое образование,
чтобы самому остаться далеко позади.

Разумеется, ничего нет хуже массовой порнографии.
Когда народ раздет и разут.

У него соколиный глаз:
высматривал лишь домашнюю птицу.

Нужно так запереться в себе,
чтобы самому остаться снаружи.

Искусственный румянец стыда.

Проблемы крайней плоти
не являются проблемами эпидермиса.

Всю жизнь занимаемся самоедством.
И все же оставляем смерти слишком много
неиспользованного.

Длина цепи ограничивает двор.
По мнению Бобика.

Попутного ветра может хватить лишь на то,
чтобы задрать подол случайно встреченной девице.

У всех дворников зацвели метлы.

А вот в их кабаре выступали бы обнаженные женщины,
одетые в одни дефиниции.

Лирика эмпирика.

Многие страдают комплексом
национального меньшинства.

И с этой свободой чересчур перемудрили!
Четверть века сидят люди взаперти —
и вдруг воля. И что? Нередко сразу в могилу.

А может, ад на дне рая?

Человеческое тело —
один из самых ходовых костюмов на карнавале зверей.

К рассвету человек устает.
В скольких же чужих снах ему пришлось участвовать!

Никогда не заостряй внимания
на похожести чьих-то детей на их папашу.
Это способно вызвать неприятное удивление.

Ну, это орел! На гроше.

Быть Богом — и творить смертных людей?

Будь ангелы смышленей,
я бы поверил в поражение сатаны.

Умирается! Но это, кажется, кто-то уже объяснил.

Если бы вдруг исчезла сила тяготения,
то мы бы узнали истинный вес вещей.

Savoir-vivre*:

соломенные вдовцы принимают соболезнования
только после возвращения жены.

Есть мысли мужские, женские и средние,
и эти последние — отнюдь не дети двух первых,
а подкидыши, и находят их обычно завернутыми в газету.

Признайтесь, ничего так не боится человек,
как умереть с грязными ногами.

Слишком поздно понял, что я молодой.

И в плевке отражается солнце.

Святотатственная мысль должна быть *святотворной*.

За мумию самого уродливого египтянина
нужно заплатить больше,
чем за самую красивую живую женщину.
И это грустно. Счастье, что у меня нет денег,
не то бы за баснословную сумму разрушил эту иерархию цен.

* См. сноску на с. 390.

Нет, я бы не смог шпионить. Вряд ли найдутся люди, которых бы мне хотелось подслушать.

Кому же верить: тем, кто говорит, что мы на высоте, или тем, кто утверждает, что мы на дне?
Кажется, обе стороны правы:
при таком мелководье — все равно.

На одном острове,
где у заключенных к ногам были привязаны ядра,
вдруг вспыхнули гуманизмом:
позволили узникам заниматься спортом,
так что они теперь могли бегать с этими шарами
даже на длинные дистанции.

Как все же мало взаимопонимания.
Например, у пироманов и насильников.

Откровенные декольте наших молодых дам
породили во мне опасение:
чем же мы выкормим следующее поколение?

Этот карикатурист —
аттическая соль * в глазах общественности.

Невелико горе, если ты свое право пулять горохом в стену,
продашь за чечевичную похлебку.

* Остроумная насмешка (фразеол.).

Вечна не та загадка, у которой нет разгадки вообще,
а та, у которой они каждый день новые.

Ни в одной из моих предыдущих жизней
я цензором не был.

Безоблачное настроение защищает от дождя лучше зонтика.

Логика фактов? Не штука! Вот логика надежды!!!

Ну и растет же эта малышка!
Когда-то доставала до моего сердца,
а нынче — наступает на горло.

Бог не ангел.

У нынешних отшельников наяривает телевизор.
Высшая степень умерщвления.

Не из одних лишь элементов сложен мир.
Там должно быть также немного клея, ниток и... проволоки.

Привыкнуть можно только к смерти других.

Неизвестно, против кого из нас после смерти
возбудят процесс причисления к числу блаженных.

Он превосходный стилист!
С каждым разом делает все более блестящие ошибки.

Их моральные устои крайне низки —
достают лишь до пояса.

Чем сильнее смрад, тем шире нужно опахало.
Так и в политике.

На что, собственно, годится гуманитарное образование?
На то, видимо, чтобы быть неплохим филателистом.

Если покупаешь плохие орехи,
то и получаешь, к сожалению, на кило больше.

Нет явления более оптимистичного, чем тени.
Это же факт существования вокруг нас света.

Полуживой от счастья, он почувствовал,
что достиг полноты жизни.

Лишь тогда из этой прессы било пламя,
когда ее грудой макулатуры жгли на кострах.

Всегда должен быть кто-то, чтобы тосковать по нему.

На редкость культурно был проведен этот процесс.
Забота о подсудимом зашла так далеко,
что даже показания давал за него прокурор.

Сказала плотвичка: «Мой кузен — кит».

Как будут чувствовать себя лунатики на Луне?

Его нет вообще, а делает вид, что прячется.

Что может возникнуть из ничего?

Провокация.

Икс — наибанальнейший оригинал.

Фраза «Я этот мир покину»
скоро будет звучать весьма оптимистично.

Есть критики, считающие произведение автора
эпиграфом к своей рецензии.

Сбежала из моей головы мысль.
Интересно, кого она испугалась?

Тяготят как раз несуществующие вещи.

Коготь у него был львиный, но грязный.

Странно, что исторические материалисты
хотят все так быстро осуществить,
будто они временные материалисты.

Новых миров открыто больше, чем новых слов.

Вполне качественным считается такое «малое бессмертие»,
с которого могут кормиться вдова и дети.

Бывали времена, когда нас отбрасывало до средневековья,
однако мы не становились моложе ни на секунду.
А ведь стояли буквально над могилой.

Сбежала от меня мысль.
Когда гнался за ней, заметил,
что преследую ее не один, и наддал.
Хотелось догнать ее раньше цензора.

Вернулся из поездки по провинции
и свидетельствую, что вся Польша —
приморская страна. Она расположена над морем водки.

С той поры, как на портретах мастеров
я увидел нашего старенького, добропорядочного
Пана Бога в образе пожилого господина с лысиной,
я навек расстался с верой
даже в самые чудодейственные средства
для роста волос.

Тиранам всегда причитается больше.
Значит, чтобы простые граждане могли спать спокойно,
тиран должен спать вечным сном.

Набрал в рот воды. Из Леты.

Мерой человека является метр.

Икс бесплоден. Сам видел,
как он стоял между двумя зеркалами
и ржал от удовольствия. Размножался как кролик.

Прошлую неделю провел в поездке по провинции.
Там мне встретились мысли,
которые никогда не забредают в столицу.

Легче иметь несколько собственных книг,
чем одно собственное мнение.

Что смерти после нас?

Икс — вечный оптимист, и этим радует все режимы.

Чем быстрее совершится преступление,
тем раньше начнется срок давности.

Что свалилось нам с неба?

Сатана.

От слова «люд» пошли два прилагательных — «людный» и «людской».

Укоротили его на мысль.

Есть гигантские организмы,
которые держатся только за счет микроорганизмов.

Похоронил ли я все надежды? Нет, мне не дали.

Их на поле боя сожрали гиены.

Нужно несколько раз пережить собственную смерть,
чтобы суметь всего раз написать о жизни.

Право на это — я имею. А вот смогу ли?

Кот жил с собакой прекрасно,
но мыши не извлекли из этого выгоды.

Думаете, все жаждут справедливости лишь для себя?

Ошибаетесь: кое-кто на этом бы проиграл.

Обожаю мелодраму. Я реалист.

Великое искусство сочинения музыки для крысоловов.

Когда вижу формулу $E = mc^2$
я стыжусь своей болтливости.

Вы решили, что я часто говорю подмигивая.
Да нет, это просто меня ослепляет
блеск собственной мудрости.

Каждый раз говоря «да», я уже вижу,
скольких «нет» мне это будет стоить.

Из новых открытий в ихтиологии:
«Крупные рыбы — не немые».

Не все исторические персонажи подлинны.
Некоторые существовали лишь в собственном воображении

Все люди равны. После соответствующей обработки.

Допустим, интеллигенции что-то угрожает:
интересно, чувствуют ли полуинтеллигенты
или четвертьинтеллигенты хоть на половину
(или соответственно на четверть) угрозу?

Верна ли теория силы?
Поддержанная силой — наверняка.

Кто кого?

Вечный тотализатор со времен матча Каин — Авель.

Один поклон жрецам значит больше,
чем сто — божееству.

Волчатам «Сказка о Красной Шапочке»
известна в принципиально иной интерпретации.

Торг мнениями утихает,
поскольку слова становятся все дешевле.

И саван возникает из пеленок.
И пеленки превращаются в саван.

Разумеется, я не верю
в чудеса ночи святого Ивана Купалы,
однако если бы о том же меня спросили
про ночь святого Варфоломея...

Однажды я окунулся в оптимизм. Еле спасли.

Литературные герои,
озаренные ореолом славы своих произведений,
перерождаются, набирая все больше уверенности,
ба, даже наглости, и часто портят свой характер.
Так, великолепный черный персонаж
иногда превращается в эдакого компанейского
опустившегося типа.

Словоугодник.

Требуют от общества кредита.

Под гарантию «Капитала».

Политика — вещь не моя.

Подозреваю, однако, что меня она считает
своей вещью.

На государственных хлебах
люди обезличиваются,
зато государственная водка
раскрывает в них личности.

Если бы однажды отплыла тень моста —
даже реалисты ужаснулись бы.

Этот хаос во мне — единственное,
что еще держит в целости мой образ мира.

Наши сны теряют сюрреалистический характер.

Лозунг отправился на бал-маскарад понятий
в маске Определения.

Путь пули прямолинеен.

Меня наперебой спрашивают,
пишу ли я более крупные произведения.
«Нет, — отвечаю, — только великие».

Балет современности?

Это те драмы и комедии, где слова не в счет,
позы и жесты условны, а музыка иногда даже приятна.

Роман пулярки с каплуном.

Вот что я думаю об Иксе: вообще о нем не думаю.

Мы победили:

бегаем по все расширяющемуся кругу.

Когда конфликт с конфликтом вступают в конфликт,
старайся нанять ложу, откуда он невидим,
но куда долетают сплетни.

Спасти нас может лишь рационализм *ad absurdum* *.

— Подданный? Чей? — спрашивали старшие.

— Чему? — спрашивали молодые.

Арсеналом сатиры является статистика.

* Доведение до нелепости (лат.).

Хамский угодник —
писатель, потекающий скотским вкусом.

В эйфурии.

Что ж, в клетке льва чихнуть можно,
но фокус в том, чтобы сказать себе еще и «будь здоров».

Безотносительные цифры.

Дивная мозаика из наших разбитых мечтаний.

Неужели часовщика,
глядящего сквозь свою маленькую лупу
в прозрачную вечность, эта вечность не коснется?
Хоть иногда.

У каждой профессии есть свой жаргон.
Политики же свой навязали народам.

Свинтоша.

В борьбе между мозгом и сердцем
побеждает желудок.

Ему мешает спать принятая им позиция.

Языки огня лижут время. Вечная импровизация.

Д-р тавтологии.

Не одни только современные танцы
лишили людей такта.

Молния сама себе освещает путь.

Не имеем права заснуть: ночь еще длится.

Темные едут сквозь собственную темноту,
думая, что это туннель, в конце которого виден свет.
Но — ку-ку.

И коза могла бы прикидываться чертом,
но, увы, лишена человечности.

Я понимал эту загадку, пока ее не разгадали.

Нередко, когда кончается фарс,
потеха только начинается.

Число погибших под Фермопилами не только не растёт,
но, о чудо, уменьшается.

Я неверующий настолько,
насколько неверующим может быть поэт.

Прабытие определяет сознание.

Его талант проявляется в поиске слов,
которые он опускает.

Кто поднялся на гребне волны,
может скрыть, что обмочил штаны.

Этот мыслитель налету ловит мысли,
правда, тут же отрывает им крылышки.

Будь я яйцом,
наверняка предпочел бы протухнуть
и быть брошенным в докладчика,
лишь бы из меня не взбили гоголь-моголь.

Порочный спасательный круг.

Редко кто меняет убеждения —
меняются идеологии.

Может, и на пороге смерти
прибита подкова на счастье.

Девальвация слов происходит
только в отечественной валюте.

Когда рождается новая тема,
акушер готов быть и отцом, и матерью,
а иногда даже новорожденным.

В иных странах общественная жизнь настолько открыта,
что и Тайная Полиция работает открыто,
и ее можно видеть повсюду.

Умершие без труда меняют политические взгляды.

Даже превратности судьбы национализированы.

Гарантия мира —
закопать топор войны вместе с врагом.

С самим собой за круглый стол не сядешь.

Когда-нибудь Земля обезлюдит.
Из-за безудержного естественного прироста.

Меткость слова?
Ба! Да она есть у каждого приличного командира
карательного взвода.

Люди достигают своего ренессанса
не только в готике, барокко или рококо,
но и в соцреализме.

Да, трутни не дают меду, но и пчелы не дают.
Его нужно отбирать.

Длина жизни измеряется ее шириной.

Он так ясно выразился,
что разум отказался его понимать.

Многое из того, что застревает в горле,
держится на кончике языка.

Величины бывают разными: от малых до великих.

Что читаю? Книгу Бытия.
В переплете из моей собственной кожи.

Оказавшись на дне, я услышал стук снизу.

Пробил двенадцатый час!
Не первый и не последний.

Величие народа должен уметь вместить в себя
каждый его представитель.

Нам приходится догонять наше время,
сверяясь с чужими часами.

Да кто же это выставил розу на милость ветров?

Любовные предания переходили из уст в уста —
без слов.

Ах, слабосила притяжения!

Марксималисты.

Что же притворная стыдливость
не стыдится быть самой собой?

Бумага рождает бумагу.

Если у кого-то длинный язык,
он рискует на нем подвернуть ногу.

Не завершил свой дневник.
Довел его только до минуты своей смерти.

Я неповторимый? Незавидный комплимент.
Ах, как хотелось бы повторяться до бесконечности!

Полукруг с другой стороны не существует.

Появиться на свет с врожденным чувством такта — негоже!
Есть риск не совпасть со столькими ритмами эпохи.

Когда человеку слишком тесно в мире,
ему хочется спрятаться в мышиную норку.

Мысль, которая трепещет перед самой собой, —
это уже человек.

Поразительная самостоятельность!
Культура может обойтись без министра,
но и министр — без культуры.

Стремясь выглядеть как можно человечнее,
мы одеваем себя в произведения фауны и флоры.

Не ссорься с самим собой!
Прикинь, с кем уляжется твоя желанная Беатриче.

Уже сам поиск приключения может стать
приключением!

Не всегда указующий перст принадлежит
руке правосудия!

И беззаконие может быть сведено в кодекс.

Риск жизни с каждым нашим днем уменьшается.

К неумышленной провокации конца света
закон обязан быть предусмотрительнее.

Колебание некоторых индивидов
вызывает у меня морскую болезнь.

Подсознание?

Да, господа, но под каким сознанием!

И коту в мешке можно накрутить хвост.

Гражданская смерть нередко возрождает человека.

Дрожь содрогнулась от собственного смеха.

Бог сотворил нас по образу и подобию своему.
Но был ли Он реалистом?

Сожительству слов знакомы всякие
сексуальные извращения.

С того момента, как человек встал на задние конечности, всё стало называться позой.

Нынче Голиафов поддерживают ослиные челюсти.

Порой легче смотреть в глаза смерти, чем в глаза человека.

Дай мы сатане крылья, гляди, он покинул бы нас, как покинули нас ангелы?

В мире меня интересует только человек.
Не существуй он, я не писал бы, думаю, вообще.

У гигантов и утонченность чудовищных размеров.

«Зла нет!» — утверждают некоторые.
Они жаждут блеснуть, подобно творцам.

Порой нужно отойти в сторонку от жизни, чтобы ее прожить.

Есть ли у меня иллюзии? А как же.
Это побочный продукт беспощадного рационализма.

Этимология?
Все наши слова берут начало от того первого воя.

Кошка и собака прекрасно перевариваются
в волчьем желудке.

Творите вечные актуальности!

Из стилистики.

Необходимо отличать *«что можно сказать на эту тему»*
от *«что позволено сказать на эту тему»*.

Искусство миниатюры вымирает.

Кого же, собственно, сегодня умялять?

С этим субъектом я могу говорить и одновременно думать.
Разумеется, не о том, о чем говорим.

И дыры хотят стать суверенными
и избавиться от рамок.

Что за прогресс! Неграмотных — в редакторы!

О, я независтлив.

Могу даже навестить могилу врага
на Аллее Заслуженных.

История повторяется —
вот нет у нас изобретательных историков.

Создатель не творит чудеса.
Он только исполняет свой ежедневный долг.

Границы своего таланта ему хорошо известны,
и потому ему так легко удается
контрабанда чужих плодов.

В настоящей бомбе с часовым устройством
детонатором является время.

«Опасные у вас мысли», — говорят мне.
«Для кого? Может, для меня?»

Время на секуляризацию души!

Какие же выводы из опытов делают кролики?

У некоторых глаголов нет будущего времени.

Разным словам требуется разное количество слюны.

И запретные плоды засахариваются.

Многого бы достиг мозг,
лиши мы его обязанности думать.

И в пожилом возрасте
у человека с голосом происходит мутация:
от возгласов энтузиазма — до крика возмущения.

Укоротим метр — будем гораздо больше.

Люди склонны считать хорошим такое дело,
которое их развлекает.
Обычно же они занимаются тем, что их раздражает.

Показывал язык врагу? Да.
Когда подлизывался.

У кого едят с руки, тому не смотрят на пальцы.

Я не терял времени даром.
В паспорте мне зачли все мои официальные года.

Над *i* должно существовать многоточие.

Всё повышает свой уровень. Даже дно.

Люди между собой должны притворяться,
что не имеют понятия о своей смерти.

Слово — это живое создание.
Потому и не стоит его обнюхивать сзади.

Не правда ли, пустые тарелки у народа
подчиняются закону сообщающихся сосудов?

Когда наконец познаем космос,
то окажется, что, находясь на земле,
мы уже бывали на небесах.

В иных государствах подрывной литературой
сочли бы и поваренную книгу.

Для престарелого Рокфеллера издавали специальную газету,
полную вымышленных новостей. Однако есть страны,
где в состоянии издавать подобные газеты
не только для миллиардеров, но и для всего населения.

Хоть бы обитаемые людьми звезды не светили слабее!

Когда власть валяется на улице,
стоит выяснить, в каком она состоянии.

Тот, кто совершил удачное самоубийство,
не может даже себя с этим поздравить.

Когда человек измотан,
в нем часто берет слово его второе «я».

Не люблю народа, которого нельзя разделить на людей.

Преуменьшаю человека? Возможно.
Но для того, чтобы не был замечен хищникам.

Пекись о будущем,
чтобы твое настоящее сменилось прекрасным прошлым.

Крошки мысли — поэзия.

Человек еще не овладел жизнью,
а уж мнит себя хозяином и жизни, и смерти.

Идеальные часы идут равномерно.
А идеальное время — то быстрее, то медленнее.

Из невысказанных слов
складывается твой внутренний взгляд.

В некоторых государствах строй
должен составлять государственную тайну.

Истинные орлы парят и без атмосферы.

Даже самый обычный счет должен кто-то оплатить.

Благословенны те времена,
когда идут к стенке лишь для того, чтобы пописать.

Есть рабы такого сорта,
которых всякий раз нужно заново покупать.

Имеет ли право свинья-идеалистка
мечтать стать кошерной?

Говорю серьезно:
возвращение военного искусства к дубине и каменному топору
было бы шагом человечества к гуманизму.

Мысль себе вращается, а я лишь ее токарь.

Слово рождается от слова,
как человек от человека.

Утонченные духи улетучиваются без запаха!

Поиски всегда заводят ребенка в зазеркалье.
Только мы, взрослые, довольствуемся нашей плоскостью.

Искусство, которое стремится выйти
за пределы четырех стен собственного дома,
нередко оказывается в четырех стенах
казенного дома.

Сказано: «Здесь зарыта собака».
А эксгумировали людей.

Лишь первый проблеск мысли — вспышка молнии.
Всё остальное — фейерверк.

Не интересуюсь политикой.
Это отнимает у меня много времени.

Если б можно было верить
хотя бы в противоречивость лжи!

Манекены на людях — снобы.
Но все равно дают себя купить.

Там, где долго тянется ночь,
должны по крайней мере дольше длиться сны.

Это ничего,
что многие наши творения невозможно перевести;
печальней другое — их невозможно объяснить иностранцам.

Боюсь, что смерть заберет у нас еще и загробную жизнь.

Нужно быть хотя бы полутораинтеллигентом,
чтобы понять лепет полуинтеллигента.

Постоянно внюхиваясь в намеки,
мы уже почти не чуем запах мира.

«Ах, если б я жил в эпоху Ренессанса!» —
воскликнул я и тут же поймал на себе взгляд,
полный восхищенной признательности.

Затем я с некоторым смущением произнес:

«Не писал бы уже сегодня».

Наброски невнятицы могут быть лирикой.

Как избежать недоговоренностей?

Не договариваться.

Слово *курва* утратило свою женственность,
теперь оно просто скурвившееся слово.

Поженились одинокая с одиноким.

И будут плодить одиноких.

Писатели, книги которых никто не покупает,
легче всего продаются.

Шумиха вокруг меня освобождает во мне
пространство для необычайной тишины.

Государство,
которому точно известны сроки смерти своих граждан,
может развивать наиболее плановую экономику.

Морская болезнь настигает меня обычно на суше —
при виде зажавшихся акул.

Непотребное зрелище:
глотатель огня, страдающий отрыжкой.

Когда опомнился, тут и вовсе запомнил.

Ему угрожали:
— Падут на тебя слезы твоих жертв!
— Чистые слезы, — отвечал он упрямо, — не замарают».

У тех, кто твердит: «Деньги пахнут», —
деньгами не пахнет.

Не стоит начинать экономить
с сокращения порции здравого смысла.

Когда тебя воспаляет чужая идея,
хотя бы извинись.

Общество разлагается на управляющих и управляемых.

Мы идем к концу, и конец идет к нам.
Дело только в месте встречи.

Он произнес: «Я — Homo politicus» тоном,
в котором не чувствовалась неуверенность
по отношению к слову «Homo».

Со времен потопа мир омывается только кровью.

В Деда Мороза не верит даже тот, кто сам им бывал.

Я не высмеиваю ничьих чувств —
пытаюсь лишь от них спастись.

То, чего нет, не является тайной.

Ночью женщина трехмерна.

Не верьте старым, закорякеным схемам.

Прошли времена, когда, прежде чем попасть в ад,
спускались в подполье.

Девальвация мысли — следствие безмыслия.

Вошло ухом — выйдет боком.

И жизнь — лишь детские забавы.
Только с их настоящими аксессуарами.

Скелет правды, не обросший мясом.

А сколько пророков не объявилось!

Лагерное воспоминание:

шантаж достойной смертью заставлял нас дорожить жизнью.

А может, последний человек посвятит вздох первому богу?

Пролез в сердце диктатора. Карабкаясь вверх через зад.

«В воздухе ужас повис».

— «Словно жаворонок, — пропищал поэт, —
словно жаворонок!»

Время бежит все быстрее.

А перерыв у нас будет попозже.

Перед тем, как оно иссякнет.

На границах познания

можно пасть от пуль пограничников.

Ставит себя перед первыми. Правильно — он нуль.

Удостоверение о таланте

выдают всякий раз новые учреждения.

Не самый ли бесхитростный возглас: «Да здравствует!»

Стиль жизни включает в себя и смерть.

Бедная человеческая голова.
Венец Творения жмет ей.

Дозревание гражданина происходит в приемных.

Некоторые так согрели свое место под солнцем,
что, наверное, им будет тепло,
даже если солнце погаснет.

Часто пульс времени бьется под кандалами.

Заботься о себе! Ты — собственность государства.

Ищу для человека лишь точку опоры.
На большее нет места.

Когда я высказываю мысль в двух предложениях,
тонкие знатоки уже крутят носом.
Эй, господа, неужели я не имею права на «трилогию»?

Требуем свободы рефлексов!

Мы должны помнить,
что наши сны не дают спать другим.

Не писатели бегут от действительности —
это она их преследует.

Как я дошел до сатиры? Писал панегирики.

В одной стране официально заявлено,
что в ней нет смертной казни.
И ни один приговоренный не свидетельствовал против.

Когда у человека нет работы,
он на многое способен.

О чем думает пес,
когда выбирает карьеру полицейской собаки?

Остерегайся троянских орлов!

Чему только люди не научили бедного зверя, воющего в них:
и красноречию, и сольфеджио, и иностранным языкам,
и, что самое главное, — молчанию!

Практическая идея готова для употребления —
как справа, так и слева.

Часто необходимо сказать «нет», чтобы утвердиться.

Воздвигнуть прекрасные и прочные принципы,
конечно, трудно,
но в них могут найти убежище целые поколения.

Сперва создаются законы, потом — тюрьмы.
Но не как следствие этих законов,
а, к сожалению, вопреки им.

Когда человек сражается с собственными мыслями,
ему трудно оставаться беспристрастным.

Некоторым снится скальп
с моих «Непричесанных мыслей».

Истинный Бог есть Бог, даже если бы его не было.

Живу тем, что не дает мне жить. Мышлением.

Несмотря на то что мы с соотечественниками
пользуемся одной и той же грамматикой,
мы часто, однако, расходимся во временах,
а также в пассивном и активном залоге.

О рецензенте Пшиздецком: его нападки я переживу,
но что мне делать с его похвалами?

Это искусство — опоздать вовремя.

Один своим творчеством возводит себе надгробие,
другой — роет себе могилу.

Всего обильнее политы кровью... сухие факты.

Когда оглядываюсь,
вижу себя далеко отставшим от меня.

Нелегкое дело разбивать палатки на шаре,
который катится по *ничему*.

Душевный подъем у трупов.

Того, у кого широкая спина, целуют и ниже.

Коль сам ты забудешь о себе после смерти,
то что уж другие?

«Живи по-современному!»

С каким удовольствием услышали бы это покойники.

И толпы обладают наследственными
фрейдовскими комплексами.

Драконовские нежности.

Привычка мыслить вслух
частично освобождает нас
от дальнейших изнурительных допросов.

Я поставил точку над *i*, назвав его идиотом.

Еще ни разу не пришлось мне заблудиться
даже в самых фантастичных закоулках моих снов.
Всегда попадаю из незнакомых мест точно в свою постель.

Когда идущий за тобой по следам чихнет,
скажи себе: «На здоровье!»

Мысль убегает из головы.
У нее боязнь замкнутого пространства!

Если бы Создатель остался только глаголящим!

И слезы текут по течению.

Система системой, а царит неразбериха.

Страх мне мерзок... но боюсь омерзения.

Гений должен сам себе прорубать дорогу.
И пусть потом о нем говорят:
«А, это тот, который дробит камни!»

Бедный, кто не видит звезд, не получив по зубам.

Не был ли скелет эскизом человека?

Бездумность не теряет актуальности.

У нас было бы предостаточно времени,
если бы его не было вообще.

Современное гадание: на фактах.

У кого мощная задница, под того и кресло подгоняют.

Мания шаблона — стать эталоном.

Что ж, можно каннибала и саблей порубать,
да только не дает покоя мысль,
что выкормлен он человечинной.

Разбили песочные часы
и пускают людям песок в глаза.

А мне казалось, что со времен Пастера
людям будет можно беситься безнаказанно!

Извлек урок. Из тюрем.

Будучи реалистом,
не могу закрывать глаза на сюрреализм жизни.

Не странны ли Ионы,
которые требуют света только в брюхе кита?

Охота ли тому, кто знаком с подлинной историей,
становиться историком?

Могли ли сатирики, донимавшие Наполеона III,
возвыситься до уровня иронистов,
которые сопротивлялись Наполеону I?

Донашивал за святыми ореолы.

Ненавижу вас! Не даете себя полюбить.

Счастливый человек никого не приглашает
войти в его положение.

Уступайте дамам место в вашем сердце!

Эти мои *zwischenrufe* * в абсолютной тишине.

Думаете, что гадкие слова
приобретают благозвучие оттого,
что их не употребляют?

Они живут так, будто мечтали стать иллюстрацией
к моим «мыслям».

Не считает себя гением лишь тот писатель,
который уверен, что это делает за него молва.

Я не догнал своего времени? Справедливо.
Я чувствовал: оно меня преследует.

А есть еще *vivisekцики*.

Те, кто живет враньем,
могли бы жить даже правдой.

Остроумие остается, видимо, единственной вещью,
отличающей человека от скотины и других людей.

Удел иных людей — отвечать за последствия.

* Реплики (*нем.*).

Когда обезьяна, глядя в зеркало, засмеялась над собой, тогда и родился человек.

Ното-шимпанзе.

Обиделись, что я топчу ваши самые святыя чувства?
Тогда почему они у вас такие изменные?

Наиболее прямолинейные — это кривые в диаграммах.

Мезальянс мысли.

Удивительно, что у руки Правосудия
столько указательных пальцев!

Кто отважится на «Критику грязного разума»!

Когда же завопят камни, бросаемые в человека?

Верующие утверждают, что у зверей нет души,
атеисты — что нет идеологии.

Похоже, наконец изобретена надежная
противозачаточная таблетка.

Слишком поздно: ей бы надо быть семечком из яблока греха,
которое змей подарил Еве.

Записывая мысли, даю им второе обличье.
Но лишь первый проблеск — поэтический. В своем крике.

Слезы нынешних Иеремий
должны быть посолены аттической солью.

Звери, не доверяйте людоедам!

И у мертвых находится общий язык с живыми —
молчание.

Теньгород.

Ненавижу одиночество:
пребывая в нем, начинаю тосковать по толпе.

Их положительное мнение вызывает отрицательную реакцию.

Ограниченный мозг
способен вместить неограниченный объем вздора.

Нужно идти с народом.
Если только сам народ уже не передвигается на автомобилях.

Кто апеллирует к совести,
тот не признает в ней первой инстанции.

С тех пор, как я его узнал, больше его не знаю.

Вся наша речь —
между первым неоформленным криком человека
и его последним предсмертным вздохом —
о, как же она ненатуральна!

После очистки истории ото лжи
необязательно должна остаться правда —
иногда просто ничего.

Тому, кто лишен лица, любой цвет к лицу.

Это был превосходный causeur *.
Случалось, ему нечего было сказать.
И какая же красноречивая икота возникала тогда.

«Не лги! — хотелось бы сказать артисту. —
Сочиняй!»

Разложили нас по полкам в шкафу,
и как будто дело в шляпе.

Интересно, кого передразнивала обезьяна,
прежде чем стала человеком?

* Собеседник (фр.).

Есть авторы, которые уже с дебюта
пародируют собственные ненаписанные произведения.

Молчание нужно слышать в его же контексте.

Он называет болью существования
существование других.

Зафиксировал свою пустоту. На тысяче страниц.

Откуда взялся натурализм? Наверняка не из жизни!

Объевшийся чужой духовной пищей субъект.
Время от времени он отрыгивает.
Мезальянс икоты с изжогой. Что-то новенькое.

Человек является существом богоподобным —
Фидеистично * утверждают, скорее всего, дарвинисты.

Троглоэрудит.

На монетах ненавистный тиран казался симпатичнее.

Сплетение фактов — петля.

* См. сноску на с. 373.

Для меня Стены Плача там,
где расстреливали людей.

Со скоростью скольких виселичных узлов в эпоху
мчится мир?

Это — утроба, начиненная жизнью.

Никто никогда меня не убедит в моей смерти.

Самоотравление собой.

От скрещения улиц нередко рождаются площади.

По окончании авторского вечера одна дама меня спросила:
что же дает волю моим «мыслям».

«Думаю, мышление», — очень неуверенно ответил я.

По обеим сторонам дороги, ведущей к счастью,
мы видим изумительные виллы,
обитатели которых из окон
невозмутимо разглядывают бездомных,
беспрерывно шагающих к счастью.

Голод — это до того обостренный аппетит,
что им можно убить других.

Человек ведет диалог только с самим собой.

Выдержать, выдержать бы жизнь —
потом уж справимся!

Вот пример:

древнегреческие актеры ни в трагедии, ни в комедии
не использовали собственные лица.

Носили маски.

Мир не может быть населен одними Сократами.
Не хватило бы цикуты.

Митингуны — великое племя!

Порой слово — золото,
а молчание — тридцать сребреников.

Был тузом. В собственном рукаве.

Сиянье панихидных свечей на юбилейном торте.

Волос не упадет с головы государства.

И всякое там сочиненьице велит себя титуловать!

Каждый человек носит в себе своего великана
и своего карлика.

Великан порой уместается в крохотном закоулке,
зато карлик — не втискивается.

Сплетничал язык о грамматике:

«Представляете, у *этой* — прошедшее время!»

Миру угрожает интерпретация.

Муза одним ударом уложила этого драматурга.
На подмости.

И тот, кто сеет страх,
жаждет собрать самый обыкновенный хлеб.

И о юмористе можно сказать:

«Расписался всерьез!»

Каждому хотелось бы прожить до конца света,
а некоторым и подольше.

Нет, не могли поздние христиане быть потомками тех,
кого в Нероновом цирке растерзывали дикие звери.

А потомками тех ревущих масс — могли.

Не каждому, кому снятся сны, есть где их посмотреть.

Узнаем ли Первопричину
накануне последнего Следствия?

После иных оваций стоило бы вымыть руки.

Этот писатель старательно высиживал
свое творческое лицо.

Дату Сотворения мира
могли бы установить только бухгалтеры.

У него антисемитское происхождение.

Целое, распадающееся на фрагменты, —
это совсем иное, нежели фрагменты,
складывающиеся в целое.

Некоторые болезни страдают излечимостью.

Исцеленными из сумасшедшего дома
могут выйти только пациенты — не врачи.

Лишь у гениев и графоманов
чувствуется первородная страсть.

Всё соседствует со всем.
Недаром клопам известна группа крови соседей.

Трус из человека никогда не вылезает.
Только делает вид.

Есть люди, которые садятся в самолет и летят на полюс,
а в воображении не способны даже выйти за порог.

Не один, размахивая кнутом,
воображает себя дирижером.

Ложь, получив права гражданства,
не станет от этого правдой.

Иногда сомневаюсь,
является ли жизнь предназначением человека.

В действительности, мы знаем жизнь только из литературы.
Разумеется, кроме тех, кто не знает литературы.

Сколько же инъекций оптимизма
было сделано иглой компаса!

Обычно преступники —
по одной из сторон тюремной решетки.

Не верьте ему, что он такой глупый.
Он еще глупее.

Писатель на самом деле может погибнуть
на выдуманном им поле боя.

Одни рождаются для того, чтобы что-то сказать,
другие — чтобы им это запретить.

Не существовать — только мыслить, мыслить, мыслить!

О, если бы можно было заткнуть уши изнутри,
чтобы не всегда слышать голос сердца!

Я физиономист.

Отсутствие лица мне о многом говорит.

Тем, кто переплатил жизнью, некуда отослать сдачу.

Время убивает. Датой почтового штемпеля.

Лирик сам себе сырье.

Не воображать себя — быть собой!

Художником обязан быть — вопреки критике,
вопреки публике и часто вопреки себе,
не говоря уже о других посторонних инстанциях.

Кто обладает гением, талантом, кто образован и т. п.,
тому не помешало бы нахальство.

Кто обладает нахальством,
тот уже не нуждается в этих мелочах.

Поставил все на одну карту. А вышла другая.
Выиграл — и сделался великомучеником.

И каждую весну оптимизм нам грозно кивает
гроздьями сирени!

О, эти индивидуумы без индивидуальности!

Savoir-vivre* предвидел всё. Даже то,
как должен вести себя неверующий по отношению к Богу.

Я изранен изнутри. Теми, кого запер в своем сердце.

Всё меньше людей интересуется искусством.
Еще немного — и будут только власти. Но все больше.

Тысяча лилипутов организовала кооператив «Гигант».

Из рецензии: «М играл старца.
Только благодаря силе молодости он справился с этой ролью».

* См. сноску на с. 390.

Труднее всего предвидеть чье-то прошлое.

В его сказках звери — чучела.

Мало отсутствия таланта —
требуется неколебимая воля, чтобы стать эпигоном.

Шекспиранты.

Шекспиротехник.

Многие люди примирились бы с Судьбой,
но и у Судьбы есть право голоса.

Это ничего,
если властители умов отказываются слушать тебя,
хуже — когда не хотят принять на себя командование.

У вечности нет будущего — только настоящее.

Чтобы истязать человека, нужно изучить круг его удовольствий.

Он был уверен,
что у него обострено чувство общественного,
поскольку в публичном доме
ощущал себя как в собственном.

Сколько стервятников
вылупилось из кукушечьего яйца!

Его творчество — сущая стихия.
Вода.

Когда я прав, я всегда начеку.

Общественное умопомешательство.

Скверный поэт — это клин, вбитый между словами.

Бросая последнюю карту, подумай, что у тебя нет карт.
Но что и у твоего противника нет партнера.

Шаг отчаяния —
неподходящая мера для приближения к цели.

Из пособия по ведению дискуссий:
«Красноречивое молчание
должно быть непринужденным».

О поэте Икс:
«Отсутствие таланта было щедро возмещено ему
литературными наградами».

В колыбельные для народа
назначаются иногда даже строевые,
шумные и плясовые песни.

Ничто становится явным, лишь обретя форму.

Люди, которым нечего друг другу сказать,
обычно прибегают в разговоре к литературным примерам.

«У вас рыльце как пистолетик», — сказал Игрек Ипсилону.
Задетый этим Ипсилон заколол его.
Последний вздох Игрека: «Ах, если хотя бы а propos *!»

Люблю неграмотных.
За то, что не четвертьинтеллигенты.

Божественные слова нужно перевести на языки народов,
чтобы дошли до адресатов.

Блеск мысли всегда раздражает сумрачные головы.

Интеллигент! А ведь всего-то стоит охаметь,
чтобы избавиться от этого оскорбительного прозвища.

Разве вершины кретинизма ниже общего уровня?

* Кстати (фр.).

Был *Кем-то*, будучи *Никем*.
Вот и будь здесь рационалистом.

Творчество — это загадка, заданная художником самому себе.

Записался в историю литературы, не держа пера в руке.

И близко не подпускали к себе никаких мыслей.
С помощью полицейского кордона.

Рационализация: живем всё дольше и всё меньше.

Если бы можно было нажраться одной лилией,
и боров был бы эстетом.

Есть мысли, которым никогда не оформиться в слова —
даже обмысленные.

Сказки — это взаправдашные истории
невзаправдашных созданий.

Тот, кто забрался на вершину общественной лестницы,
нередко забывает, зачем он туда залез
и кто его туда послал.

Но, слава богу, есть еще черт.

В устах непоэтов метафоры подозрительны.

Трепещите перед шутами, потерявшими чувство юмора!

Быть поэтом так же легко,
как вообще — быть живым созданием.
Достаточно им родиться.

Боялся собственной тени. А другие — его тени.

Даже у потрясающего виртуоза
мелодия течет сквозь пальцы.

Странно творит этот писатель:
в конце он пишет *нагрязно*.

Истинно мудрых людей отличают не мудрые мысли,
а лишь поступки или отказ от них.

Ходил по чужим следам, уверенный, что сэкономит на своих.

Думаю, что я существую.

Когда я тычу в фальшивую клавишу,
то, бывает, отзывается верная нота той клавиши,
в которую я хотел попасть.
Разве этого нам недостаточно?

Она подняла ногу на мораль!

Человеческое тщеславие предпочтет,
чтобы жизнь скорее была бы темой трагедии,
нежели фарса.

Это значительная фигура —
ее хватит на несколько супружеских треугольников.

Долго не замечал себя,
пока какой-то шпик меня не навел на меня самого.

Его опора — те зады, что он целует.

«Прекраснодушные», —
с презрением говорят *безобразнодушные*.

Лично я не знаю философа, сумевшего доказать,
что он не существует вообще.
И это лучшее доказательство того,
что ему это удалось превосходно.

Будем же небожителями на земле!

И массы могут чувствовать себя одиноко.

В нашем воображении
моральная позиция всегда вертикальна,
аморальная — горизонтальна.

Weshalb?* — хотелось бы спросить языком Фрейда.

Оказывается, девяти месяцев, данных нам,
чтобы решить, стоит ли родиться, —
слишком мало.

Когда я заново обдумывал свою жизнь,
то приходил к выводу,
что ее можно было бы прожить иначе,
но и когда я жил этой жизнью, то чувствовал,
что ее можно было бы иначе обдумать.

Человеческое существование,
как подсказывает нам наша память,
чем-то сродни нахлебничеству.
А мы не гордые. Господь изгнал праотцев наших из рая,
а мы упорно стремимся туда вернуться.

Существуют мистики рационализма.

Просмотри любовный сон, как любой другой.
В постели.

* В связи с чем? (нем.).

Неудачник попадает всегда в черное,
а оно, оказывается, просто давно носит траур по себе.

Под увеличительным стеклом он выглядел
как лилипут.

Слышу упрек:
«Ваши мысли дают обильную пищу для размышления».

Увидев через микроскоп блоху,
я почувствовал себя обедневшим на гекатомбы крови.

На бирже мысли не котируются монеты, пущенные в оборот.
Будь по-иному — не миновать спекуляции.

Угрюмые и после смерти не бывают веселыми.

Таблица размножения.

Лицам из толпы не нужны маски.

Боги не стыдились своих человеческих слабостей.
Да и мы бы не стыдились. Божьих.

Странно,
безответственными принято считать те мысли,
за которые привлекают к ответственности.

Мне бы следовало поменьше читать,
еще меньше понимать,
а уж совсем чуть-чуть принимать близко к сердцу.
Так, может, продержался бы до старости.

Сатира с позиции силы.

Гадкое слово,
говорящее о приятных вещах.

Архиреволюционное ку-ка-ре-ку
не заменит в бульоне приправы.

Надо постоянно подчеркивать,
что *аморальный* — не от Амура.

Можно влюбиться в самое ревность.

Властитель поклялся быть превратить в сказку.
И исполнил. Уже ничто не было правдой.

Что ж, изумительно звучит и ночной горшок.
Из настоящего фарфора.

Какой же конструктор оружия испробует его на себе!
А от сатирика требуют.

Недоразумение! Наказаны должны быть те,
кто скрывает свои мысли,
а не те, кто их выражает.

И во рты, разодранные гневом,
вдруг попадают куски с барского стола.

Прошлое нужно постоянно воспроизводить,
а будущее приходит само.

Вырвать зуб времени!

Ох, эти доморощенные философы,
которые ни разу не умерли!

То, что невкусно, не может приесться.

Ничто иногда предстает в совершенно конкретном образе.

Мысль сформулированная
есть мысль, взятая под стражу,
ибо отсечена от корня и не имеет шансов развиться.
Всяческое же расширение — это уже новая мысль.

Случайность моего существования меня оскорбляет.

У нас и во внутренних драмах есть суфлеры снаружи.

И петля может быть спасательным поясом.

Всем правит случай.

О, если бы я еще знал, кто правит *им!*

Расшифровать псевдоним первого человека!

Мосты, перекинутые к тому же самому берегу.

К повести с ключом * не стоит подбирать отмычки.

Миссия сатирика исчерпана,
если следующему поколению его парадоксы не смешны,
а воспринимаются лишь как неостроумные
логические умозаключения.

Переводы из внутреннего я.

Если бы день встретился с днем,
либо ночь с ночью, был бы конец света.

Выражается такими банальностями,
что, лишь переложив на музыку, —
и готов шлягер.

Счастье ему привалило. И ничего кроме.

* См. сноску на с. 281.

Факты воображения.

Окружность нуля может быть необъятной.

Создал школу невежества.

Люди, чтобы стать известными,
прячутся за псевдонимами.

Манекены тогда обнажены,
когда в глаза бросается фирменный знак владельца.

Заметно стремление к национализации источников света.

Один из дней отнял у меня много лет жизни.

Из доноса на меня:
«Изъясняется обрывочными фразами».

Кто в прежней жизни был поэтом,
тот даже в последующей не сможет быть
ни цензором, ни рецензентом.

Когда идет бой близоруких с дальнозоркими,
людям с нормальным зрением стоит его переждать.

Там, где летят головы, полуголовые изображают чудом спасшихся мучеников.

У поэта Икс прекрасное воображение.
Воображает, что оно у него есть.

Троглодит был потенциальным изобретателем колеса, керосиновой лампы, самолета, телевидения и т. д.
А современный человек — чего?

Мы не боимся термидоров —
вернулись к традиционному календарю.

Когда смотрел этот спектакль,
хотелось воспользоваться сценическим люком,
чтобы провалиться сквозь землю.

Суть двойного дна в том,
что оно скрывает и третье, и четвертое.

Заикающийся мозг? Это что-то для эстетов.

Нас кто-то всегда подслушивает.
Временами — поэты, временами — шпики.

Если окно в мир распахнуто,
то не стоит бояться захлопнувшейся двери.

Легче победить диктатуру страсти,
чем диктатуру бесстрастных режимов.

Об одном палаче говорили:
«У него был изумительный удар».

Трагедия? Сидел одинокий человек в пустой комнате.

Бывает, уже звенит третий звонок,
а автор еще не придумал ничего путного
для следующего акта.

Часто случается,
что автор, не способный развязать узел драмы,
убивает героя вместо себя.

Как ты обходишься
с сэкономленным на жизни временем?

Вопрос, на который тотчас же не дан ответ,
размножается с устрашающей скоростью.

Я? Я люблю человека!!! Дело лишь в его определении.

Из тех бревен, что они не увидели в собственном глазу,
построили виллу.

Кабинет смеха.

Есть люди, коим не дано постичь свободы,
зато дан талант организовать несвободу.

Боль собственного *несуществования*.

Холод, голод, молот —
поразительные рифмы, созданные будто на заказ
для поэзии или революционной песни.

Предупреждаю о пагубности перенесения
положительного опыта с кастратами
в итальянской опере на территорию литературы.

Никогда не жди себя. Иди вперед.
Верь, что всегда себя догонишь.

Вот это сюрреализм — приливы и отливы сердца!

Мы словно средневековые алхимики:
синтезируем правду.

Нередко чувствую в ногах Агасферовы судороги:
марш, марш, марш дальше! Еще дальше от себя!
При этом суча навесу ножками,
как заводная игрушка, силой удерживаемая на месте.

Чем ниже опускаем свет, тем длиннее наши тени.

И человек может быть плагиатом другого.

Лучший способ скрыть истинные пороки —
заменить их подлинными достоинствами.

«Свежеиспеченный еретик» —
рискованная стилистическая фигура.

Перевод с языка соседей
связан с большими трудностями.

У многих орлов с обратной стороны — решка.

Необмысленные мысли? Это что-то!

Будет ли единое *всемировоззрение*?

И среди воробьев бывают орлы.

У кого нет дома, тот отворит его любым ключом.

По отваге человека можно судить, чего он страшится.

Сначала усыпи бдительность —
потом можешь сон смотреть сам.

Удобство. У кого нет точного адреса,
того смерть ожидает по собственному.

Держал циркуль и, воткнув острие в сердце человека
очертил огромный круг страха.

Мозоли изрекли: «Наша доля — страдание».

Не было никакой цензуры —
она сама себя конфисковала.

В реальности я был уже там,
куда бы не осмелился зайти в фантазии.

Гусь лишь тогда гусь, когда жареный.

Никто сегодня уже не пытается
создать искусственного человека.
С нас и этого довольно.

«Месть врагам!» — с этим кличем муха
срывается с липучей бумаги в бульон.

Склеивая осколки мыслей,
реставрируем какую-то громадную чашу смысла,
разбитую *Неведомым*.

Стоит ли верить вранью после его явки с повинной?

Бог издевается над сатириком.

Идеал: всю жизнь безмятежно кружить
на безопасном расстоянии вокруг да около своей цели.

Время все лечит? Нет, своим течением
оно лишь углубляет и расширяет рану,
и все прежние в ней исчезают.

История не повторяется? Возможно.
Но заикается.

Свет многих звезд дойдет до нас, когда нас уже не будет.
Живая любовь, бытующая между небытиями.

Иные носят наряд шута на одеждах мудреца,
другие — одежду мудреца на шутовском наряде.
Две породы шутов.

Среди его посмертных бумаг
обнаружено несметное число рулонов туалетной бумаги.
Таков был его протест!

Обязаны ли А и Я караулить прочие буквы,
дабы те не сбежали? Вопрос первоклассника.

Конформализм.

Классовая борьба в отдельно взятом трудящемся.
Особенно после выдвигения его на руководящую работу.

Бывает, покупаю у старшего конюха хлыст
и иду себе с ним домой.
Люди с уважением поглядывают на меня.
Может быть, думают, что у меня прекрасный экипаж.

На кладбище слов покоится немало достойных.
Но также и убитых и покончивших с собой.
Однако на этом кладбище еще верят
в чудо воскрешения и реинкарнации.

Даже у каплуна есть более высокие помыслы,
чем стать тушенкой.

Тем, кто боится взглянуть в лицо будущему,
даже невдомек, что оно может показать им свою задницу.

Его умственная обезоруженность
исключает всякую возможность поражения.

Такая странная «Угадайка»:
легкие вопросы, да и ответы всем известны,
однако никто их не дает.
Награды же достаются тем,
кто запрещает отвечать.

Когда человек не смыслит ни в чем,
он готов взяться за всё.

Замочная скважина служит также для того,
чтобы иной мог открыть глаза.

Некоторые вопросы рождаются только после ответов.

Творчество Икса — липа. Но иногда пахнет.

Попытки победить ложь правдой
всегда оказывались тщетными.
Уничтожить ложь можно только еще большей ложью.

Кто не закрыл этот кран,
через который в резервуар вечности капают мгновенья?

Национальный недуг — повальное бессмертие!

Не всегда там, где не спят под мостами,
решен жилищный вопрос.
Просто все мосты являются военными объектами.

Нередко угрызения совести
мучают из-за чересчур добродетельной жизни.

«Ничего нам не досталось даром — всё украли сами»,
с гордостью утверждают воры.

Время от времени выдумывай,
ищи для себя новых прозвищ, эпитетов!
Отлично позабавишься,
пока вдруг не зациклишься на одном слове.
Игра ли это еще? А может, уже самонаблюдение?

Поэт Икс никогда не был орлом,
но с годами стал белой вороной.

Новое звание: *субординат*.

Когда нет выхода, войди в чужое положение
и выйди оттуда, как другие.

Между моим помыслом и вашим домыслом.

Сырье для чудес.

Тюрьмы, где в решетках витражи.

Афористеры.

Наполненный жизнью — огрызок совести.

И диеты подвластны диалектике.

Медаль: *За пассивную службу.*

Ночью на Икса напали несколько грабителей.

«Твое представление о счастье?» —
спросил его их вожак.

«Удачно ответить на ваш вопрос!» —
пролепетал напуганный Икс.

«Твое счастье!» — захохотал налетчик.

Знаю одного скульптора,
произведения которого были уничтожены в военную годину.

Осталась лишь живая модель его изваяний.

Я вижу испуганные глаза скульптора,
когда он глядит, как эта модель
с годами становится все более хрупкой.

Когда я задумываюсь всерьез,
мне виден весь комизм мира.

Суды верховные и городские, районные суды
и... предрассудки.

В одной и той же пьесе время каждый раз
отдает лавры героя совсем другой роли.

У авторов наскальной живописи
было прекрасное оружие против критиков —
дубина.

Подтяжки поддерживают брюки морально.

В конце концов ложь оседает на дно правды.

И Искусство с большой *И* оканчивается маленьким *о*.

Коротенькие произведения
могут претендовать на большую популярность.
Они поддаются простукиванию.

Если ты убежден в своем благородстве,
проведи расследование: кто тебя в этом убедил?

Никогда не наслаждался сказками:
думал, что это реальность.

Можно дать в руки варвару нож, браунинг или пушку.
Не давайте ему только пера —
он вас превратит в варваров.

Мифомуть.

Я был свидетелем исторических событий,
до того осязаемых,
что хоть режь их как сало.

Его уши были так длинны,
что доставали до чужих ртов.

Можно обойтись без лица — лишь бы был нос.

Птицы окрыляют наш взгляд.

Это неискоренимое мировое безмолвие!

Сановник от литературы.

Если бы он не был сломлен, то закоснел бы.

Реализм — это то, как нам велят видеть реальность.

Такой лучезарный мир!
Портят настроение лишь те, кто утверждает,
что он еще лучезарнее.

Откуда взялся смысл,
который мы вкладываем во всю эту бессмыслицу?

В безвыходных ситуациях иные прекрасно устроились,
не боясь принудительного выселения по суду.

А может, окружающий мир —
это всего лишь потемкинская деревня
перед инспекцией некоего демиурга?

Мы изменились до неузнаваемости.
С тех пор, как изменились.

Из Десяти Заповедей я вывел одиннадцатую:
краткость.

Ни словом мы не обмолвились друг с другом.
Со времён младенческого безмолвия.

Шучу легко — с трудом смеюсь.

Ордена висят на нем словно висельники.

Пусть дорога человека от животного до животного
будет нескончаемой.

Я из тех пессимистов,
которые верят в проигрыш дурного дела.

Кто не верит в прогресс,
пусть наведается в казематы Шпильберга *.
Какими примитивными инструментами пытали тогда!

Будьте бдительны:
ангелы гораздо ближе к сатане, чем к людям!

«Непричесанные мысли» —
это цитаты из трагифарса моей жизни.
В совокупности — они нецензурны.

Какой транжир —
тремя крестиками подписал смертный приговор!

С древа познания, плохого ли, хорошего,
плод падает еще зеленый.
Дозреть ему придется в нас.

Когда я теряю веру в себя, то напоминаю себе,
что живу на звезде и свечу в черноту серебристым светом.

Временами уже и фундаменты заслоняют горизонты.

Не в каждой стране власти поощряют мышление.

* Старинный замок в Чехии. До середины XIX века — австрийская тюрьма.

Экспериментальные вечности существуют!

Еще раз нырнуть в небытие
и наконец родиться самим собой!

Даже в искусственных джунглях моих метафор, каламбуров,
словесных игр и прочей поэтической галантереи
меня находят открытия конечных истин.

Интеллектуальная засуха заливает нас дождями слов.

Боюсь, что, подыгрывая вам,
я когда-нибудь дотронусь до струны,
оказавшейся леской удочки, на которую попался Левиафан.
Я вытащу его, и он проглотит мир.

Ни один Бог не пережил потери верующих.

Колесованный счастьем.

Современные Пифии * не сидят на треножнике —
исключительно между двух стульев.

Важность мгновения нуждается в улыбке.

* Пифия — жрица-прорицательница в Дельфийском храме Аполлона.
Пророчествовала, сидя на треножнике.

Искусство выставляет напоказ
озирающегося по сторонам человека.

Вначале была вступительная статья,
в конце — некролог.

Глупость не спасает. Из ослов делают салями.

Временами мне кажется, что некоторые люди
прячут от себя свои мысли во мне.

Ах, кабы смерть была платной!
Я, должно быть, скряга.

Оскорблять следует комплиментами!

Я делаю безумную вещь:
тремя словами побуждаю людей к мышлению.
Им же угодно читать десятки слов,
лишь бы не думать.

Иногда Мысль является, не застав Человека.
Так, необмысленная, и поживает.
Или — взрывается бессмысленным поступком.

Как будут пристыжены редакторы календарей того года,
который стал концом света, —
за то, что не отметили его красным.

Основой рационализма является вера в разум.

Смертельная скука экзекуции.

Неужели он отнял у моей мысли целый час?
Да что б ему вечно мучаться в аду!

Незнание мира было бы своеобразным прогрессом.

Графоманна.

О, эти ночные эклектические оргии!
Обнаженные всех эпох — барокко и готики,
ренессанса и рококо, античности и искусства отстранения —
сплелись в созидательной страсти.

Ремонт воспоминания.

Попадайте в десятку,
чтобы не ранить оставшиеся шансы.

Дивишься этому организованному Мнению:
его голос неожиданно доходит из самых различных мест.

Поцелуй унаследован поколениями
путем устной традиции.

Кирпич в здании обязана держать функция,
а не раствор.

Иной раз мысль с такой скоростью промчится в голове,
что было бы варварством ее ухватить.

Целые библиотеки написаны
о необходимости краткости.

Те, кто укрывают Правду во лжи,
должны быть готовы к тому,
что ложь, подвергшись угрозе,
сама когда-нибудь захочет укрыться в Правде.
По праву реванша.

Археология — наука будущего.
Кто ж не работает на нее?

Мы несправедливы ко лжи:
она любой ценой хочет быть правдой.

Огня плевками не погасишь.

Автор способен совершить самоубийство,
метя во вкус публики.

Законность чувств обычно стерегут евнухи.

Субординация воскресных посетителей кафе.

Чувствуем себя как рыбы,
которых кто-то поймал в сеть,
но не вытаскивает на берег.

Был мудрее своих мудрых предшественников.
Знал, что не следует быть таким мудрым.

Уметь читать между ненаписанных строк!

Угрожение совести.

Люди после смерти могут перестать жить.
Но не расти или уменьшаться.

Не знаю, верю ли в существование души,
но точно — в бездушие.

Некоторые видят одно и то же правым и левым глазом
И считают это объективизмом.

Часто браки не имеют смысла. А дети?!

Умные устанавливают законы,
менее умные их соблюдают. А не наоборот ли?

Люди! Я смеялся с Вами, я смеялся для Вас.
Когда Вы не стали еще людьми, я смеялся против Вас.
Но никогда я не смеялся над Вами.

Будучи обезьянами,
они уже сидели на генеалогических деревьях.

«Когда он смотрит на меня, — сказал Икс о Зете, —
вижу, что в его глазах отражается глупость».

Подивимся же вместительности потустороннего мира!
Молча, без шумихи. В любую пору дня и вечной ночи.

Сколько же гениальной литературы
зачалось на следствиях!

О, этот гарем мыслей!
С каждой мимолетное сожительство.
И вот вам потомство!

Только подумать: мир возник в то время,
когда все отделочные работы нужно было
производить вручную!

Одна лишь видимость, что ее сотворил.

Не люблю смеха сквозь слезы.
Он разбавлен водой.

Плод, любовно взлелеянный садовником,
падает, превратившись в мармелад.

Трагедия, драма, комедия или фарс —
это одно и то же событие,
увиденное лицом к лицу, сбоку, сзади,
вблизи или издалека. Но разными людьми.

Можно создать себя из ничего.
Но это *ничто* должно быть наивысшего сорта.

Внутренний монолог чревовещателя.

Искусство разбрасывания поклёпов в том,
чтобы бросить их как можно ближе.

Вызвал *каламбурю*.

На вершину своего совершенства
нужно смотреть свысока.

Стартовали в неравных условиях.
Одному дали пинка.

Некоторые снимали перед гильотиной фригийский колпак.
Вместе со своими головами.

Великий Творец умеет навязать миру свою форму,
так что каждое его создание
бесспорно реалистично.

Безбожники — это люди верующие,
но которые не хотят ими быть.

Думал, что разжился на вторую личность,
а всего лишь разломился на двух полулюдей.

Мы распяты на циферблате часов.

К тому, кто не проводит реформ,
постучится Реформация.

Что было, то было? Ничуть.
Одним росчерком пера можно изменить прошлое.

Довелось услышать и такой ультиматум:
«Я дам вам спать спокойно,
если перестанете видеть сны».

Порой слово, произнесенное в надлежащую минуту,
созидает миры.

Коллективные ореолы.

Чтобы поклоняться Истине, надо сначала ее познать.
Обыкновенный *savoir-vivre*.

Этот писатель не нажил собственного дома?
Он даже собственного мира не сотворил.

Настоящий творец — приключение для себя самого.

Петух, который голосит уже в яйце,
не годится даже на яичницу.

Может, и Дворец Правосудия
следует начинать строить с подвалов?

Догматолух.

Иных доставлять в рай нужно в кандалах.

Эх, кабы в самом деле существовало столько времен,
сколько в грамматике!

Следует отцедить правду ото лжи
и, воспользовавшись этим, вместе с ней
незаметно вытечь через какую-нибудь дырочку в сите.

Уже стоят на собственных четвереньках.

Взираем друг на друга сквозь заграничные очки,
купленные у нас же.

Сейсмограф, регистрирующий трясение депутатов.

Интересует меня человек. Следовательно, всё.

Пустота все чаще требует
расширения жизненного пространства.

Всегда подозреваю,
что у этого писателя кровоточат геморрой его души.

Когда народ наг,
на него надевают смирительную рубашку.

Коллектив не должен быть безымянной братской могилой

Вот плагиатор — берет парадоксы прямо из жизни.

Напрасно философы надеются
успеть вывести последние формулы
до заполнения Последнего формуляра.

Убили в нем чувства, а теперь пальцем тычут:
«Этот человек лишен чувств!»

Очаровательная нелогичность логики превращает ее в искусство.

После конца света, слава богу, катастрофистов уже не будет.

Есть наследники будущего!

Наверное, мы утратили все чувства, которыми обладали. Кроме тех пяти.

Уйдем в забвение. Но и оно нас не удержит.

Стоит ли стремиться к взаимопониманию, чтобы возненавидеть?

Зловеща эта религиозная система — монотонность.

Никогда не отступал.

Просто разворачивался и шел вперед!

Нельзя ничего себе на ухо сказать.

Отсюда несть числа несчастьям.

Нужно быть надолго отлученным от жизни, чтобы хоть на миг стать бессмертным.

Кто впадает в гиперболизм, рискует свернуть себе шею
и при этом остаться как бык здоровым.

Оптимизм и пессимизм, смешиваясь,
взаимно не нейтрализуются,
зато удастся безумно вкусный салат.

Романс macabre *.

Я пережил времена страшной скуки,
которую смягчал только страх.

Садизм чаще всего проявляет себя
в отсутствии какого-либо чувства.

О, это превосходный врач:
он выдумал несколько болезней
и даже сумел их широко распространить.

Сказали мне духи расстрелянных:
«В наши убеждения не попали».

Слагаемые множества талантиков
дают в сумме один гигантский талантлик.

Родителей рождает ребенок.

* Похоронный (фр.).

Спрашивай, постоянно спрашивай себя,
пусть даже упорно отказывая себе в ответе.

Некоторые мерзкие типы мне дружески подмигивают,
словно убеждают: мол, если бы нас не было,
то и тебя бы, сатирик, не было.

Мечта тиранов: укоротить своих граждан на голову,
сохранив им при этом жизнь.

Этот писатель создал собственную школу,
в которой был наихудшим учеником.

Ведь если б смерти не существовало,
люди задохнулись бы на этом свете в давке.

Публицистичный дом.

Иных можно гипнотизировать,
упорно поворачиваясь к ним задом.

Чтобы победил рационализм,
нужно увеличить рацион.

На спиритических сеансах
нелегко вызвать духи поэтов без духов их цензоров.

Когда я вижу в музеях
орудия убийства тысячелетней давности,
коиими и сегодня можно убить человека,
думаю о том, как ничтожен
технический прогресс человеческого тела.

Истертые слова не блестят.

Каждая мысль существует в диапазоне
от гения до кретина.

Одно предложение писателя
позволяет воссоздать его всего,
подобно тому, как по кости допотопного зверя
можно прочесть о пропорции
его величины и формы.

Иные художники творят
по принципу ярмарочного калейдоскопчика.
Немного цветных стекляшек, осколок зеркальца —
и всем этим встряхивают,
чтобы сложились случайные, обманчивые композиции.

Слова — это некрологи мысли.

Старый лев будто бы регенерирует.
И, что любопытно,
проявляет все признаки молодого осла!

Иное действие можно заглушить
исключительно аплодисментами.

Фундаменты не глубже дна человеческой могилы.

Учись терпению: это единственное,
что тебе пригодится даже после смерти.

Пуская корни, выясни, высоко ли сможешь вырасти.

И кровь можно проливать из пустого в порожнее.

Потеряв невинность,
уже нет надобности рвать на себе одежды.

Человеку долго не выдержать битья.
Даже биение сердца заканчивается смертью.

Поздно бить тревогу кандалами!

Многолетние непрерывные усилия мысли окупаются:
под конец они оставляют блаженное ощущение
полной усталости.

Помню, он лежал мертвый с красным отверстием во лбу.
Вооружен был только до зубов.

Возводил бы собачкам памятники.
Чтобы им было где задрать ногу.

Некоторые должны смеяться аж до слез,
другим довольно просто плакать.

Творцы скромнее обыкновенных людей:
они бы ограничились бессмертием своих творений.

Не верил бы, может, так горячо в неувядаемость
патриотизма,
если бы не знал, как неисчерпаемы запасы ксенофобии.

Да не всучим смерти чертежей механизированных косилок!

Людоеды, наверное, воспринимают
употребляемое ими человеческое мясо как дичь.

Он испустил Дух Вечного Революционера
и теперь пышет здоровьем.

Несчастный, ты спокойно спишь
и не знаешь о грозящем тебе счастье,
о котором пекутся тысячи людей!

Уже в семени дерева прорастает его тень.

Самолюбие ласкает чужими руками.

Если окажется, что во вселенной есть существа более интеллектуальные, чем человек, тотчас следует привлечь к ответственности наш аппарат образования.

Кто понял свою роль в жизни, тот заблаговременно нашел себе дублера.

Подобно злым сестрам Золушки, отрубавшим себе пальцы и ступни, лишь бы натянуть туфельку, некоторые люди отрубили бы себе голову, лишь бы натянуть лавровый венок.

Эх, кабы для всего Земного шара можно было бы сочинить такие затейливые правила, как в футболе!

Смерть одинока. Как только выберет себе кого-то, тот сразу и умирает.

Распространять правду можно изустно, а для популяризации лжи обычно служит аппарат.

Продавец кузнечиков.

Некоторые, не умея по-иному достичь цели,
стреляют в нее.

Слова плодятся как кролики
и съедают у нас всю зелень мира.

Во времена ереси теплее. От костров.

Я был у границы страданий. За ней была смерть.
Поэтому, возвращаясь,
мне надо было вновь прогуляться через страдания.

Человек постоянно в опасности.
Он из съедобного материала.

Что я хочу сказать? Если бы я мог это сказать,
ты бы меня об этом не спрашивал.

Эпохи вер и идей также не обходятся без пещер,
где гнездятся люди.

Не все длинные уши принадлежат ослам.

Не знаю, слово ли создало мир,
но боюсь, что слова его уничтожат.

Сколько же крови утекло с тех пор!

Скажи, над чем смеется народ, и я скажу,
за что он готов пролить кровь.

Был свидетелем этого сеанса рационалистов,
вызывающих Дух Прогресса.

Что? Жалобы на алкоголизм?
А дано ли простому гражданину познать вкус нектара?

Уже ночь.
Надо мной в тесных башмаках ходит мой сосед сверху.
Через потолок просто чую его потные ноги.

Признаю превосходство неартикулированной речи
над переделанной на язык артикулов.

Некоторые диктаторы — извращенцы:
любят, когда к ним подлизываются остроязыкие.

В эпоху романтизма были модны искусственные руины.
А мы — до чего же неромантичны!

Читал автобиографию, завершающуюся воскрешением.
Да разве только одну?

Некоторые вещи остаются у человека в голове.
Похоже, по забывчивости.

Иные события словно нацелены на определенные наборы слов,
подобно кассовым аппаратам или таинственным дверям.
И лишь бесхитростные губы или случайная ладонь
в силах вернуть их из хаоса.

Порой некто, утомленный мятежом,
отдыхает в кресле власти.

Время от времени наступает такая тишина,
что вокруг слышны внутренние голоса людей.

Иногда Каинову печать необходимо прикрывать
терновым венцом.

Как можно меньше выражений,
как можно больше выражения!

Игра слов, говорите, мелочь? Это зависит от ставки.

Не могу ручаться за свое воспитание,
поскольку громко думаю.

Существует ли прогресс?
Ведь вся вселенная вертится по кругу.

Стихотворение должно быть истерзано жизнью,
а не пером.

Застукали нас всё на том же — на бытии.

Дух Противоречия странен тем,
что может обрести плотью конформиста.

Благотворительность — *благопассивность*.

Известно: человек создал ад и рай.
Осталось только выяснить, кто же создал мир.

«Как можно быть профессиональным сатириком?» —
спрашивают профессиональные энтузиасты.

Кому скучна правда, выраженная в изысканной форме максим,
тому грозит познать ее менее искусным способом.

Гормоничное развитие.

Верхи входят в контакт с низами
лишь во время землетрясений.

Дьяволу в любом головном уборе рога не помеха.

Словом создан только мир да несколько поэм.
Не более.

Алибидо.

Является ли проблема власти только проблемой власти?

Нельзя допускать неграмотных
к ликвидации неграмотности.

Не показывай пальцем — покажи собой.

Лишь творческая душа бессмертна.
Она дробится на мысли и вкладывает их
во всё новые и новые поколения.

Всю жизнь я контрабандист.
На границе лирики и сатиры.

Пишет локтями.

«Быть свободным, как птица?»
И всю жизнь насвистывать одну и ту же песенку?

Я знаком только с воскресным экземпляром
этого человека.

Крикливый писатель.

Лишь точность сверхотдаленной аллюзии
творит поэзию.

Иной раз сапог победителя принадлежал побежденному.

Не буди совести палачей —
разбудишь их добросовестность.

Музыкальная мясорубка для перемалывания людей —
идеал цивилизации.

Лишь бы не передрались те, кто заказывает музыку.

Я вообразил поэму из одних дат.
Она была уже написана кровью.
Осталось лишь переписать ее чернилами.

Взглядом пронзил его насквозь. И что же?
Он мне испачкал фон мира.

Веду бессмысленную жизнь! Мыслю без передышки.

Есть эхо, которое лишь подслушивает.

Наука подтверждает наши ложные представления.

Моде подвержено все.

Даже умирают люди в каждую эпоху по-новому.

Если бы он увидел у водополя живого оленя, выстрелил бы в него. Не из охотничьего азарта, а исключительно из эстетических побуждений.

В промежутке между *тем* и *этим* небытием нужно самому беспокоиться о хлебе насущном.

Собственная смерть нас завораживает. Мы затаиваем дыхание — и, как оказывается, несколько чересчур.

Прогресс медицины положит конец либеральным временам, когда обыватель мог себе позволить умереть, когда хотел.

Они крадут мысли из моих глаз.

Истинный мудрец может себе позволить и глупость.

Помни: выходя на чужой след, ты оставляешь свой.

По крайней мере психопаты уверены, что обладают «psyche»*.

* Душа (греч.).

Ломай синтаксис, если он не в меру задубел для мысли.

Бывают писатели — иллюстраторы грамматики.

Только идеалистам не дано достичь идеала.

Уточняя мысль,
мы ограничиваем ее творческую свободу.

Не все рождаются сразу,
некоторых приходится выгонять по несколько раз.

Был превосходным собеседником:
давал и другим вымолвить слово.

Я не вогнутое и не выгнутое зеркало,
я стараюсь быть идеально гладкой поверхностью,
чтобы люди отражались в ней с беспощадным реализмом —
без надежды на психологическую компенсацию.

Кто был министром культуры и искусства
во времена Шекспира?

Сколько же пупов земли!

Нельзя остановить время.
Подобное не допустила бы часовая промышленность.

Считаю себя в той же степени эпигоном старых мастеров, в какой следующий год является эпигоном предыдущего.

Для гения он обладал слишком большим талантом.

Сюрреализму так и не удалось выйти за рамки фантастики «египетских сонников».

Выхолащивают сущность Бога те, кто воспринимают Его как факт, а не как гениальную Идею!

У этого критика нет третьего уха и двух первых яичек.

Пластинки нашей молодости сипят нашими голосами.

Стыдно идти на уступки? Побеждай!

Не удивляйтесь, когда, переступив врата ада, окажетесь перед ступенями, ведущими вверх.

Обратите внимание: когда *finita la commedia* — тогда у придворных шутов свободного времени хоть отбавляй.

Антисенаймиты.

У такого-то народа, говорят,
не заметна интеллигентская прослойка?
Так ведь она никогда не бывает сверху.

А может, счастье прячется под каким-то псевдонимом'

Справедливость требует признать,
что он хоть затыкает другим рот,
зато самозабвенно разглагольствует от их имени.

Когда люди в смятении,
время течет особенно медленно.

Неужто должна наступить ночь,
чтобы у вас наконец просветлело?

Повеяло ветром истории?
Да нет, это размахивают знаменами.

Мысли должны быть краткими.
Однако их не следует укорачивать на голову.

Адам и Ева положили начало
массовому производству человеческой плоти,
а Авель и Каин — души.

Пришлось взять вторую ставку.
Собственного внутреннего цензора.

Непонятно: чем выше висит колбаса,
тем мельче становятся люди.

Явления сходят на нет. Остаются только сноски.

Для плодов времени — на ветвях вечная осень.

При их появлении люди ликовали.
От страха.

Музы размножаются.
К сожалению, путем почкования.

Мир между людьми возникает из борьбы идей.

По ночам человек часто выкрикивает
в пустоту свои вопросы.
Но бывает, вскоре получает неприятные ответы.
Письменные.
С печатью.

Уверен, есть дешевый сорт фантазии,
что на самом деле —
лишь бестолковщина самой действительности.

Сделавший намек не является его автором.

Свобода, равенство, братство.
Как дойти до глаголов?

Мы всегда на границе помешательства.
Сумасшедшие и благоразумные
ежедневно переносят пограничные знаки
с места на место.

Глупцы не так глупы: они всегда в большинстве.

Хотите выжать слезы из глаз тирана —
возьмите его за кадык.

Думает, что он пуп земли.
Его сбивает с толку расстояние от головы до собственного пупа.

Развлечение: отгадывать загадку уже существующей разгадки.

Если бы Сотворение Мира делалось за государственный счет,
сколько материала извели бы без пользы!

Слова всё более истерты, но оттого и более прозрачны.

То, что годы идут, это ничего. Но в какую сторону!

Сочинил музыку к пляске святого Витта.

Хватит ли у цыган характера,
чтобы не осесть ни на одной планете,
а кочевать дальше по космосу?

Мои слова будят намеки? А мое молчание?

Сэкономил на мышлении солидный запас глупости.

Не нравятся мне те,
кто на красный флаг смотрят через розовые очки.

Люди не знают геометрии —
ищут угол на земном шаре.

Ликующая оппозиция выражала свою лояльность,
подбрасывая в воздух собственные головы.

Читаю все с некоторым опозданием.
Третьего дня обнаружил сообщение,
что Бог создал человека.
Заинтересовало оно меня невероятно.

Одному деспоту было угодно,
чтобы в его дворце висели лишь вогнутые и выгнутые зеркала.
Он хохотал до упаду над своими карикатурными отражениями.
Однако везде были запрещены обычные зеркала.

Евреи всему виной. Это их Бог всех нас создал.

Это нездоровая страна. Полно астматиков.
Все твердят: «Здесь трудно дышать!»

По чему я догадался, что это женщина?
По себе.

Грустно, что жизнь литературного произведения
не может быть дольше вселенской жизни.

Вновь побывал в Вене. Как же я изменился!

Сатирик! Удивляешься, что тебя не слушают?
Да ведь ты говоришь правду в глаза,
вместо того чтобы шептать ее на ушко.

Думай! Может, что-нибудь тебе и придет в голову.

Как образуется futurum? Из perfectum.

Верю: когда-нибудь мудрецы уразумеют,
для чего служит мозг.

Ответ никогда не зависит от вопроса.
Но — от человека.

В слове заложено всё — даже его ложное значение.

И человеческий дух встанет когда-нибудь
на задние конечности.

Был свидетелем, как золотого тельца
жрали золотыми зубами.

Да здравствует черное прошлое Африки!

Чем он был известен? Тем, что жаждал известности.

Каким же неестественным становится мир!
Сегодня терновый венец сделали бы
из колючей проволоки.

Выиграть битву — это ладно.
А вот не быть отравленным на пиру победителей!

Работают над повышением уровня дна.

Можно обладать профилем, не имея лица.

Любил себя. Нужно признать,
что на это ушло немало прекрасных женских тел.

И несправедливость была,
видимо, несправедливо распределена.

Иные стилисты тупы как сапог,
натянутый на правило * языка.

Усовершенствование цензуры —
вымарывать не критические выпады, а события,
вызвавшие их.

Инквизиторы получают представления о свободе
из показаний заключенных.

Собрался писать воспоминания.
И знаю точно: как только дойду до того мига,
когда в меня целятся,
то пуля меня на этот раз не минует.

Варианты одной и той же мысли
порой дальше друг от друга,
чем два совершенно чужих человека.

Когда кто-то борется с самим собой,
держись от него подальше:
он может принять тебя за себя.

* Игра слов и смыслов. Подразумевается еще и «сапожное пра

В пылу дискуссии хотелось порой извиниться
перед этим типом и шепнуть:
«Простите, у вас рот расстегнут».

Дано же нам сознание ожидания смерти,
зато отнято — ожидания рождения!

И евнух хотел бы вновь начать ab ovo.

По-разному складывается жизнь. До могилы.

Рай не должен даже уметь вообразить себе Ад.

Он потерял голову. Из-за ореола.

У него гибкий позвоночник:
мог припасть к кормушке и не выпасть из седла.

Берегитесь его: он макает нож в чернила.

Бывали времена, когда людям,
требующим право на молчание,
даровали его в принудительном порядке.

В каждой стране пользуются ограниченным запасом слов.
Поэтому чем чаще ими пользуются правители,
тем меньше их остается для болтовни подданных.

Кто «должен»? Посмотрите в графу «кто имеет».

Цивилизация вооружена уже только милитаризацией.

«Попал в нужный тон», — говорят всегда,
когда я сфальшивил. Разница в слухе.

Кто опережает свое время,
нередко умирает преждевременно.

Не странно ли: именно угрюмые
наиболее чувствительны к иронии?

Нет, никакой он не автомат.
Хотя в него и бросают деньги,
но взамен он ничего не дает.

Ему не надо было сгибаться в поклонах —
всегда лежал плашмя.

Как же трудно жить счастливой жизнью пастыря
среди этих баранов!

Голова — это пересыльный лагерь мысли.

Сонетоиды.

На дне Стикса.

Для карликов ничто не бывает слишком низким.

Если течение отделилось от истока,
то у вас еще есть шанс утонуть в устье.
Когда исток высохнет.

Подумать только:
люди во тьме, как кроты, продираются друг к другу
только ради того, чтобы набить морду!

Иной раз зло берет на тигров:
они у себя в джунглях совершенно не следят за своим мехом
И какие же изъяны обнаруживаешь потом
на этой шкуре у себя перед кроватью!

Пустота в голове
расширяет свободу действий личности.

Вы ищете во мне второе дно?
А вашего вам уже мало?

День не ждет петуха.

Душа, не лезь вон из кожи!

Есть мнения — будто плевки.

Иные стремятся к звездам,
чтобы привинтить их себе на погоны.

А что, сам человек разве не сойдет
за собственный паспорт?

Если бы людям когда-нибудь пришлось вымереть,
то мысль нашла бы себе другое место инкубации.

Рвал свою жизнь на часы, минуты, секунды,
думая, что интервалы между ними продлят ее.

Увы, он не дорос до своего времени.
Получил в лоб, тогда как целили в ноги.

Людей иногда можно разделить на антипатичных
и *антипатетичных*.

Не ходи в Польшу — поедешь в Ригу.

Побаиваюсь тех, кто отдает какому-то делу сердце и душу.
Потом они нередко теряют и сердце, и душу.

Писатель Икс? Бог не дал ему таланту.
Правда, он утверждает, что сам не взял.
Ибо атеист.

Откуда черпаю мою великую силу?
Из моей великой усталости.
Ощущаю ее шпоры, понукающие меня.

Подобно сюрреализму есть и *сюрсоцреализм*.

Иногда стоит переждать,
пока твои недруги не захвалят друг друга насмерть.

Он не знал срывов. Да и с чего?

Что ненавижу у сатирика? Его критиков.
В рецензиях о нем они силятся быть остроумными.

Сколько же стервятников сдохло
у отравленной сознанием печени Прометея!

Они в гневе взметнули кулаки,
однако, поднеся их к виску, салютовали.

Настоящего актера не может заслонить занавес.

Для некоторых актеров автор — лишь суфлер.

Эротическая лирика:
От меня до Тебя ближе, чем от Тебя до меня.

Когда отомрет воинская доблесть
(вследствие массовой технизации),
у генералов будет возможность
блеснуть гражданским мужеством.

Иной раз нужно встать на голову,
чтобы пнуть кое-кого наверху.

Думаю, что модель совершенного человека
уже существовала не в одном экземпляре.
Но держали это, как полагается, всегда под замком.

Порой надо лишь продержаться до похорон,
чтобы залп, нацеленный тебе в грудь,
грянул в воздух.

Актер, стоящий лицом к публике, должен следить,
чтобы не стать задом к искусству.

«Нужно ведь что-то сказать», — произнес он.
И сплюнул.

Как сохраниться после смерти? Попасть в учебники!

Кое-кто из мистиков утверждает,
что я слагаю свои мысли из бессмыслицы других.

На клетках льва и скунса поменяли таблички.
Минула эпоха, пока это обнаружили.

Вот бы суметь переждать Вечность
и дожждаться того момента,
когда можно измерить себя человеческой жизнью!

До чего велика любовь человека к самому себе.
Увидев себя новорожденным, я уверен,
он подстелил бы собственный штандарт вместо пеленки.

Мысль трусит к цели, как бобик:
то, как подобает псу, погрызет старую обглоданную кость,
то погонится за перышком, то понюхает обсиканную фиалку.

Легче из трех слов сделать сто, чем из десяти пять.

Глас вопиющего в пустыне лучше звучит в ванной.

Те, кто держит других на казенном хлебе и воде,
сами живут исключительно на казенных хлебах.

Вот аскет — не употребляет себя вообще.

В любой системе веры — ни на волос.
Из бороды пророка.

Когда кого-то обгоняешь, смотри,
дабы не оказаться в роли убегающего.

Формой литературной критики
являются также и писательские гонорары.

Странно: там, где преследуют мысль,
она часто стоит на месте.

Слова нас провоцируют,
и нам хотелось бы их все испытать на практике.

У него вместо рта ухо,
что говорит о многом.

Что мы знаем о душе? Что она есть?
Получается, это меньше, чем если бы ее не было.

Его гроб сбит из сценических досок.

Скольким же людям
человек в собственных воспоминаниях
должен заново представиться!

Задача нового искусства — подъем человека
на всё более высокий уровень страданий.

Иногда юбилеи побуждают перелистать кодекс:
настал ли срок давности для иных деяний?

Человек задумывается над целью своего существования.
Возможно, и устрицы занимаются тем же,
если, конечно, какой-нибудь гарсон из ресторана
им уже это не открыл.

Последнее время пошла мода на лисий мех.
Ох, хитры же эти лисы!

Бывает, на премьере испытываешь такой катарсис,
что дальнейшие спектакли не имеют смысла.

Реалии нежелательны.
Это хорошо знакомо человеку, норовящему затаиться.

На толстокожих костюмы сидят лучше.

Голосом эпохи становится порой шепот миллионов.

А может, смерть — это то же бытие,
но лишенное анекдота?

Идея глубоких мыслей лежит на поверхности.

Нередко человек свободнее дышит в узком кругу.

Его заключили.

В рамки картины, висящей над столами.

Не один осел впрягся в колесницу победителя,
выдавая себя за коня.

Люди, уподобляющиеся своим портретам,
становятся двумерными.

Нужно поднять среднюю человеческой жизни —
иначе человек не окупается.

Карьеру сумасшедшего можно сделать,
к сожалению, лишь в нормальном обществе.

Осесь на лаврах * и пенатах.

Для нас наиболее очаровательный элемент сказок —
примитивизм их чудес.

По сравнению с достижениями современной науки.

Лишены ли души астральные тела?

Ах, провалиться бы сквозь землю и увидеть звезды!

* Обыгрываются *Лары* и *Пенаты* — древнеримские божества дома и очага.

Быстрее всего неграмотные выучиваются выводить знаки времени.

— Знаете, — сказал мне недавно кто-то, — чаще всего евреи уговаривают нас вернуться к вере первых христиан. Легко им говорить — они уже обрезаны.

Я был свидетелем такой сцены.

Один спрашивает другого:

— Вы встречаетесь с паном Икс?

— Да, — отвечает тот. И получает звонкую пощечину.

— Будьте любезны, верните ему мой долг.

Не люблю разговоров профессионалов.

Но еще больше — непрофессионалов.

Подбитые тенью.

Мастера низкого полета отдыхают порой на самых высоких ступенях общественной лестницы.

Удивляетесь, что я смотрел в глаза смерти без волнения?

Но ведь перед этим смотрел я в глаза жизни.

Самое страшное, если Страшный суд передаст подсудимых военно-полевым судам.

Нет единых языков.

Есть диалект правящих и диалект управляемых.

Ах, мои Пирровы победы,
скольких любимых врагов они мне стоили!

Что знает о животных зоолог,
наблюдавший их только в неволе?
А что знают о человеке те,
кто наблюдали его только на воле!

Натуральный терновый венец невозможно носить долго —
терния крошатся.

Некоторые еженедельники публикуют свои материалы
под рубрикой: «Читается минуту».
А в иных странах на обложках
привезенных из-за границы книг
нужно подпечатывать: «Читается час — сидится год».

Колокольчики на шутовских колпаках
вводят в заблуждение собак Павлова.

В государстве Икс уголовникам
вычтено из тюремного срока
время их пребывания в государстве Игрек.

Как существует анонимное творчество,
где художник неизвестен,
так существуют и творцы,
являющиеся истинными художниками,
хотя ничего не создали.

Есть лишь Одна Мысль,
которая живет в каждой голове,
в каждое мгновение, в каждом месте.

Поэзия — это взрывной заряд, который убивает,
если не взрывается.

Кто же способен противостоять искушению родиться?

Настанет время, когда без указания даты
не поймешь смысла ни смеха, ни вздоха.

Тираны не любят тирании.
Присмотрись к ним, когда они под башмаком.

У ярма порой форма ордена.

Морщины на челе — от горизонтальных удивлений.

Если бы орлов оципывали,
тоже выглянула бы гусиная кожа.

Не претендуй на повышение интеллекта
твоих противников.

Они прочитают твой смертный приговор по-латыни.

Он шел по трупам идущих к цели.

Согласен представлять всё человечество.

Но перед кем?

Вопрос, рождающийся после каждой человеческой смерти,
бесцеремонно кричит голосом новорожденного.

Как же чист был жест Пилата.

Нельзя быть только невежливым.

Когда-то надо быть и разъяренным.

Будем внимательны:

в каждом мифе заключено зернышко правды,
которому, возможно, суждено вновь стать
нашим хлебом насущным.

Идти от победы к победе ради того,
чтобы другие ехали с ветерком?

И я некогда принадлежал к числу
тех непростительно глупых сатириков,
которые высмеивали преступление.

Я реалист, поэтому никогда не забываю,
что жизнь — это сон.

Это была не мертвая точка, а убитая.

Этот человек настоящая развалина,
брошенная даже призраками.

Временами круг сужается до точки над *i*.

Задал мне кто-то недавно вопрос:

«Почему я до сих пор не создал свой проект мира?»

Думаю, все дело в моей «извращенной оригинальности»,
ибо теплится во мне подозрение,
что я не избежал бы плагиата.

Всё тоньше различие между мастерством и дилетантизмом.

И в этом едва заметном интервале
скоро способен будет уместиться лишь большой гений.

С него соскребли бронзу, а это был золотой человек.

Порой не понимаю собственных мыслей.

Но я не гордый: знаю, что мне их другие объяснят.

Счастье, что деспоты порой принимают дьявола
за козла отпущения.

Меблировал свой мир только реалиями —
не на что опереться.

Стань человеком! Обезьянам это уже удалось.

То, что он всюду сует нос, еще не означает,
что у него есть лицо.

У него не хватало последнего тома энциклопедии.
Не знал, что такое *Życie* *.

Не преграждай пути к отступлению
собственным крестом!

Странно девальвируется слово.
И чаще всего из обращения приходится изымать
самые значительные слова.

Человек — гибрид обезьяны и времени.

А я утверждаю,
что достаточно запустить в космос некую точку опоры,
приставить лестницу — и путь в небо открыт.

Трус бывает от ума, а бывает от сердца.

* Жизнь (польск.). *Ż* — последняя буква польского алфавита.

«Временами» — в этом слове заключена вечность.

Вена, 27.VI. 1962. Моют памятник Гутенбергу.
Кажется невероятным извлечь его заслуги
из-под грязи типографской краски.

Поэты —
попугаи, повторяющие невысказанное.

Что ж, идея человека изначально была
на глиняных ногах.

Когда я вижу повязку на глазах Фемиды,
то всегда должен проверить,
не связаны ли у нее руки.

«Книга — твой друг».
Вот и нужно ее как можно чаще покупать.

Когда у тех, кто наверху, появляются свои проблемы,
они говорят: «Под нами сгущаются тучи».

Будем бороться за самоуправление,
а не за самоуправцев.

Ждали рассвета, а дождались тюремного завтрака.

Четыре драматических единства:
единство времени, места, действия
и рабоче-крестьянское единство.

«Нам сатира не страшна!» — утверждают они.
И действительно, из сатирической бани
они выходят грязными, как и были.

Когда мне несколько раз повторяют:
«Без пяти двенадцать!» — я начинаю зевать.

Это тот, кто ваяет из одной глыбы,
отколотой от какого-то крупного мастера.

Он живет с Музой!
Пользуясь противозачаточными средствами.

Как много драматургов
не понимают собственной роли на сцене.

Лозунг «Требуются головы!» опасен.
Некоторые вздумают бежать в музеи за гильотинами

Порой аплодисментами должны быть одарены
молчащие зрительные залы.

На колоннах строя чаще всего держится балкон,
с которого ораторствуют тираны.

Случается, ступая по следам давних мыслей,
увидишь надпись: «Проверено — мин нет».

Саул стал именоваться Павлом.
Вечная судьба апостолов. Вечная судьба евреев.
Только евреи обычно меняют фамилии.

Сколько же Иудиных сребреников
вместо грошей вытаскивал Харон
изо ртов своих пассажиров!

Многие перепутали Стикс с Рубиконом.

Было впечатление,
будто в его голове несколько головёнок.

По правде говоря, не все львы являются орлами.

Откуда во мне это уверенное
разделение мира на плюс и минус? Вспомнил!
Еще в 1929 году во Львове я закончил полугодовой
коммерческий курс некой Глучиньской.

Хочешь развернуть свое знамя — иди против ветра.

Жизнь кончается в тот миг, когда не начинается.

Борись против ночи под ее покровом.

Не внушай себе отвращения к врагу —
вдруг понадобится его сожрать.

Порой аплодисменты способны
стряхнуть с истинных произведений пыль забвения

Когда подумаешь,
под пером скольких бумагомарак
побывали наши родословные,
хочется спросить: кто же мы на самом деле?

Только в искусстве возможна алхимия:
сотворить золото из ничего.

Благо, что не родилась еще вера в то,
что мы являемся продуктом Ошибки.
О, это было бы чересчур правдоподобно!

Нарру-энд человечества — это ничто.
А вот что будет потом?

«Не убий!» на всех языках звучит одинаково.
Только выговор другой.

Есть и такие, которые ждут,
когда они околдуют прекрасных царевен,
чтобы их съесть как лягушек.

Это *Ничто* колоссально! И сколько философов уже оставило мне в нем свой адрес.

Есть мысли, присущие лишь одному языку.

Растет употребление мыла. Мыльные пузыри.

Называть преступление ошибкой или извращением — преступно.

Наверное, даже космонавты мечтают, чтобы звезды в действительности оказались вырезанными из золотой бумаги.

Тысячелетиями обряжаемся в разные одежды, а смерть всегда нас узнает.

Был он каламбуром человека.

Зачем же врать?

Ведь и правда мало напоминает действительность.

Дикое поле деятельности.

Нужно, чтобы руки были чистыми.

По крайней мере указательный палец.

Горе той жизни, что висит на волоске,
который к тому же разрывают на четыре.

Тень, которую кто-то отбрасывает,
зависит от его позиции.

Когда б у него воля была посильнее,
он бы сумел ее переломить.

Нет вечных истин? Согласен, но неправды есть.

Медаль, что болталась у него на груди,
смотрелась как крышка от банки из-под гуталина.

Лета давно уже позабыла, что она Лета.

Грех от греха отличается лишь обрядом.

Там, кажется, что-то висит в пустоте?
И пусть себе висит, если только петля надежна.

«Смелеее! Смелее!» — кричал я людям.
Подействовало. Даже вцепились мне в глотку.

Костров не погасить слезами.

Когда можно будет
производить гомункулусов в ретортах,
придется расширить уголовный кодекс:
«умышленное оживление» и т. д.

Тем для молчания хватает.

Кто ж верит в чудеса! Но все их ждут.

Был однажды свидетелем чего-то глубоко человеческого:
на станции одна бабонька, утерши платком слезы,
смачно высморкалась в него и замахала им же
вслед отъезжающему поезду.

Великие должны открывать небо для других,
но и не снижать его высоты.

Кто-то сказал:

«Если оппонента нельзя убедить, его следует пережить».

А я бы добавил:

«Тогда даже можно признать его правоту».

Все уже сказал рабби Бен Акиба.
Но часть этого была конфискована.

Люциферблат времени смотрит на нас!

Бессмысленно упрекать конвой за то, что держится сзади.

Было время, когда беглецов из концлагерей называли эскапистами *.

Знаем, что в конце концов победим,
оттого нас так смертельно раздражают
наши поражения.

Мир расширяется. За счет чего — рая или ада?

Мученики, не дождетесь,
что людоеды бросят вас на съедение львам.
Достанетесь первой встречной твари.

У истинного творца
должен быть необузданный темперамент,
который он способен сдерживать.

Просвещайте своих детей,
дабы, повзрослевших, их не изгнали из рая.

И стены, под которыми расстреливают,
увы, разрушаются от залпов.

Хотелось бы прочесть «Жития тех, кто канонизирует».

* Эскапизм — уход от действительности.

Стриптиз Правды?

Это когда спадает пелена с глаз, ищущих ее.

Маленьким людям не хватает слов:

они необходимы для красноречия сильным мира сего.

«Отдадим справедливость палачам...» —

и даже незачем завершать предложение.

Если они дорвутся до руля,

многих ожидает плавание по Стиксу.

Картинки ада, рисованные сахарной глазурью, —

на ярмарочных пряниках.

Бездомные тени после вырубki леса.

В корриде редко побеждает бык:

нет экономических стимулов.

Темнота — это естественное состояние мира,

а свет — не более чем воспалительный процесс.

Почему я думаю о многом?

Чтобы о многом не задумываться.

Хоть раз протрезвиться от трезвости.

От него осталась лишь тень,
падавшая на воспоминания о нем.

Могила идентифицированного солдата.

Если придет пора
допрашивать меня какому-нибудь Великому Инквизитору,
то его внимание, вероятно, привлекут
интервалы между моими мыслями.

Царь Мидас, очевидно, побывал у креста Спасителя.
Сколько же золотых крестов повсюду!

Трудно вернуться к любви, которая не оставила следов.

Готовы вцепиться друг другу в глотку, как псы,
завидующие размеру ошейника.

Никогда б он не достиг того величия,
если б не бревна, брошенные ему под ноги.

Естественного прироста ангелов нет.
Отсюда все меньше их среди людей.

Сколько раз споткнется язык,
столько раз у меня от боли отнимется речь.

Если бы мы умели обгонять время,
то смогли бы жить неторопливее.

Пастбище голода.

Каждое точное определение мира
должно быть парадоксом.

Для некоторых любая глубина отдает преисподней.

После долгих лет усиленной учебы
ему удалось под толстыми слоями знаний
скрыть свое невежество.

Он шел с гимнастикой сквозь время — бил поклоны.

Воскрешение жертв часто связано с упадком морали.
И бывает, что в этом случае жертвы от радости
готовы оплачивать адвокатов своих убийц.

Ах, будь у меня лампа Аладдина,
наколдовал бы себе в минуту опасности темноту.

Люди порой стоят на голове,
чтобы обрести иллюзию изменения
географического положения.

Есть такие,
которые из прошлого прыгают прямо в будущее.
На настоящее же падает только их тень.

Инженеры душ, не верящие в них.

У времени нет и минуты передышки. А мы им дышим

Ангелы бесполые —
могут размножаться только посредством агитации.

Пролетариат побеждает в Польше: его все больше.

Ужасны пытки у Стены Равнодушия.

Оставьте меня хоть на минуту одного.
Хочу поговорить с вами.

Как же часто два лица противоположного пола
в постели стремятся быть застегнутыми
до последней пуговицы.

Обнажился — вышел в парадном мундире.

Однажды меня выдала собака:
стояла неподвижно, но тень хвоста виляла.

Были годы, когда история собирала богатый урожай — полные корзины голов.

Люди альтруисты.

В своих мемуарах пишут, главным образом, о других.

Он — над всем.

Ничто для него не является слишком низким.

И великие философы бывали
властителями и государственными мужами;
свободное от мышления время
они посвящали служебным обязанностям.

На скольких миллионах мозгов
можно обнаружить отпечатки пальцев!

В человеческой жизни бывают пробелы.
В автобиографиях.

И у троянских коней есть где-то свои рыцари.

Я всегда подозревал, что трещины в Земном шаре
закрашены государственными границами.

Отступай от логики только в сторону Мудрости.

Несите перед человечеством факелы, только не живые.

О эта человеческая жадность!
Стоит лишь бросить самые оскорбительные слова,
как их расхватывают, крича,
что они и есть их адресаты.

Казалось бы, этот писатель остался на бобах,
однако выторговал за отказ от бессмертия
десяток-другой приятных годков.

Не забывайте:
в победу весомый вклад вносят и побежденные!

Человеческое — архибесчеловечное!

Сколько же раз вламывались
в сокровищницу национального языка,
чтобы ее обогатить.

Еще невелика, к сожалению, пропорция
между массой серого вещества
и серой массой как таковой.

В древности вместе с властителями
хоронили их жен, невольников, скотину, оружие и т. п.
А с нашими — только их идеи.

Вот евнухи. Казалось бы, высокие голоса,
на самом же деле — вторят.

Мы еще не воспользовались всеми пластами тишины.
Сколько же крика можно из них добыть!

Чтобы не испачкать рук,
иногда стоит на ладони положить купюры.

И маски покрываются морщинами.

Люди удаляются в будущее.

Не все мысли проходят через мозг,
некоторые — только через цензуру.

Мир потихоньку умнеет. Ну очень потихоньку.

Временами меня охватывает страх, что мы уже в раю.

Что для одних колесо пыток, то для других карусель.

В поэзии даже Вислу разбавили водой.

Чем плох крест для измерения величия вдоль и поперек?

Потомки упомянут тебя и твоего врага
в одном предложении.

Что же вытекает из самых углубленных экспериментов?
Кровь.

Суметь одновременно сыграть все варианты своей жизни,
без права на шизофрению!

Даже на мозолях — мозоли эпохи.

Не меряйся силами с собой — все равно проиграешь.

Мечтаю о подавляющем перевесе голосов
за *votum separatum* *!

Язык подлиз гладок.

В блеске славы слова изменяют пропорции.

Трудно стиснуть кулак, в который всунули подачку.

Диктаторы должны упразднить вопросительные знаки,
чтобы не было сомневающихся.

У них же самих вопросов нет — одни ответы.

* Здесь: решение отъединиться. Буквально: обет уединения (лат.).

Дело лишь за тем,
чтобы овладеть техникой продления снов
в течение всей жизни.

И нужно верить на Слово. Которое было в Начале.

С удовольствием пожертвовал бы жизнью
во имя пенсии.

Пустота чудовищно вместительна.

Порой пространство, отделяющее нас от кого-то,
заполнено третьим лицом.

Неделимость моего диалога с миром гениальна —
вам это известно: сам задаю вопросы, сам и отвечаю.

Я безумно аплодировал. Спасался от духоты.

Ах, если бы то, что не способна переварить память,
пожирало беспамятство!

От головы до руки дальше, чем от руки до головы.

Настоящее счастье безгранично и, стало быть,
не может находиться в границах одного государства.

Горек дом из четырех Стен Плача.

Люди бесцветны? Лишь там, где жизнь бесцветна!
Мимикрия.

Иные звания подобны болезням:
одни наследственные, другие заразные.

Качаются колыбели — взвешиваются судьбы.

Будь отважен —
смотри даже в отравленные источники!

Ты и есть граница между светом и тенью.

Не буди прошлого — подключись к его сну.

Писатели!
Крепко держите в руках допотопную дубину,
приладьте к ней лишь самое тонкое стальное перо.

Нередко мы именуем мифом реальность,
о которой на мгновение забыли.

Антисемит в стране без евреев —
это рыба, выброшенная на берег.

У каждого класса есть своя мелкая буржуазия.

Он пишет кровью. Из носа.

У отставших от времени большой запас будущего.

Каждый человек имеет право на жизнь.

Однако само это право потеряло законную силу.

Подлежит ли собственное лицо экспроприации?

Оно ведь часть Большой Собственности.

Очень многие пишут «завтра» с заглавной З.

Не из оптимизма, а лишь по неграмотности.

Как трудно заполнить пространство одного предложения,
особенно если оно должно быть коротким.

Снобизм децентрализован.

Его столица рассеяна по провинции.

Поразительна вторая половина XX века —
полстолетие астронавтов и астрологов.

И это пуритане?

Дерут три шкуры вместе с одеждой,
не обнажая ничего.

Не бывает так хорошо, мои дорогие:
чтобы и крыша была над головой, и небо под ней.

Не приемлю «измов», кроме героизма.

Молодость? Длится так долго,
пока вдруг не окажется старой дрянью.

Вернулся аист из теплых стран
и уселся на воспоминание о срезанной ветке —
и... наделал поэту на шляпу.
В отместку за эту метафору.

Никак не мог в музее обнаружить череп «Homo politicus».
Извинялись, мол, у них только реликтовые осколки.

Есть почетные терновые венцы. Только терние — наружу.

Цикута на брудершафт — гарантия пожизненной дружбы.

Иным снится, как они доводят слово
до такой степени совершенства,
что оно теряет смысл.

И что это за театр,
где актеры сами себе аплодируют?

Есть сердца из камня, но благородного.

Что ж, и это суждение уже стало воспоминанием.

Лишь тот, у кого резко очерченный профиль,
может посмотреть на себя со стороны.

Бывает, сам старт является финишем.

У большинства пьес финал иной, нежели в тексте.

Когда я гляжу на небосклон, кишущий звездами,
у меня из головы вылетают даже те
скупые сведения по астрономии, которые были.

Был до того слаб, что в марше человечества к смерти дал
всем себя обогнать.

Боюсь тех, кого колотит дрожь перед рассветом:
ведь закатывается их звезда.

Поистине мистическая наша вера в бумагу —
на ней пишется гарантия вечности гранита.

Невежды, удивляйтесь,
что у вас не рифмуется проза жизни!

Вот странно: самые антилиричные политики терпят только мои лирические мысли.

Пожалуй, лишь неверующие могут оценить поэтическую гениальность Библии.

Вспоминает ли нас прошлое?

В иных дебрях еще живы традиции умерщвления людей.

Иные люди в состоянии держать при себе холуев, которые выводят на прогулку спящего в них зверя.

Сегодня и знаки откровения выводились бы на бумаге с помощью пишущей машинки.

Наилучшим кляпом является обязательный для всех язык.

Полезные советы для искателей правды:
правда порой бывает страшна.

Чужая бездумность не только убивает, но чаще всего рождает человека.

Для многих культура есть первая необходимость,
которую нет необходимости удовлетворять.

Повышай уровень техники, сокращай расстояние
между молотом и наковальней!

Они были счастливые —
им еще было позволено писать трагедии.

Мир идет к лучшему, но к чему идет это лучшее?

Чужая неграмотность
мешает писать и самым великим творцам.

Порой человек чувствует себя
непрощеным гостем в самом себе.

И после изгнания людей рай остался раем!

Блоха и слон не ведают о существовании друг друга.

Пародии на халтуру зачастую оказываются шедеврами,
пародии же на шедевры — реже бывают ими.

Не утопить пера в чернилах!

Трудно недооценивать платную любовь.
Обычно ведь цена ее установлена.

Давайте кричать виват —
а уж кто-нибудь выйдет на какой-нибудь балкон.

Ах, кабы сказка кончалась так:
«Пошел за смертью, да заблудился в жизни».

Сэкономил массу огорчений,
зато сегодня их у него с процентом.

И манекены носят порой наивысшие знаки различия.

Юрисдикция — отчетливый выговор.

Какой свежей поэзии можно ожидать от поэтов,
не знающих значения слов!

И дубины когда-нибудь зазеленеют.

Читатель должен быть массовым, а не искусство!

Людей порой пришпиливают орденами к мундирам.

Сиганул я тогда в Лету, но не помню,
спасли меня или нет.

Как бывают всевозможные чувства юмора,
так бывают и разные чувства террора.

Никто в искусстве не лжет больше, чем реалисты.

Знавал я типа, служебной тайной которого было то,
что он не существовал.

Кровь не является стойким красителем.

Отсутствие воображения,
по-видимому, способствует чувству реальности.

Есть такие, кто хотел бы блистать,
не давая при этом вытащить себя на дневной свет.

Нулю хочется быть рамой всего.

Мякоть жизни — крепкий орешек.

Все боги породнены друг с другом через человека.

Отключите время — хотим починить механизм мира!

Человек судит обо всем антропоморфично *.
Только не о человеке.

Иногда что-то хватает меня за горло,
и я тогда либо выдавливаю из себя слово,
либо проглатываю его. В зависимости от того,
с какой стороны находится это хватающее.

Спрашиваешь: какого возраста я достиг?
Библейского — Авеля.

С той поры, как мы узнали, что Земля — это шар,
наша тоска грызет собственный хвост.

Те волки в овечьей шкуре вынуждены есть
эту омерзительную баранину.

Возжаждавшие стать героями легенд
пусть помнят, что начинаться они должны так:
«Давным-давно жил-был...»

Легче прощаются ошибки народам,
чем признается правота личностей.

Ждёте, когда вам принесут мир прямо в кровать?

* Антропоморфизм — ранненаучное представление, будто живая и неживая природа обладают человеческими свойствами: мыслями, чувствами, волей.

Связывает бесплодные слова.

Наука о космосе давно уже не витает в облаках.

У могильщиков не бывает мертвого сезона.

О, эти бездны, влекущие нас ввысь!

И среди троглодитов есть исполины и гномы.

Эпоха энтузиазма у равнодушия.

Кто создал мир?

Пока в этом признавался только Бог.

Никто не застал себя на этом свете,

никто себя здесь не оставит.

Откуда в нас эта приязнь к себе?

Когда наша общепринятая логика окажется ложной,

тогда все науки станут поэзией.

Если бы быки пахли, как клопы,

кто бы отважился быть тореадором.

Помни: и слова, которые ничего не значат,
имеют значение.

Сон. Вызывает меня мой гимназический профессор:
«Ну-с, раскройте-ка мне свою суть!»
По счастью, чиновник какого-то тайного ведомства
подсунул мне шпаргалку.

Не все, что истинно, есть правда: например, ложь.

Мы сможем молчать лишь тогда,
когда будет можно говорить обо всем.

Древо познания было покрыто корой.
Головного мозга.

Они так обожали друг друга, что забыли о любви.

Следует ввести новый знак препинания —
двусмысленник.

Те, кто не имеет себе равных,
могут быть очень маленькими.

Давайте поскорее передумаем все мысли,
приблизив счастливую эпоху безмыслия.

Из физики: вольный воздух бывает только в закрытом помещении.

Есть организмы, которых убивает противоядие.

Когда мы изучим речь рыб, воображаю, какие возникнут распри на почве тонкостей произношения.

Было время, когда мы измеряли расстояние силой тоски.

Людам, у которых непомерное воображение, чаще всего не дано вообразить реальный мир.

Есть до того деликатные капли, что они, похоже, способны тонуть, не замочившись сами.

Более всего мне врезались в память усилия, потраченные на то, чтобы забыть кое-какие вещи.

Его сожгли на костре из фимиамов.

В будущем и в цензуре будут сидеть мыслящие машины.

Любовь помогает жить? Следующему поколению.

Я проспал свои сны!

Фанатики релятивизма *.

Бессмертные «мертвые души».

Музыка ручной работы.

Два поколения: мы видели общие сны,
а они — спят друг с другом.

Даже во владениях художественного вымысла
государство устанавливает свои невымышленные посты.

Люди могли бы жить без искусства, цензоры же — нет.

Еретики легко воспламеняются.
Осторожно — костры!

Есть женщины, которые не могут раздеться
без своих неповторимых словечек,
но на сцене проделывают это с чужими словами.

* В философии методологический принцип, основанный на полном признании относительности и условности познания.

Если двусмысленность теряет одно из своих значений, она уже не значит ничего.

Сильнее всего страсти бывают в минуты слабости.

Интеллигенция — это защитный слой от хамства.

Порой Республики и не разглядишь.

А если вся жизнь и в правду обман, я порешу всех, кто не дал мне спокойно жить этим обманом.

Были времена, когда эпистолярный жанр держался на объявлениях о розыске.

Ноты его композиции можно было открыть скрипичной или басовой отмычкой.

И хладнокровие не спасло преставившихся!

Алтари иных богов сплошь увешаны дарами недоверия.

Будь у бабулек, присматривающих в клозетах, какие-нибудь литературные, научные и тому подобные таланты, они не тратили бы столько времени напрасно.

Идеал: единение единиц.

Как пригодился бы хоть один «левый» денек.
Без даты.

У многих на челе начертано их призвание,
но лишь у немногих разборчиво.

Два нуля рассказывали клозетной бабушке:
«Были когда-то и мы одной восьмеркой».

Зачем добиваться правды?
Разве мало того, что мы ее испытываем.

«Меть выше», —
внушали ему его возвышенные учителя.
Он и выстрелил им в лоб.

Мы-то хотели переделать простых «едоков хлеба» в ангелов,
но нам приписали, что мы переделали их
в «едоков хлеба с маслом, ветчиной, селедочкой
и еще с чем пожелают, и даже с водочкой».

Если бы люди и впрямь были большими,
в мире было бы больше места.

В годы попраiania духа легче проявить достоинство.

Астрологи найдутся и на Луне, и на Марсе.

Как часто в наших уравнениях
истинным является только знак равенства.

Когда нам нечего сказать самим себе,
мы говорим с другими.

Фантазия сужается на объем познанного.

Порядочные люди считают себя потомками Авеля,
который умер бездетным.

Самое главное — изобрести переливание времени
из других световых систем!

Не каждому дано счастье быть жертвой,
иные должны довольствоваться судьбой палача.

Будь я волшебником,
я превратил бы себя в простого, серенького,
скромного человека.

У некоторых великолепное чутье.
Когда надо, не чувствуют вони.

Человек только через годы выясняет,
с кем занимался скотоложством.

Они не хотят, чтобы народ стоял в сторонке.
Ведь оттуда обзор лучше.

М с упорством утверждает,
что он только наполовину еврей!
Свидетельствую: самое большее — наполовину.
Ибо точно знаю, что, по крайней мере, он полуидиот.

Ребенок сидит на морском берегу с удочкой:
«Хочу поймать пирата!»

Споткнувшемуся на пороге вечности
уготована просто жизнь.

Поэт В, делая комплименты моим фразкам,
вставил оговорку: «А зачем у тебя эти словечки
часто, довольно часто или порой?»

О, наивная дотошность!
Эти словечки — мое подаяние,
какое я в состоянии бросить
в железную шляпу Надежды.

Часто лишь тогда мы догадываемся,
что имеем дело с быдлом,
когда это мыслящее существо заговорит.

Золотник хлопот тяжелее тонны счастья.

Вечность — это времянка.

Пока не установятся начало и конец.

Они бы поверили, что Бога нет,
когда б Он им явился и сам это подтвердил.

Одни верят, что верят; другие верят, что не верят.

То, что захлопнули дверь в рай, — это еще ничего,
но то, что заклеили замочную скважину!..

Страдающие плоскостопием сплющивают нам землю.

Из борьбы Добра со Злом
пользу должно извлечь Наилучшее.

Глупые все умнее, умные все глупее,
но несмотря на это дистанция между ними
все увеличивается.

Порой со дна памяти поднимается нечто,
чего никогда не было на поверхности, —
это воображение.

Не мог бы представить себе мира
без моих врагов и союзников.
Зато часто мог бы — без себя.

Руины мысли нередко заселены
здоровыми как бык людьми.

Это — разрушители неба:
захотели разжиться звездочками.

Полуголовые должны по крайней мере носить протезы.

Этот сатирик не с одного Леца хлеб ел.

Для несуществующих небытие — образ жизни.

Верю ли в классовую борьбу? Страстно. В перманентную.

Источником крупной ошибки является
Антропоцентричное * понимание гуманизма.

Массовые песнопения
дают невероятную свободу тарабарщине.

* Антропоцентризм — учение, согласно которому человек есть центр Вселенной.

Верю в точную случайность.

Ожидание — главная форма потребления.

Мысль, теряя себя, не перестает существовать,
а превращается в конкретное безмыслие.

Вот диалектика:
тип гуманизма зависит от обстоятельств.
Изобретение д-ра Гильотена.

Помни: сокращения продлевают жизнь.

Ни разу не выиграл крупно по лотерейному билету.
И крохотным поводом тому я сам: ни разу его не купил.

Думаю, что самым серьезным переживанием жизни
является именно оно — переживание жизни.

Квалификацию преступления необходимо ставить
в зависимость от квалификации преступника.

Стиль времени:
верхушка произносит главные предложения,
народ — придаточные.

А есть нотный стан *идеологический*.

Сила сатаны — в его ангельском терпении.

Как себя вести,
когда полицейские ищейки виляют хвостом?

Когда он вышел, комнату еще долго заполняли его жесты.

Не стало белых пятен на географических картах:
они переместились на страницы истории.

Не знаю, как выглядит мой демон,
знаю лишь, что он, как и я, не должен любить молочного супа.

Он еще жив. Ибо предусмотрительно умирал от страха.

У каждого человека должен быть собственный угол.
Зрения.

Если увидишь надпись «Конец», не пугайся:
а может, ты зашел с противоположной стороны?

Аппетит приходит во время еды,
однако не уходит во время голода.

Постепенно исчезает романтизм преступления.
Оно становится классикой будней.

Я спас себя от многих трагических положений.
И, признаюсь, делал это не без выгоды:
рассчитывал на себя в будущем.
И смущен, оттого что знаю об этом.

Стоял перед ней на коленях. Взглядом.

А молчать я сумел бы так непричесанно?

Вещь сама говорит за себя,
когда людям не положено о ней говорить.

Полагаю, однако, что у бесклассового общества
должен быть свой класс!

Культура расширяется также за счет подхода к ней.

В нуле нет еще ничего отрицательного.

Ах, эти «жизни» на заданную тему!

Как же сражаются люди за свои четыре стены плача!

Действовал ли Господь, создавая мир,
по внушению «категорического императива»?

И бесплодность может быть чревата.

Что за коварство!

Наши невидимые души томятся в заточении,
и только позволяющее себя ощупать тело
разгуливает на свободе.

Дерево, из которого в древности разожгли бы костер,
сегодня идет на бумагу.

В искусстве не соответствующий ему заряд идей
способен поразить само искусство.

Иду я себе, а идеи себе.

Этому сатирику ничего другого не остается,
как дожидаться какой-нибудь ошибки наборщика, —
авось родит в его опусах шуточку.

Побриться кисточкой Леонардо!

Аплодисменты грязных рук не слабее иных.

В глазах критика я Солон.

Почти не стало атеистов. Кто же не верит в себя?

В конце концов связывают же меня с собой
какие-то семейные узы!

Ореолу рядом с лавровым венком
редко находится место!

А может, самая чистая вера —
это вера в несуществующее божество?

Живем в эпоху луценого атома!

Разведение гениев не обязательно начинать с кретинов!

Предательство — в сто троянских лошадиных сил.

А может, киты рассказывают друг другу страшилки
о чистеньких, розовых человечьих детенышах,
жаждущих одного — рыбьего жира
целых табунов этих океанских исполинов!

Всякий раз, когда я жажду убить в себе зверя,
он карябает когтями в области сердца,
где хранится членский билет Общества охраны животных.

Когда поименно вызывали на казнь
и очередь дошла до Т, он выкрикнул: «Отсутствует!»
И он сказал правду, разве что на полминуты раньше.

Я уже чувствовал на горле мертвую хватку ангела.
Однако признаю, что он при этом обмахивал меня
своими крыльями.

Если б смерть была хотя бы третьим измерением тени!

Он написал объявление о розыске самого себя.
Искали его тысячи женщин.

Изучайте языки!
Неизвестно, какой понадобится показать.

А может, умирание — это лишь дань традиции?

Я напел себе колыбельную по-турецки,
однако не мог заснуть, поскольку не понимаю по-турецки.

Когда заклинивает гильотину,
неопытный палач теряет голову.
Неопытная жертва, к сожалению, тоже.

Некоторые люди смахивают на духов,
совершивших самоубийство и материализовавшихся.

Придумать образы и оставить их на произвол судьбы!
На такое способен лишь превосходный писатель.

У этого автора явный приоритет
в издании всех своих новых книг,
притом самыми обильными тиражами!
Ведь сырье для нашей бумаги —
из его же перемолотых книг!

Его башка до того набита эрудицией,
что для собственной мысли в ней не осталось места.

О, евнухи, мечтающие об онанизме!

Весьма популярны остроты на предмет
относительной ценности статистики.

Поговорим серьезнее.

При тоталитарных режимах невообразимо возрастает
употребление слов на душу населения.

Но мы-то знаем, сколь ничтожно число говорящих
и как велико — молчащих.

Народ со страстью проклиняет:
он еще верит в магию слова.

Техника освобождает личности.

Диктаторам хватает совершенных диктофонов.

Если подумать, ничто в мире не исчезает.
И в неисчислимых комбинациях
мельчайшие частички Сократа по-прежнему с нами,
а Джордано Бруно, Рафаэля или Моцарта
оказались вместе, в каком-нибудь животном,
хвосте крысы или того хуже — в мозгу литератора S.

Даже сумасшедший не чувствует себя в безопасности
в смирительной рубашке.

Моральная изжога после духовного пиршества.

Национализм способен быть грандиозным.
Великим же — никогда.

Термометр показывает температуру помимо своей воли.
А вот если бы ему захотелось!..

Чем темнее, тем легче быть звездой.

Как бы хотелось хватить по лбу это безголовье!

Знак равенства похож на пару рельсов.
Живу предчувствием, что там когда-нибудь дойдет до
катастрофы.

Его арена? Цирк дрессированных слов.

Муза, может, и спит со многими,
но потомство имеет лишь от избранных!

Верой и правдой, я... (ну, смелее!)
собственно говоря... я — доносчик.
Хочу многое донести до потомства!

Ах, это уже только *археологика!*

Тюремные стены даже снаружи держат нас в застенке.

А из Лабиринта есть ли выход к Крестному Пути?

Люди с железными принципами
разве не магнит для кандалов?

Сны измучены — чересчур много спят.

И в лесах знамен дело может дойти до партизанщины.

Безразлично, Бог ли создает себе приверженцев
или приверженцы своего Бога —
главное, чтобы существовал!

Удивляетесь девальвации слов?
Так ведь они же — государственное платежное средство.

Проводятся эксперименты,
в каких политических условиях может жить человек.

Хулигархия.

Мечта руин —
выдавать себя за незавершенную постройку.

Крушившие Бастилию наверняка заплатили за это головой.
Они ведь лишили новое государство отличной тюрьмы.

И мертвые лгут — устами живых.

Знай марионетки, что они говорят чужими голосами,
они бы мнили себя еще и пророками.

Некоторые исторические интриги
словно вылупились из яйца кукушки,
подложенного под троянского коня.

Верю, что он и на том свете питет.
Беда, если начнется культурный обмен
между обоими мирами.

Тираны так водружают лавровые венки на других,
чтобы закрыть им глаза.

В горизонтальном положении
мозг не доминирует над другими органами.

Порой, для того чтобы все могли свободно вздохнуть,
необходимо радикально изменить климат.

В стране, где всё уже переходит границы,
иногда нужно как можно скорее
самим делать то же самое.

В истории уже случилось не раз,
что бунт низов выносил их
аж до уровня посредственности.

Все в мире функционально.
Видимо, и функционеры тоже.

У трусов должна быть власть, иначе им страшно.

Не слишком ли дорогостоящи органы инквизиции
для изучения общественного мнения?

Немота граждан вещает голосом истории.

В пустых арсеналах можно взорваться смехом.

Настоящего интеллигента надо накалить до бешенства, чтобы он решился на хамство.

Не вините геометров, если круг замыкается.

Как поднялся уровень жизни!

А было время, когда лишь хорошо обеспеченные люди стояли над собственной могилой.

Горе, если наш Lebensraum *
оказался в плену чужого скудоумия.

Эхо — это икота пространства.

Жандарм порой предстает категорией не силовой,
а духовной.

Пиррова победа — это все же виктория:
одним махом избавиться и от врагов, и от своих.

Литература: одни ищут слово, которое творит мир,
другие — слова, которые открывают замки от сейфов.

Вас удивляет кровь на руках акушеров эпохи?

* Жизненное пространство (нем.).

Там, где запрещено поднимать голову,
люди знают власть только по ее сапогу.

Трудно алиби Бога.

И правда порой должна жить
по фальшивым документам.

Является ли смертная кара постыдной карой?
Да, для карающих.

Слова, из которых выпустили кровь.

Ах, еще раз побыть молодым!
Чтобы встретить старость хоть на век позже.

Радуга, ты же транспортер нашей надежды!

А может, теза, которая не желает вкупе с антитезой
создать синтез, будет вынуждена это делать с протезом?

Верю ли я в Бога?
Всегда допытываются люди, и никогда Он.

Беда с этой логикой.
По отношению к либералам я либерален,
к диктаторам — беспощаден.
Но что делать с людоедами?

По поводу общественной пирамиды:
«Вот где собака зарыта!»

Прежде чем молчать, люди научились говорить.

Гениальным клоунам известно,
что настоящее шутовство заключено в зрителях.

Давайте экономно распорядимся оптимизмом,
чтобы нам хватило до конца года.

Самокастрация оповещает сама о себе. Высоким тоном.

Вопреки тяжелейшим потерям,
всегда больше героев появляется после победы,
чем до нее.

Даже глазами не умел ходить на цыпочках.

С трагическим смирением он проговорил: «Исписался».
И действительно, бросалось в глаза,
что из его вен давно уже вытекла последняя капля чернил.

Иные подбрасывают слово на языке,
как шницель на сковородке,
чтобы обжарить его с обеих сторон.

Пусть встанет человек хоть на голову,
сердце все равно у него будет между мозгом и органами,
отвечающими за наслаждение.

Есть ли у меня справка о сумасшествии?
Разве что собственного производства.

Несли его на блюде. А он думал, что возвращается на щите.

Пути общественного прогресса:
со временем и рабы получили право иметь рабов.

Не тратьте пауз в мышлении на разговоры!

Что с того, что человек
провозглашает Декларацию Прав Человека?
Декларировать-то ее должны бестии.

Когда рушат виселицу, узнай, не для костра ли.

Что это за искусство — канатоходец?
Дорога — прямая как шнур.

Если человеку надо обратиться к другому,
он должен вынуть нож из зубов.
Хуже, что тогда нож оказывается у него в руке.

Наш удел — быть блохами Вселенной,
скачущими со звезды на звезду.

Для меня символ сверхъестественного — ratio *!

Утрачивается наше понимание эстетики:
едим гусей вместо лебедей.

У надутого — жажда воспарить.

Все остается текучим, даже кровь.

Интуиция a'rebours **.

Шрамы эти — от ласк!

«Карлики растут!» — кричат оптимисты и пессимисты.

Излюбленное местопребывание моралистов — Содом.
А не причислят ли их к праведникам?

Каин совершил братоубийство?
Так ведь более дальних родственников еще не было.

* Разумность (лат.).

** Наоборот (фр.).

Неудачник вспоминает задницей
даже сахарный тростник.

Потому нас и кормят враньем,
что правда не дает себя проглотить.

И у музы Истории найдутся срамные места.

На стене, об которую я в молодости
в отчаянии бился головой,
чья-то детская ручонка
теперь написала мелом неприличное слово.
Что за интуиция!

«О, пан вернулся из Греции? — спросил я его. —
Может, пан видел хотя бы руины,
оставшиеся после Сократа?»

В каждой поэтической школе
существуют, разумеется, и свои учительшки.

Старички порой похожи на детей,
слишком долго ожидающих на чужом дне
рождения кого-то, кто должен за ними прийти,
но запаздывает.

Что же делать, если поле деятельности заросло лаврами?

Есть загадки, в которых надо отгадать только их автора.

Этот молчун мог болтать часами, не сказав ничего.

Главный орган человека, наверное, все же не сердце.
Сколько раз оно у меня разрывалось. И что ж?

«Не опускайте рук!» — призывают те,
кто кричал: «Руки вверх!»

Из обвинения в покушении на власть: «Владеет пером».

В нас такая бездна невежества и суеверия,
что быть поэтами не составляет труда!

Странно, большинство оптимистов —
это люди без чувства юмора.

К тому, что в тебе громче всего кричит, люди глухи!

Даже в самых совершенных обществах
будет господствовать бесправие:
право будет не нужно.

Надежда — это та же теория вероятности,
писанная ангельскими перьями.

Их пустоты разнообразны по форме.

Порой женщины метят в самое сердце мужчины,
пренебрегая всем остальным в нем.

«Говори правду!» — во все времена кричали инквизиторы.
А потом требовали себе справку,
что были борцами за правду.

Я не знаток женщин — отличаю их от мужчин только по полу.

В любви опыт не в счет — сплошные издержки.

Фразы для сатирика — превосходные сборные конструкции.

И у банальности была когда-то премьера.

Диктаторы кровоточат красным карандашом.

В любви у денег второстепенная роль —
всего лишь платежное средство.

Бывают сезоны, когда модны укороченные жизни.

Каждая вера сдабривает свою манну по-своему.

Идея вольности взяла меня в неволю!

Вот так художник!

Топчется на месте — все глубже и глубже.

Всё светит заимствованным светом.

Может, хоть темнота — наша собственность?

Погасите эту тьму!

У бездомных дверь для всех открыта настежь.

Блюстители порядка почитают себя за архангелов гармонии.

Знают, что «Вперед! Вперед!», но не знают, в какую сторону.

Чтобы оказаться в раю, нужно переплыть Лету.

Это выше человеческих сил сказать себе правду, что ее нет.

Возьми в руки кинжал и дай выход лиризму!

Ах, куда как красивее был бы мир,
не будь столько красивых женщин!

Все уже было сказано, да не все донесено.

Даже атеистам можно продать души.

О Муза Сатиры! Хоть раз помоги
стилистическим обманом вгрызться в горло преступлению!

Иногда трагедия именно в том,
что она на самом деле фарс.

Государство Тирании — это гидра. У нее вырастают головы!

Способно ли культурное недоедание смягчить позвоночник?

Не употребляйте катарсис как слабительное!

Жизнь идет по кругу, круг сжимается —
и все ближе к горлу.

А может, рай потребует от мира нашей экстрадиции?

Порой мы дышим чистым воздухом из снов и воспоминаний.

Энциклопедии — к которым еще нужно будет приладить мир.

Только чувство юмора способно примирить нас
с комизмом жизни.

Похороны короеда в гробовой доске.

Шаг эпохи в испанском сапоге.

Обновить под антик.

Пишу маленькие предложения?
Сколько же раз было говорено мне,
что для них не осталось места.

В одной стране до того был занижен уровень культуры,
что можно было, не опасаясь дурного влияния на граждан,
издавать литературу высочайшего уровня.

Не клеймите Геростратов! Им только этого и нужно.

Поэт — это лазутчик фантазии в краю действительности.

Повторяться и каждый раз по-новому —
не это ли и есть искусство?

Глаза есть зеркало души.
Только чтобы мухи об этом не узнали.

Так будет думать за нас и электронный мозг,
как электрический стул за нас умирает.

Трудно вырасти из рубашки Деяниры *.

Переходящая палка власти.

Иные мысли приходят ночью. Вас они поражают?

«Я указующий перст», — представился палец,
указывающий дорогу к *М* и *Ж*.

Мы приближаемся к черте живорождения мысли.

Этот человек не колебался на перепутье —
разошелся на все четыре стороны.

Границы неба и ада размыты, но всегда проходят через нас.

Свободный обмен единомыслием.

Иногда кажется, что это не слово не способно объять мир,
а мир не в состоянии наполнить слово.

* Рубашка (хитон) Деяниры, жены Геракла. Она, мстя мужу за измену, пропитала ее ядом, от которого Геракл умер.

Из разговора: «Негласность общественной жизни».

Это лис! Но порой переодевается в волка в овечьей шкуре.

Знак параграфа напоминает скрипичный ключ:
увидев его, люди начинают петь как по нотам.

Он скрупулезно ощипывал орла
и называл это уточнением полета живой мысли.

Риторические вопросы высшего порядка — молчаливые,
а наивысшего — задаваемые мертвыми.

Почему я смотрю на всё как на оперетту?
Потому что жажду хеппи-энда.

«Отвага подешевела», — отважно оповестил кто-то.
Позволю себе заметить: только оплачиваемая.

Бывают привидения, которые не исчезают.
Вот и нам когда-то привиделся мир.

И на Парнас уже доставляет подъемник.
Государственный, разумеется.

Об иных произведениях литературы хочется иногда сказать:
«Ах, это барочное расточительство заик!»

О, что нас еще ждет!
Репортажи графоманов из других галактик.

Порой то, что в нас выгорело, очерняет нас.

Чтобы обеспечить Ему мученичество,
дал Господь Сыну своему обличье Еврея.

Сколько же слов породило молчание!

Разве возможно изобразить мир в красках,
если в распоряжении лишь белая и черная?

Я несправедлив! Всегда признаю правоту тех,
кто ею владеет.

Ох, это мгновение ока, раздробленное на года!

Когда кровь лилась потоком, он, разведя руками, сказал:
«Ну что ж, *panta rhei* *!»

Человек, к сожалению, часто оказывается во главе того,
что уже позади.

* См. сноску на с. 152.

Они виляли знаменами: ветер истории дул низкогато.

Счастье, что у Земли нет технических возможностей катиться по наклонной плоскости!

Наши дети становятся инфантильными!
Это влияние детской литературы.

Не дай столкнуть себя со своего пути.
Даже идущим в том же направлении.

Периодом «культы личности»
условно называется период ее унижения.

Всякий раз заново адаптируем этот старый трагифарс —
дописываем, вычеркиваем роли, меняем декорации, гимны.
Но эпилог, эпилог!

Сосуществование опережает существование.

Своими глазами видел дьявола —
с рогами и конскими копытами.
Правда, он ими никогда не пользовался.
Да, собственно говоря, это был ангел.

Вера творит чудеса. На принципах взаимности.

Весь *savoir vivre* * в том,
чтобы сказать «вон!» через носовое о, как «пардон».

После смерти выплыть на поверхность
способны и дохлые рыбы.

Семантические изменения молчания.

Небытие? Так станем преградой небытию!

Как много жестов нужно для одного поступка!

Галстуки — легкомыслие или безграничное доверие?
Ведь в любой миг они могут быть затянуты.

О, эти тяжкие обстоятельства,
когда хотелось бы стать двухмерными!

Разве не первый человек до смерти был поражен,
пронзенный стрелой?

Мир возник из Слова, а не из комбинации слов.

У павлина гордость — в хвосте.

* См. сноску на с. 390.

Он отслаивался тенью.

Встал на цыпочки, чтобы земле стало легче.

Незаселенные люди.

Primus inter parias *.

Под вас роют *конкротные* дела.

Молниеносный рефлекс громов.

Лебединым песням свернули шею.

Остановите кровотечение времени из человека!

Летаргия литургии.

Рыцарям правды охотно позволяют пользоваться забралом
Правда, без отверстий для глаз и рта.

Говорят: искусство — зеркало жизни!
И несут, хоть и позолоченные, но узкие рамы.

* Первый среди парий (лат.).

Униформировать граждан
отнюдь не равнозначно обязанности их одевать.

Да ведь четвертовать способны даже люди,
не умеющие сосчитать до трех!

Отдавая честь, требуйте квитанции.

Дай человеку возможность выбора —
будь двусмысленным.

Тем, у кого упала с глаз пелена,
нередко помогают закрыть глаза.

Астрологи, молитесь за беззвездное небо.

Когда хищник теряет зубы, убедись, не молочные ли.

Капралы утверждают,
что без них человек не шагал бы в ногу.

Носит знамя защитного цвета.

И пломбы хотели бы быть больше дырок.

Ох, уж эти оптимистики!

Тема диссертации —
«Человек в истории человечества».

И мумификация действует в течение ограниченного срока.
Потом являются археологи.

Единица, не будь нулем!

После Спасителей и могилы пусты.

Верю ли я в реинкарнацию?
Да, только не в справедливую.

Из-за того, что двое обычно спешат уединиться,
миру грозит перенаселение.

Спектакли истории дешевы:
массовому герою выплачивается жалование статиста.

В каждом из нас молчит что-то иное — невыразимое.

Творите новые мифы!
У нас не осталось новых символов для намеков.

Многим из творцов удалось обзавестись
крышей над головой только в пантеоне.

Давайте поливать друг друга только отечественной грязью!

Какой он гибкий!
У него в любой ситуации наготове жесткое мнение.

Чаще всего у нас вырастают за плечами крылья,
когда мы надеваем ладно скроенный пиджак.

Лабиринты пустыни.

Первобытный человек, действительно, говорить не умел,
но зверей понимал.

Является ли организованное хамство
его высшей стадией?

Однажды, когда мне, угрожая пистолетом, гаркнули:
«Жизнь или кошелек!» — я потребовал кошелек.

Недоношенные события беременных эпох.

Пегасы, вскормленные зерном ненависти.

Им так вдохновенно отрыгивается!

Порой инстинкт самосохранения
изменяет в человеке все органы.

Этот поэт знает свой предел —
тормозит как раз там, где начинается поэзия.

Вас так ужасает мой пессимизм?
Могу представить,
как ужаснулись бы вы от моего оптимизма!

Внутренняя ли это цензура,
если писатель имеет эту цензуру в виду?

Кресло власти сделано не по размеру головы.

Не знаю, философия ли это.
То, что иногда ноет у меня под левым крылышком души.

Замки на людях.

Этот художник восседает за столиком,
будто стоя управляет колесницей,
и мне всегда кажется, что это не кофе дымится перед ним,
а конские яблоки его рысаков.

Сначала несколько раз плюнули ему на голову.
Для того, оказывается, чтобы легче напаять на нее венец.

Напоминание: «национальное большинство» не означает,
что его отдельный представитель больше,
чем представитель национального меньшинства.

Не мысль теряет актуальность,
а мир, к которому она обращена.

Я запечатлеваю образ эпохи.
Оправленный в гробовые доски.

Ты спрашиваешь, сынок, где растет хрен? В носу.

Битва полов ведется традиционным оружием.

Можно иметь alter ego, не имея собственного я.

Некоторые путают собственную эксгумацию
с воскрешением.

Давайте отличать народное искусство
от народно-демократического.

Кто говорит «мы», не думает о себе.

Сатирики —
это контрабандисты пафоса через границу комического.

Некоторые берут тюремный устав
за основу проекта конституции.

Сотворило нас Слово, и мы ему за это мстим.

Сатира должна ходить на пуантах не от страха,
а чтобы выглядеть привлекательней.

В краю вранья фантазия угасает.

Если бы ноги умели по-французски,
они б не делали фальшивых шагов —
лишь faux-pas'ы *.

Вглядись, чьи знаки у ангела под крылами.

Есть святые, житие которых начинается от канонизации.

Самое главное, что нашлось-таки место для вселенной!

Половой такт.

* Фальшивый шаг (фр.) — балетный термин.

Мифология.

Эпоха Великой Ретуши.

Как же расти нам, втиснутым между землей и небом?

Вырывай цитаты из себя.

Надо преодолеть силу притяжения случайных слов!

— Иду с мессы за упокой души светлой памяти Гамлета.

— Откуда?

— Из часовни общины Сестер Офелианок.

Нужно быть созвучным времени?

Да, но по крайней мере на октаву выше!

Порой нужно всё поставить на голову,
чтобы оно наконец встало на ноги.

«Нет» сверху и «нет» снизу — это два разных слова.

По прошествии веков одна и та же мысль знает больше.

Наполним воздушные шары облаками.

Не проболтайся, что стал выше их на голову.
Не то тебе ее отсекут.

В дантеизм впасть нетрудно.

И у дорог, ведущих в никуда, покрытие все лучше.

Столкновение слов: *карамболь* — *каламбур*.

Огонь очищает. Себя от еретиков.

В конце концов люди меня возненавидят, как тех,
кто рассказывает, чем заканчивается детективный фильм.

А не вышел ли человек из слова раньше, чем из пещеры?

Поэзия должна обходиться без логики?
Ведь логика должна быть экстрактом поэзии.

Растолковать содержание слова —
вот писательское искусство.

Вчера я забыл подумать.

Со временем все притупляется
и потому наносит более жестокие раны.

Я эпигон. Десяти Заповедей.

Как мало всего происходило бы в мире,
если б не было слов!

Люди, пусть сердце ваше вырастает аж до мозга!

Некоторым ошейник к лицу.

Расшифровать мир, освободив псевдонимов слов!

Все мысли — на земле.

Лишь немногие мы должны вырвать у неба или ада.

В древности грамотеи чаще всего были рабами.

Инвалиды духа ползают на коленях.

«Что ж, нынче у войн убийственный темп», — изрек ветеран.

Все больше оттенков!

Скоро между белым и черным вообще не будет пропасти.

«Падаль!» — проговорила гиена. И сожрала.

Поэт, мысли, которые ты забываешь, — это не твои мысли.
Это нашептывания твоей Музы.

Следы гигантов? Нет, это башмаки клоунов.

Неослабевающее напряжение безразличия.

Чихаешь на всё? Ничего,
только не сдуй этой цветной пыльцы с мира.

Стена, отделяющая человека от человека, —
это лишь фундамент храма всеобщей любви.

Если бы Дон-Кихоты не сражались с ветряками,
не было бы паровых мельниц.

Иногда трудности в разговоре с людьми
возникают из-за отсутствия острых зубов.

И лишь тогда, когда мы достигли ядра тьмы,
у нас в головах просветлело.

X — это выражение новой эпохи. Неприличное!

Я даже не уверен, стоит ли сомневаться.

Благославяне.

Не каждый является своим двойником.

Прижмись ухом к слову:
бывает, оно шумит подобно раковине.
Из которой, как улитка, пропал человек.

Во времена упадка не всегда ищи упавших внизу.

Человек созревает. На неопалимой купине.

Когда подставляешь ногу зверюге, помни,
что у него их по крайней мере четыре.

Реальность не поспевает за комментариями.

«Ах, кабы весь мир был красочным», —
вздыхает он, утопая в колоритной грязи.

Присягал скудоумию.

Является ли афоризм приговором? Да, автору.

И человеческое мясо продается в бумажной упаковке.

Представляю себе внутреннюю борьбу *Homo sapiens*,
прежде чем он решился произнести первое слово.

Наследники престолов — как правило, Гамлеты.

Помни, каждому охота приготовить свое жаркое,
но чаще всего из чужой ягодицы.

Сколько же простора лишает нас эта сумма
пустоты в головах!

Перед человеком маячит призрак возвращения в пещеру.
Но кто осмелится утверждать,
что он вновь начнет с изобретения дубины?

Удивляет этот экономический закон!
Видал, как человек продавался.
Когда же он получил сумму x ,
то уже не стоил даже сотой ее части.

Можно еще долго стискивать зубы,
если между ними время от времени есть что-то съедобное.

Печатная краска — сперма нашего века.

Не нашедшие место в моем сердце,
как же часто вы заселяете мою голову!

Эта перифеерия.

Искренен ли я? Да, но только искренность мою скрываю.

Афоризм оставляет больше места для человека.

Мгновенье раздумья — и... мысль не родится.

Убедить способна только *идеологика*.

Лета является притоком потока сознания.

Это кит. Мелкопорубленный на плотву!

Сколько я пережил Библий, начинающихся от Адама и Евы,
а заканчивающихся Хаосом!

Величают меня черным пессимистом.
При этом причисляют к Легкой Музе.

Высокие полеты сопрано.

Были эпохи переселения народов
и времена переселения государств!

Какая может быть гармония между телом и душой,
когда последняя в любую минуту
готова спасти себя ценою тела?

Не верю тем, которые говорят,
что они лежат ничком перед тираном оттого,
так как очень любят родную землю.

Жизнь, прожитая без анекдота.

Утверждал, что прошел ад. Быть может.
Лично я видел его едущим по нему в шикарном лимузине.

Рассвет и сумерки — две важнейших поры.
А человек обычно зеваает.

Если бы льва смогли запихнуть в клетку канарейки,
вот уж он бы нам зачирикал!

Это был день без световых эффектов.

В себя холостыми не стреляют.

Эта еле слышная барабанная дробь по гусиной коже!

Однажды и я ощутил небо в себе. Начали мне жать звезды.

Он забился в щель своей раздвоенной личности.

Мысли невидимы, безмыслие же очевидно.

Родился от Музы, которая ему отдалась.

Классик! Это значит, что из него можно сдирать без вреда и для него, и для плагиаторов.

В равнении вниз нет равных карликам.

О, лакейские эти души,
готовые жить и умереть по первому призыву!

Был расчленен на отдельные воспоминания,
которые скорее разделял, чем соединял собою.

Экспедиция аргонавтов за собственной шкурой.

Хорошая дикция лишает поэзию многозначности.

С Парнаса съезжают прямо в Лету.

Лишь тот, кто завладеет солнцем,
сможет стать абсолютным властелином тьмы.

Собираются тучи. Чувствую это ногами. Зудят.
Пора брать ноги в руки.

Трудно найти деньги: они не пахнут.

Выпалила: «Он сочетает в себе готику и барокко,
рококо и модернизм, он такой всесторонний.
Истинный человек ренессанса».

Боюсь дилетантских религий. Там и Господь дилетант.

Мир и комментарии к нему — это всё.

Слава многих авторов переходит границы отечества.
Да и авторы не прочь поспешить за ней.

Не отступаю от веры моих отцов — верю в человека.

Сетуем, что уже не стало сказок, зато увидите,
сколько их останется от наших дней.

После смерти положили ему два лавровых листочка на глаза.
Они и при жизни ему всё заслоняли.

Держись от ближних на расстоянии любви.

Некоторые больше акцентируют на осмыслении истории, нежели на том, чтобы ее творить.

Заглянул я раз за кулисы театра марионеток — и нитки там дергают тоже марионетки. А дальше меня не пустили.

Оборотная сторона аминей.

Кто не хочет сидеть, должны встать!

Порой темнеет от ангельских крыльев.

Диктаторы варят своим подданным приправы из лавровых листьев.

Вариант: *ГАМЛЕТ*. Речи, речи, речи.

Неграмотным пройти от *А* до *Я* раз плюнуть. Без алфавита.

Какие же мы, если удивляемся двухголовым телятам, а огромные человеческие одноглавые коллективы считаем творением природы!

На пороге дома поэта прибита подкова Пегаса: он здесь споткнулся.

Ветряк шинковал небо, словно капусту.

Я — веду монолог? С некоторыми я вообще не говорю.

Почему я не пишу о красоте мира?

Да потому, что он лишает меня дара речи.

Не в меру много орлов — не в меру мало домашней птицы.

О, террор Святой Интуиции!

А если вдруг мне прикажут отдумать назад все эти мысли?

Сколько же литературных Моисеев

принесло нам с Парнаса *разногласящие* скрижали Аполлона!

Пережил трагедию — написал комедию.

У любви может быть два финала:

либо трагипозитивный, либо трагинегативный.

С опасностью, увы, можно играть дольше,
чем с девичеством.

Пол танцоров очень легко установить.

Ведь есть условные фигуры.

Помни, что парашют затрудняет формирование крыльев.

Человек вышел из себя. Ждем его возвращения.

Их тянуло к орлам, к соколам! Вот и погнали их в Zoo.

Мы освободились из плена животного мира,
но прижиться в мире человеческом нам, похоже, не дано.

Литераторы (обоих полов) — это безумные родители:
они не в состоянии отличить
своих мертворожденных детей от удачных.

Думал, что до самой сердцевины просверлил себя самого,
как вдруг заметил, что меч по рукоятку погружен в ближнего.

Да не текут мысли по тому же корыту, из которого едят!

Когда смотришь на нее, невозможно поверить,
что ее душа лишена такого роскошного бюста.

Когда палача упрекнули в том,
что он выполнял свою работу при том и этом режимах
и казнил впоследствии тех,
кто ему приказывал казнить этих, — он ответил:
«Меня не интересуют взгляды, я вижу только человека».

Творцы, помните, что пантеоны —
это всего лишь кладбища.

Есть люди незаменимые в своей повторяемости.

Интересуются,
почему я свои мысли записываю в людных местах,
в кафе, а не дома в одиночестве.
А чтобы не забывал, на каком свете живу.

Иногда прорву текущих мыслей тратишь,
чтобы запомнить одну.

Им можно верить:
у них фундаментальные знания о тех государствах,
в подвалах которых они сидели.

Сколько я моих смертей убил!

Когда этот писатель выплывает из глубин своей мысли,
он весь мокрый от пота.

Странно, что рыбы молчат о Потопе —
это был их звездный час.

Никто кроме человека не выдал тайны Божьего
присутствия.

Ах, эти пропотевшие мозги... с запахом таких же носок.

«Ведь истинный художник всегда говорит правду», —
нередко наставляют творцов в прокуратуре.

Во мне горечь?

Да, но я стараюсь сдобрить ее аттической солью.

Лишь грамматика уверена в будущем времени.

Поражение всех над всеми!

Этот писатель мыслил образами,
представляющими музейную ценность.

И человеческий рык подчиняется грамматике.

Из-за угла твоей тени.

Когда мечтаешь — храпи! Это тебя спасет.

Там, где на стене появляется надпись *Мене, Текел*,
обычно к ней спиной ставят людей — чтобы ее заслонить.

В Москве открыли Театр Сатиры.

Две тысячи мест для публики!

А сколько для сатиры?

Люди должны время от времени видеть кровь.
В этом убеждает их же догадка о родстве рас.
«У всех красная!» — также ручается и животное.

Иногда поджигатели убеждены,
что они несут перед народом факелы.

Атеисты говорят о времени
«от Рождества Христова» — «наша эра».
Поразительно.

Мнимые перспективы способны очаровать примитивов.
Разве что в искусстве.

Люди растут — и скоро смогут посматривать через окошко
под потолком камеры.

Я не из тех, кто, поклоняясь кресту,
не видит на нем человека.

Его ощущение действительности раскалено
до метафизического состояния.

Мой пасторский посох — это вопросительный знак.

Пусть не удивляются те, кто четвертует своих врагов,
что число их противников множится.

Радуга в трауре.

А тени колоколов бьют собственный час.

Вы удивлены, что Легкую Музу
охотнее носят на руках?

Можно смириться с природой вещей —
только не с человеческой природой.

Иногда грустно размышляю:
вот мы — поэты, сатирики,
а своими писаниями способны, как Лютер,
бросить в сатану только чернильницей?

Как рождаются мысли?
Ночью, по зову собственного сердца, выбегаешь в город:
ты должен к чему-то призвать людей.
И ты должен это начертать на городских стенах,
не получив никаких директив,
не пройдя подготовки, никем не подкупленный.
Рука твоя уже всё знает. Не задрожит.

В мифах люди разоблачили себя:
именно так они поступали бы,
если бы были богами.

Он не из тех, кто не реагирует на плевков в лицо.
Мигом отнес его на анализ.

Понятие бессмертия диалектично и зависит от эпохи.
Бывало, что оно означало тривиальную смерть в кровати.

Доколе еще будут делать людей из заменителей?

Всё функционально.
Особенно то, что явно *не для чего*.

Каждый берет от меня то, что ему удобно.
Поэтому ничего удивительного, что мне самому в жизни часто бывает неудобно.

«Бывает, чувствую такой мощный заряд вдохновения, — признался он, — будто меня оседлал Пегас».

Некое создание встало на две задние конечности,
а потом опять упало. На четыре колеса.

Когда его вешали, у него промелькнула мысль:
«А что если сейчас у всех земля вдруг ушла бы из-под ног!
Все бы сгнули».

И еще эта сладкая уверенность:
«А я висел бы в этой пустоте на моей виселице».

Не забывайте,
что есть и приверженцы креста как орудия пытки.

Сколько же людей до рассвета просто дохрапели.

Не надо загонять людей в тупик.
Чтобы выбраться из него,
они готовы разрушить весь мир.

Много раз, надевая на себя какие-то доспехи,
наряды или тому подобное,
я слышал, что все это, мол, из театральной костюмерной.
Но когда однажды посягнул на комедиантский,
лицедейско-фривольный жакетик,
я не мог никому втолковать, что это не моя кожа.

Я услышал крик человека. Кинулся ему на помощь.
Обнаружил меня, взывающего в себе самом.
С тех пор и пишу.
Некоторые называют меня эготистом.

О существовании Бога иногда хочется помолиться.

О, это великий демагог!
Сумел вместить в себя весь сброд.

Есть туристы, которые посещают святыни мира,
будто проверяя жилищные условия Бога в каждой стране.

Грандиозная затея нередко пробуждает немое смущение,
которое у иных со временем перерождается
в негодующее молчание.

Помните,
протоколы Сионских Мудрецов были фальсифицированы,
но протоколы глупцов всегда настоящие.

Каждое яблоко на шкуре Пегаса мечтает,
чтобы и у него выросли крылья.

Не утонет: он крепко стоит на якоре у берега отчаяния.

А может, я действительно индивидуалист?
Не хотел лежать в братской могиле.

Антропоморфизм * сказок? При таком озверении человека?

Мартиролог народа предусматривает
его обязательные чтения.

Спаситель приговорен к повешению. На шеи людям.

Свобода является функцией не политических органов,
а дыхательных.

«Всегда вглядывайтесь в будущее!» —
часто кричат прохиндеи, крадя в это время у нас настоящее.

* См. сноску на с. 662.

Не будем забывать, что Земля и ее окрестности — это, в сущности, глухая провинция!

Люди той страны были замкнуты — одни изнутри, другие снаружи.

Сколько раз, когда кто-то из моих ближних держался за лицо, я думал, что миру дана пощечина.

Идет дождь. Пули ржавеют на лету.

Хромота является ахиллесовой пятой его сравнений.

Я тоже признаю тиранию — принуждение к мышлению.

Сколько было этих
не зарегистрированных сейсмографом землетрясений —
когда портреты падали со стен!

И Бог изъяснялся цитатами.

Отменена монополия на глупость.
Ее национализировали.

А может, описать стену равнодушия?

Жуть: от каждого *завтра* нас отделяет темная ночь!

В иные минуты нужно как можно громче требовать право на молчание.

Будьте внимательны:

у ангелов с крыльями Пегаса есть еще и копыта.

— Я оказался в оппозиции: дал негативный ответ.

— А на какой вопрос?

— Присоединяюсь ли я к негативной точке зрения?

Чего только не случается со случаями!

Придет пора, когда не будут нужны стремянки: всё окажется на одном уровне.

Обладал блестящим стилем — написал книгу, не сказав ничего.

А гвоздь, однако, изобрели для менее утилитарных целей, чем прибивание к кресту.

Время всегда убегает — то испытывая вину, а то опасность.

Приветствуй день вставанием!

Сколько последних слов бьются за первенство!

Искусство не могло бы обойтись даже без того человека, который мог обойтись без искусства.

Темп нарастает.

Все больше людей сразу приходят на тот свет.

Многим хотелось бы иметь свое место под солнцем — в тени.

Мгновения проносятся молниеносно, но прошлое покидает нас нескоро.

Хочешь встретить себя? Поезжай в чужой город.

Вши разносят тиф, не болея им, чем напоминают многих духовных посредников.

Уже поздно. Рассветает.

Горе Прометеем, для которых скала становится опорой.

После того как Моисей разбил первые скрижали, многие сложили их на свой манер. Отсюда всё.

Стиль эпохи включает и ее жестокость.

Каждая нога действует собственноручно.

Эстеты, конечно же, за распятие. Симметрия.

Если ты открыл эликсир вечной жизни,

тут же запатентуй его.

Иначе не сможешь ничего оставить своим наследникам.

Самое важное — кем является вторая часть полубогов.

Люди, объединяйтесь!

Вот, смотрите: ноль — это ничего,

но два нуля — это уже что-то значит.

Если бы нами правили людоеды,

может, была бы надежда

на «период запрета охоты на человека»?

Что ж, и на солнце есть пятна.

Существует ли неверие, преступающее границы веры?

И у логики есть слабая сторона.

Она кажется нелогичной всем тем, кто ее не понимает.

Всё уже написано.

На долю писателей остались лишь нюансы.

Не везет. И как раз в эпоху великих обобщений.

Шедевр всегда ближе к кичу, чем посредственность.

В этом смелость гения.

Приостановите время — я хочу отремонтировать часы.

Ах, эти фальшивые бумеранги —
возвращаются, не будучи запущенными.

Это профессиональный человек!

Не все звезды родились при Сотворении Мира.

Некоторые моложе.

Легче всего ввести твердый режим
для мягких подданных.

Переоцененная Венера.

Залежавшаяся женщина.

Одни всем обязаны своим предкам,
другие — своим задкам.

Ослы — с длинными ушами, длинным языком и короткой памятью.

Некоторые паразиты чувствуют себя прекрасно в пасти льва.

Право владеть перьями должно быть только у тех, кто может из них сделать крылья.

Карикатура на себя самого выявляет больше подробностей нашей самовлюбленности, чем автопортрет.

Мне кричали: «Тебя ждет всё!»
А я бы предпочел — меньшее.

Извращенцы! Языком насилуют грамматику.

«Инженеры душ» внимательно следили за тем, чтобы они не были изготовлены из легковоспламеняющихся материалов.

Лицо порядочного человека так устроено, что когда у него открываются глаза, то он уже не в силах держать язык за зубами.

Ничто занимает слишком много места в мире.

Эгоцентрик, глядя на ближних:

«Так бы я выглядел, будь я др-м В,
так — будь я инж. S, так — будь собакой майора Т,
а так — канарейкой пани О».

Глядя в зеркало:

«А так — если бы был поверхностью зеркала».

Не все, кто берет старт, достигают цели.

Однако на финише их гораздо больше.

Уже нет нецензурных слов,

зато есть нецензурные высказывания и статьи.

Почему я пишу с прищуром? Перспектива лучше.

Не хочется верить, что рыбы не знают,

что происходит вокруг.

А ведь молчат будто замороженные.

Самая заметная черта его умственной лени —

неутомимая активность.

Этот человек так и остался эскизом.

На пространстве одного предложения

рождается, живет и умирает человек.

Интеллигенция мешает управлять.
Конечно же, не «трудящаяся».

Аутсайдер?
Это мнение тех, кому не хочется подпускать его к кормушке.

Эпоха поэтов глаженных и поэтов поротых.

Календарь молодости однообразен —
постоянно май.

Его катафалк запряжен четырьмя Пегасами.

Если он не умеет читать по глазам,
умея даже кое-как писать доносы, —
все равно он неграмотный.

Сатира убивает, а не оскорбляет.

Страх не растет с усилением мощи
оружия массового поражения,
и самым сильным остается наипервобытнейший страх —
страх перед ударом дубины по твоему темени.

Сказанным нужно по крайней мере
обозначить границы недосказанного.

Когда наступает рассвет, трудно противостоять ночи,
которая еще только наступит.

Ненавижу Гутенберга: изобрел печатки.

Течение мешает распознать, кто плывет добровольно.

Если бы сны длились непрерывно,
ах, сколько же алиментов пришлось бы платить!

Заочное обучение офтальмологии.

Одни религии почитали мучеников,
другие — палачей.

Обнаружил старые свои фразы,
отвергнутые редакторами за их наивность.
Их и нынче не могут напечатать.
Они — сегодняшней день.

Предложением
«Z. съедает собственные экскременты»
заинтересовалась экономика.

«Ты уже для меня только воздух», — сказал он.
И добавил: «Без которого я задохнусь».

Иные хотят скроить мир по своим меркам,
не учитывая размера людей.

О стиле.

Просматривал журналы двухсотлетней давности.

Что за очарование языка!

И кому какое, черт возьми, дело,
писал ли данный автор в соответствии
с тогдашним синтаксисом или нет?

А может, беззубые придадут слову новую форму?

Есть такие эпохи безмолвия,
заполненные аж до потолков стенограммами речей.

Даже прииски воспоминаний были национализированы.

Только мудрое сердце способно заменить мысль.

Не ставь свой будильник на последний час.

Порой женщины лежат с теми,
кто не достоин с ними сидеть.

Есть мысли,
которые щеголяют в непричесанном парике.

На каждом шагу запреты:

Не плевать! Не сорить! Не шуметь!

Не ехать по левой стороне!

Не видел я только таблички: *Не убивать!*

А что, может, подействовало бы?

Роман с лирикой упоителен даже на простом тюфяке.

Это у меня такая фантазия:

из удушливого смрада каналов вообразить Венецию!

Вот она, **ЦЕЛЬ!** Я добежал, оглянулся и вижу: **ЛЕЦ.**

МАЛЕНЬКИЕ МИФЫ

Перевод
Евгения ФРИДМАНА

Был я однажды в государстве Икс. Поселился в отеле и, усталый, тут же улегся отдыхать. Не знаю, сколько я проспал до того, как услышал стук в дверь. Это был хоть и перепуганный, но строгий портье.

— Извините, — выпалил он, — у нас положено спать, а не смотреть сны!

2

О НЕЗАСЛУЖЕННОМ ПРЕНЕБРЕЖЕНИИ ЛАРИНГОЛОГИЕЙ

В свите короля Минуса один из придворных позволил себе как-то многозначительно кашлянуть.

— Першит что-то, — просипел он.

Министр двора тут же протянул ему коробочку с драже:

— Замечательное средство от покашливания.

Придворный осторожно, двумя пальцами взял пилюлю, проглотил ее и... кашлянул — последний раз в жизни.

Все присутствовавшие затаили дыхание, чтобы не кашлянуть, и затряслись, ибо министр двора еще не закрыл коробочку с пилюлями.

3

О НЕЛОВКИХ ПОДАРКАХ

Встретил я как-то в одном спецресторане за границей (там уважали странные вкусы своих экзотических завсегдаев) одного господина, которому готовили печеночку сипа.

После неоднократного посещения этого заведения во мне зародилось радостное предчувствие.

И вот однажды, проходя мимо того господина, я поклонился ему и пробубнил довольно фамильярно:

— Мое почтение, профессор Прометей!

В ответ он послал мне всепроникающий ангельский взгляд.

В следующий раз ко мне подошел boy и протянул мне крошечную коробочку. Открыл я презент уже дома. Там была маленькая, отлично действующая золотая зажигалка. На ней было выгравировано: «Тссс!»

До сих пор, однако, меня снедает подозрение: «А не краденая ли она?»

4

Когда я время от времени произвожу смотр своего поколения, то вижу всех нас в коротких штанишках, с матросскими воротничками. На головках большинства из нас просматривается терновый венец мученичества, на челе многих же сияет отблеск героизма, и лишь у немногих в уголках рта притаилась в засаде гримаса преступника.

А я все тот же. Разве что брюки на мне выросли.

5

Видел я такой сон: какие-то исполинские руки или механизмы месили мозги, вынутые из черепов. Так был замешен один Большой Мозг. Потом пустые черепа, построенные по ранжиру, пытались затолкать его в свою мозговую оболочку — разумеется, безуспешно.

Наутро хочу поделиться своим сном, но не знаю с кем. То ли с Большим Мозгом, то ли с пустыми башками.

6

О, это был Рыцарь Правды. Он искал ее всю жизнь и, по слухам, нашел.

— Так что же такое правда? — спросил я.

— А то, — слышу в ответ, — что она убила его.

7

Проходила «Неделя Милосердия к Животным». По улицам ходили сборщики пожертвований обоих полов с собаками наиболее устрашающей породы. Пожертвования текли рекой. Все проявляли лояльность к домашней живности. Бездомные коты бесчинствовали на помойках, прохожие остерегались бросить камень в крысу, пробежавшую по двору из канализации до следующей дыры. Детишки не позволяли родителям давить клопов и спасали блох, выдирая их, полуживых, прямо из пасти своих Тузиков.

Местный попрошайка, который всегда, даже в глазах недоброжелателей, выглядел достойным сострадания, сегодня невозмутимо стоял, блаженно вознося взгляд к небесам, на шестом этаже которых красовалась любовница директора М. — Кася, демонстрируя свои салатовые трусики.

На груди нищего вместо обычной надписи «Неграмотный глухослепонемой эпилептик» болталась табличка «Неделя Милосердия к Животным. Происхожу от обезьяны». Наш приходский священник, шедший со мной, тоже сунул грош побирушке, не преминув наставительно мне шепнуть:

— Это не означает, что я сторонник Дарвина!

8

ЧЕРНОЕ НА БЕЛОМ

Я всмотрелся в свое лицо, отраженное в черном кофе. «Так бы я выглядел, если бы был негром». Я догадывался,

что моя мысль неточна, но так же ошибочно, я уверен, думал о себе негр, отражаясь в молоке.

Это было во время оккупации.

Мне не хотелось думать, как я выгляжу в глазах тех, которые не гадали, как они выглядят в моих глазах, опущенных при нашей встрече.

9

Малыш каждый день выводит это Великое Неведомое на коротком поводке по нужде. Взволнованные, прохожие глядят на этот мистический ритуал. Я готов присягнуть, что это жесткошерстый терьер, правда слишком переросший. Однако собака это или не собака, однако магия толпы передается и мне, поэтому я всегда хочу кликнуть ей: «На! На! На, Великое Неведомое! Сюда! Сюда! На!..» Так на меня действует сила коллективного мнения. Но всем ИЗВЕСТНО, что это — именно Великое Неведомое, и мне тоже это известно. И я, ощущая сейчас беспримерную отвагу, записываю эти слова как кощунственный парадокс.

10

Он скупил у меня всех моих врагов. Заплатил мне столько, что они сразу же стали его врагами. А теперь он мой враг, ибо зря заплатил мне за своих откровенных врагов. Теперь его самого выставили на торги. Случись это раньше, я бы мог его продать ему самому.

11

Оказался я тогда в стране, название которой забыл, а на то, чтобы поискать его у сына в альбоме для марок, я слишком ленив.

Только я пробудился от своей гостиничной бессонницы, как вдруг вдали зазвучала мелодия лопающегося стекла, словно ее исполняли на бьющихся бокалах. Все ближе и чище звон, все ближе стеклянные лопающиеся звуки набирающего мощь гимна. В пижаме нездешнего покроя, я вскакиваю с кровати, распахиваю свое окно на третьем этаже. И что же я вижу! По главной магистрали столицы валит людской поток и направо-налево колотит стекла витрин — большие, средние, маленькие. Звон стекол высшей чистоты! *Canto* и *refrain* — проплыли подо мной в какой-то мятежной гармонии и сгнули за углом. К моменту, когда я принял ванну, побрился, оделся и позавтракал, взбунтовавшаяся толпа уже успела взять власть в свои руки.

И тогда я узнал из газет (к этому часу, разумеется, правительственных), что нынешние хозяева жизни провели долгие годы в подполье. Стекольщики по всей трассе предстоящего Марша Победителей вставляли витринные стекла разной величины, толщины и качества — так, чтобы, когда их будут колотить, они звучали мелодией гимна революционеров (уже, разумеется, бывших). И в то же самое время велась уборка битого стекла. Оно в соответствии с заботливым распоряжением новой власти должно быть доставлено на завод. Тут, конечно, специальная комиссия обязана установить контроль над выплавкой нового стекла. Заодно — над стекльщиками.

12

ВЕЩИЦА ИЗ 1960 ГОДА

Киоскерша, у которой я всегда покупаю газеты, знала, что я пописываю. Поэтому спросила меня:

— Нет ли у вас случайно ненужных номеров такого-то журнала за такой-то год и такого-то журнала за такой-то и такой-то год?..

— Посмотрю, — ответил я. — В моем подвале есть какая-то не разобранная макулатура. А вы что, подбираете годовые комплекты? — спросил я в свою очередь.

— Да, — кивнула она, и в тот же момент к киоску подошел джентльмен неопределенного возраста. Он поклонился, улыбнувшись, и наклонился над окошком. Киоскерша достала из-под прилавка старые, словно прогорклые, газеты, скрутила их в трубочку и протянула ему через окошко. Джентльмен оставил ей уже приготовленную мелочь, поклонился и ушел.

— Это как раз для него я собираю эти номера. Он живет сейчас в 1939 году! — объяснила она и посмотрела на меня с естественным сочувствием, свойственным простым женщинам. Потом добавила:

— Страшные времена у него еще впереди.

13

ПОЙМАЛ СЕБЯ НА НЕТЕРПИМОСТИ

Извивалась передо мной змейка, выделявала свои выкрутасы. Вертела себе головкой, будто не замечала меня, а глазки ее так и стреляли. И я в свою очередь делал вид, что меня интересует то ветер, колышущий траву и щекочущий листья, то растрепанный ручей.

А змейка всё складывала свои буквы в слова, адресованные явно мне. Мудрости в ее писанине не было ни на грош, однако, согласитесь, сам факт изумляет. Я с особым волнением вчитывался в ее послание, пока не содрогнулся, однако занятие сие не бросил. Потом пришло чувство гадливости. И раз, и другой! На третьей орфографической ошибке я схватил суковатую палку и просто заколол гадину. Вот такой я нетерпимый!

14

Когда я копал ров, часть которого должна была стать моей могилой, и по привычке тихо насвистывал себе какой-то мотивчик из «Летучей мыши», охранявший меня эсэсовец изрек: — Да ты циник!
Чем-то я, видимо, был ему несимпатичен.

15

ЖИЛЬЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ?

Давным-давно, когда мы были детьми и жили в Одном городе, то приходили в Один парк и строили песочные дворцы, в которые (о бедное сердце ребенка!) мы не могли вселиться.

Недавно мы вновь оказались в этом городе. И надо же! — в тех самых замках из песка, которые мы когда-то, еще до обеда, покинули, оказывается, живут люди. Неужели они такие маленькие? А ведь они не уместились в нашей памяти. Прогнать их, что ли, песочными плетями?

16

Снилось мне как-то, что мы с пани Икс... ладно, обойдемся без подробностей. Назавтра я перевел даме через сбербанк причитающуюся ей довольно большую сумму. Вскоре все это повторилось, но наяву, и я рассчитался с ней таким же образом. Однако пани Икс обратила мое внимание на то, что на сей раз сумма была ниже предыдущей. Ну как я мог, будучи джентльменом, объяснить даме, что во сне она была обольстительней.

— Что ж, доплачу во сне, — сказал я и дал ходу.

КАК Я СТАЛ САТИРИКОМ

После санации дырки в зубе врачаха вложила мне слишком большой флетчер. Он раздирал мне углы губ. Раз, другой я провел языком, хотел третий раз, но удержался. Во-первых, это происходило на приеме у моих приятелей-снобов, во-вторых, ничего не помогало. Но, нервничая, я вынужден был растягивать уголки рта. Иногда я даже подмечал, что верхняя губа у меня подворачивается.

— О, да вы иронист! — прогудела пани Мия, демонический синий чулок этой компании.

— Должно быть, вы чертовски остроумны! — сладко разнюнилась ее приятельница.

— Так ведь это известно! — взревел всезнающий адвокат, приехавший раз в квартал из районного городка.

— Мда! — утробным голосом засвидетельствовал умеющий хранить тайны гинеколог.

А моя губа продолжала задираться одним уголком, и, когда я хотел ее незаметно отпустить, проклятый флетчер прищипывал ее, и она снова подскакивала вверх.

Я был потерян. Пришла паническая мысль: а может, сказать правду? Ага, пристыжу их — и настигнет меня общественное презрение. Тяжелая, как свинец, субстанция, вопреки физическим законам, взлетела вверх и ударила в мозг: «Надо выдать им какой-нибудь анекдот!» А у меня, кстати, исключительная способность — забывать хохмы, всякие прибаутки. Вот и приходится наносить диктаторам уколы, приготовленные иным персонам. В мозгу бездонная пустота незапломбированного зуба. Ничего из того, что прочитано, ничего из ресторанных пересудов, ничего из оппозиционных перешептываний, ничего из приятельской пошлятины!

И вдруг из меня выскакивает:

— Я же был сегодня у дантистки. Это мне флетчер мешает.

Как заливное, затряслась от смеха вся компания, и это заливное до сей поры растекается во мне теплыми воспоминаниями. С тех пор я был обречен быть остроумным. Везде и всегда. По требованию друзей и врагов. Но прежде всего — равнодушных. Зуб вскоре запломбировали, чуть позже надели на него коронку, и вообще его давно уже нет.

Что же прикажете делать? Как утопающий хватается за соломинку, так я силюсь достать языком до правды. Надо же — лопаются от смеха.

Я же умираю от страха опозориться. Как завершится это состязание? У кого хватит дыхания — у меня или у правды? Я трепещу. Как говорят, *veritas vincit*, или, как переводят, *правда побеждает*.

18

Не раз приходилось мне во время морских путешествий наблюдать за моим другом, когда из пучины морской выныривали сирены и принимались исполнять свои напевы. Он всматривался в них странным взглядом, недоверчиво покачивал головой и всегда, когда обнаруживал на себе мой взгляд, говорил:

— Поразительная техника дыхания у этих телок!

19

Что ж, и я любил несчастливо. Не поверите. От отчаяния бился головой о стену. Голова цела. А стена нет. Какая-то паршивая бомбочка размолола ее в паприку. О, та стена должна была хранить отметины от ударов моей головы. Как и сердце мое, искрошенное в порошок.

20

В заморском государстве S. приговоренным к казни после отсечения головы не мешкая приживляли новую (из ряда тех, что выращивались специально и имели чрезвычайное сходство с головой диктатора) и выпускали на свободу. Жуть! Мозг тирана вступал в схватку с вражеской кровью. Либо голова брала верх над плотью, в которой текла бунтарская кровь, либо кровь торжествовала над черепушкой тирана.

Для стороннего наблюдателя, к коим я себя отношу, последствия были равнозначны.

Даже не верится, что мир так долго об этом ничего не знал.

21

Я тогда направлялся за город и проходил мимо прилавка, за которым мужчина в расцвете лет торговал сверкающими на полуденном солнце фруктами. Поприветствовали мы друг друга улыбками, ведь нас связывало общее число прожитых лет.

Долго я бродил по полям и лесам. Когда же под вечер возвращался в город, то вновь увидел того человека. Он по-прежнему был при своих яблоках, грушах и сливах — седоголовый, в морщинах, сгорбившийся. Но этого я сказать не решился и только выговорил:

— Стареем, стареем.

— Именно, — вздохнул он. — Я-то помню вас еще совсем юным. Признаюсь, никогда не представлял вас стариком.

Я поднял одно яблоко, но сообразил, что даже надкусить его не смогу. Поэтому сделал вид, что с наслаждением нюхаю его.

22

ВОСПОМИНАНИЯ

Встретил меня недавно знакомый и спрашивает:

— Скажи мне, я тебе снюсь?

— Случается, — отвечаю я.

— И мы что, о чем-то разговариваем?

— Разумеется, — ответил я.

— Очень тебя прошу, — говорит он, — записывай все мои высказывания. Они мне нужны для мемуаров, я уже взялся за них.

Теперь этот негодяй действительно снится мне каждую ночь, и я во сне ничем иным не занят, как только записываю, записываю и записываю. А утром трачу, по крайней мере, час на поиски этих записей и, увы, не нахожу их. Так что я вынужден для этого типа фабриковать вымышленные реплики, которые он тут же опубликует. Сучий потрох!

23

Однажды в кафе я оказался по соседству с неким паном, сидевшим ко мне в полупрофиль. По обыкновению, я бубнил себе под нос что-то об этом мире. Казалось, этому типу не было до меня никакого дела. Разве что его ухо, обращенное ко мне, слегка вибрировало и, я готов присягнуть, поминутно росло. Кроме меня, из посетителей кафе никому не дано было видеть, какие фантастические размеры приняло оно. Яркая лампа на буфетной стойке просвечивала сквозь его кромку, словно через розовую раковину. И я вошел в нее. Вошел незаметно, без стука, вопреки своему безукоризненному воспитанию. Пройдя по темному туннелю, я неожиданно попал в обычный коридор, стены которого наполовину были покрашены серой масляной краской, а вдоль него шла череда

дверей с табличками. Вот оно что, я попал в дом! Тьфу! Что я несу, какой дом?! Однако двери хлопали, из дверей выходили люди с такими же подрагивающими ушами. И у них они тоже росли — в тот момент, когда один говорил с другим. А я входил в эти уши и обнаруживал одно и то же, будто находился в кабинке с зеркалами. Я уже успел заблудиться в этом казарменном лабиринте. Вдруг из этой подслушивающей тишины до меня донесся далекий крик, сначала невразумительный, но с каждой минутой становящийся все более внятными: «Извините, па-, паа-, пан! Вы забы-бы-бы-ли!..» Наконец, из какого-то коридора, выкрашенного, конечно же, серой масляной краской, вынырнул мой официант из кафе. Он размахивал салфеткой:

— Извините, пан! Кажется, вы забыли заплатить за кофе!

Забыл! Ангелы небесные, конечно, забыл! Правда, я вспомнил, что мое пальто осталось в гардеробе. И, пройдя сквозь каждое ухо, мы с ним вернулись в кафе, преодолев в самом конце туннеля последний барьер: хозяин Первого Уха ковырялся в нем, пока я отсутствовал. Наконец я вздохнул.

И тут, когда я вновь оказался за своим столиком, меня догнало эхо из детства — ежедневное напоминание моей няньки: «Тщательней мой уши!» Неужели она имела в виду эту серую масляную краску в коридорах?

24

Меня часто били по голове дубинками, приговаривая: «Будь оптимистом!» И снова дубасили: «Ты будешь у нас оптимистом!»

Я воспринимал это как кровавый фарс.

Однако они оказались правы. Как тут не быть оптимистом: уже не бьют.

25

Однажды в поле зрения у меня оказался господин, который, сняв с себя левой рукой голову, принялся правой рукой причесывать себе усы и изящную эспаньолку. Притом он даже высморкал нос в платок, да так изящно, будто мимоходом, затем угостился папиросой и — о, прохвост — не церемонясь, с папиросой в зубах, вернул голову на место. Не верите? А вы все-таки поверьте, иначе доставите мне удовольствие возомнить себя обладателем дара особого видения.

В какой-то момент голову возмутили какие-то телодвижения хозяина. И ей сорвало башку — она сбежала, что лично я считаю избитым дешевым фокусом. Между тем туловище, не отягченное головой, наконец свободно вздохнуло.

Но, что хуже, я сам почувствовал, как между моей головой и телом начался разлад. На уровне шеи. Хорошо, что я успел приказать господину с отмежевавшейся головой убраться из поля зрения моей фантазии.

26

**ВЫНУЖДЕННЫ
С ЭТИМ СЧИТАТЬСЯ**

Я знал этого негодяя. Он не умел сосчитать до трех. Поэтому, когда одним зимним вечером он приставил к моей шее ствол и произнес: «Считаю до трех! Жизнь или кошелек?» — я так расхохотался, что затылком стукнулся о револьвер. И что же, он таки застрелил меня. Не пулей, а прогрессом в своем развитии.

Винюсь, я не принял во внимание ликвидацию безграмотности в нашей стране. Да-да, встречаются и скептики прогресса.

27

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕВЕЖЕСТВА

Приятель мой Северин недавно был свидетелем того, как я взлетел над газоном и самостоятельно, неспешно парил в воздухе.

— Как это! — возмутился он. — Ты разве не проходил закон Ньютона?

— Нет! А что? — успел я прокричать, огибая высокий тополь. — У меня тогда была в четверти двойка...

28

Будь филателистом!

Ничто тебя не сломит в жизни! Ты будешь непобедим! Победа твоих врагов — новая редкая марка! Лицо твоего палача в ореоле славы — новая марка, не говоря уже о мелких радостях жизни, таких как очередное достижение бракоделов. Напечатают что-нибудь вверх ногами, напутают, наколбасят. Victoria! Множь безмятежность! Не сдавайся никаким превратностям судьбы!

Будь филателистом!

29

Я из крестьян. Оттого никогда в моем сознании навоз не означал ничего оскорбительного, напротив, был чем-то живительным. Я нередко думал над смыслом метафоры «навоз истории». Но нет, ненавижу ее авторов.

30

Меня попросил режиссер А. В. привезти ему из Вены восковые шарики, чтобы затыкать уши. Якобы прекрасно помогают «спать спокойно».

— А я использую другие средства, — ответил я. — Если мне V. скажет: «Можете спать спокойно», — то мой сон уже ничто не омрачит.

31

Когда-то я долго переписывался с одной дамой. Ни разу ее не видел и не получал от нее фотографий. Оттого ее облик нарисовало мое воображение.

Когда же мы наконец встретились, то в ее глазах светился некий иронический огонек. Выглядела она так, как я ее себе и вообразил. Я уже догадался — это колдунья. Она воспользовалась этим обликом лишь на одно мгновение. И я бы убил ее, если бы не был уверен, что она бессмертна.

Вы ждете признания, что она стала моей женой? Нет, она жена моего друга и выглядит совсем иначе.

32

Сидел я однажды в учреждении D, в кабинете с безапелляционным Y. И вдруг учреждение исчезло — вместе с комнатой, мебелью и пр. Остались только мы с Y, в тех же самых позах, в которых до сих пор пребывали.

Y расплылся в улыбке: «Да ведь это невозможно, это противоречит всякой логике!» Он вскочил с несуществующего кресла, подбежал к несуществующему шкафу, извлек из него несуществующий том, поспешил существующий палец, ткнул

им в несуществующую страницу и предъявил существующий-несуществующий аргумент: того, что есть, на самом деле нет. И правда, то, что было, того не было.

33

КАК Я СТАЛ УБИЙЦЕЙ

Я не мог уснуть и прибег к старому испытанному средству — начал считать овец. Считал-считал, но прежде чем уснул, пришел волк и сожрал их всех. Принялся считать заново. И вновь, откуда ни возьмись, волк. Теперь я начал считать волков. Но каждый раз, когда оставалось подсчитать еще несколько волков, пожирающих не оприходованных мною овец, появлялись охотники и убивали волков. Этих охотников я был вынужден прикончить сам, так как потерял надежду заснуть, считая их вместо овец, и так как они своей стрельбой производили страшный грохот.

34

Возвращаясь в родные края, он всегда приходил к ручью и, склонившись над ним, с наслаждением рассматривал себя в воде. Каждый раз он приходил в ином мундире, и всё больше блестящих регалий отражалось в шустром потоке. Но, глядя на проворный ручей, он всегда впадал в великую печаль: ему не доставало одной и самой желанной большой звезды, тут, слева, чуть ниже сердца.

Враждующие мундиры сталкивались в потоке, а мысль, которую в нем возбуждало течение, была неизменной.

И однажды, когда сумерки уже перетекли в ночь, он увидел отражающуюся в воде звезду. Вечернюю звезду. Она сияла истинным блеском у него меж ребер.

35

«Нельзя оставлять мышление на произвол судьбы». Эта будничная фраза грохочет над нами, как глас Незримого в Ветхом Завете. Иначе говоря: можно мыслить только от пункта А до пункта В, до С, в крайнем случае до D. Если пойдешь дальше — в сторону, вверх или вниз, — то выпячивающееся тут же отсекут. А так как думаем мы головой, следовательно...

Умирают от этого нечасто — просто перестают жить.

36

Тогда на море я, видимо, был способен развлечь одних зевак. Тем, что, сидя на берегу, нервно закидывал свою удочку то туда, то сюда. Однако злые языки распустили слух, будто я садист, будто я хлыстом погоняю морских коньков.

37

Сидел я однажды в кафе. И меня охватило какое-то странное, гнетущее чувство. Верно, и вам оно знакомо. Оно не поддается определению, и мы готовы перерыть весь словарь в поисках точного названия. А сердце знало, что мне чего-то не хватает. И вот тогда кто-то ко мне подошел и спросил: «Простите великодушно, вы случайно не видели пана Леца?» Тут я заметил, что меня там не было. Мне не хватало самого себя.

38

Собачки поливают фонари, а те не растут. Однако собачки не устают их поливать в своей безудержной вере. Давайте же брать с них пример — поливать фонари нашей мечты!

39

Он обитал в расселинах, где скапливаются минуты, сэкономленные в часах. Он выпал из времяисчисления, хотя просил, чтобы его не исключали из рядов человечества. Отказ банальный: его де не существует. «Невозможно отказать несуществующему», — апеллировал его адвокат. В это время он и сбежал в резервацию логики.

40

Мой знакомый гипнотизер открыл превосходный ресторан. Сам он занимает место за стойкой и гипнотизирует посетителей, не без умысла рассажённых полукругом. Завсегдатаи заказывают изысканнейшие блюда из продуктов, которых нет на рынке, и получают всё наилучшего качества. Персонал действует четко, столовые приборы перемыть не нужно, скатерти крахмалены. Да и гости не боятся за желудки.

Позавчера, однако, произошёл конфуз. Пришёл какой-то тип и заказал скромную мамалыгу с простоквашей. Простоквашу подали тут же, но мамалыга была ещё не готова, и шеф-повар лично принёс извинения, обещав подать её через минуту. Потом пришлось перед посетителем ещё раз извиниться за то, что у них подгорела кукурузная мука. Действительно, в зале чувствовался запах гари. Но пока горел только мой знакомый — от стыда: мамалыгу так и не подали. И, покидая ресторан, возмущался лишь обиженный посетитель.

Скандал все-таки разразился. На следующий день. Все гости возвращали на кухню каплунов, пулярок, фазанов, ананасовые кремы, еврейские клецки, вопя: «Это же мамалыга! Безобразие! Позор! Над нами издеваются, что ли?!» У моего гипнотизера глаза вылезли из орбит, но мамалыга росла и ширилась и вскоре выпихнула всех из ресторана.

Полиция, разумеется, моментально закрыла ресторан в целях безопасности уличного движения.

Недавно я встретил гипнотизера на Рынке Старого Города. Стоял он около колодца, желтый как лимон, а голуби садились на его плечи, на голову, клевали прямо в лицо, все большее и раздраженнее долбили по носу. Никто не ожидал такой ярости от этих пернатых — символов кротости. Они в тревоге отлетали, но тотчас же новые стаи повторяли ту же пантомиму.

Я приблизился к нему:

— Добрый день, пан М, не перекормите голубей кукурузой!

Он посмотрел на меня с такой невыразимой признательностью и, не обращая внимания на разгневанных голубей, нежно взял меня под руку.

41

Гуляя однажды в лесочке близ Констанцина, я встретился со Страхом. Ну с обычным, самым что ни на есть живым страхом, какой вам знаком по сказкам. Я сумел с ним поговорить, хотя мешал шелест прошлогодней листвы, которую неизвестно для чего он напялил на себя.

О чем мы говорили? А о чем можно говорить со Страхом? О страшных вещах. Вообще-то я записал этот разговор в своем дневнике, но, будучи рационалистом, я не имел права своей записью легализовать такого собеседника. Он у меня закодирован так: «Разговор в лесу с зам. нач. N-ского отд. связи».

42

В пурпуре, с короной на голове, державой и скипетром в руках, он спускался по ступеням парадной лестницы. А внизу ликующая толпа выкрикивала приветствия, ожидая его,

владыку. Внезапно он наступил на краешек мантии и почувствовал, что вот-вот покатится по ступеням — а сколько их, ему уже никогда не сосчитать. И в этот момент он проснулся и почувствовал, что у него свисает с тахты лишь одна нога и он легко сползает на мягкий коврик в кабинете директора департамента. А действительность на самом деле не так уж сурова.

43

Порой я эвакуирую ее из памяти. Для бездны лет, отделяющей меня от тех дней, я вижу ее лицо достаточно четко. Но я не всегда доверяю своей памяти: вполне возможно, что какая-то подробность ее облика недостаточно верно схвачена. Увы, у меня нет ее портрета.

Но у меня есть моя фотография. Правда, ужасная: для какого-то удостоверения. Снимал меня уличный фотограф. Его заведение, подобие брезентовой кабинки, было украшено аляповатым орнаментом. Зато над головой — безоблачное южное небо. Он вставил мою голову в рамку, в какой запечатлевали еще наших предков. А напротив стояла она. И голова моя была направлена в ее сторону. И я смотрел на нее.

Я просто обязан эту фотографию увеличить. Сильно. Так сильно, как мое желание увидеть ее настоящее лицо. Ведь она должна была отразиться в моих глазах! В той брезентовой кабинке, в чистом хрусталике южного солнца. Настоящая.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Фридман. МИР СТОИТ НА ГОЛОВЕ. ПОЭТА</i>	
Очерк о жизни и творчестве С. Е. Леца	5

ЛИРИКА

Из сборника « Краски »	
Голубая	34
Темно-зеленая	35
Черная	36
Бледно-зеленая	37
Желтая	37
Осень	38
Безумие	39
На митинг	40
Сочельник	41
Из сборника « Патетические сатиры »	
Confiteor	42
Аквариум	42
Из сборника « Прогулка циника »	
О сатире	44
К Аполлону	45
Прогулка циника	46
Ночная тревога	47
Если бы я был клоуном	49
К моим правнукам	51
Мои последние фразы	51
Из сборника « Полевой блокнот »	
Песня	52
Партизанский ночлег	53
Легенда	54
Аппо 1943	54
Партизанские строки	56

СОДЕРЖАНИЕ

Под Амелином	57
Ремблов	61
Мельница над Серетом	62
В местечках	63
Завтра	64
Из сборника «Новые стихи»	
В Венском лесу	66
Над дунайской волной	67
Восстановление Кафедрального собора Святого Стефана	68
Чайки в Вене	69
День поминовения в Вене	70
В Шёнбрунне	72
В Зальцбурге	73
Моей молодости площадь	74
В кафе на улице Ринг	77
Красота Альп	79
Ветер ласкает щетинку гусеницы	82
Псалом еврея по стороне арийской	83
Мосты	84
«Зачем мне пейзаж без речи человека...»	85
Из сборника «Иерусалимская рукопись»	
В Иерусалиме	86
Ночью в квартале Бака	87
На взморье	87
«Печаль с годами легче отдывается...»	88
«Должна быть во мне ведь какая-то сила...»	89
Баллада, написанная в песках пустыни	90
«Я жив еще, хотя душа...»	91
Пора цветенья миндаля	
I. «Ничто в душе не улыбнется...»	91
II. «Осторожно! Мины!...»	92
III. «Там снег январский...»	93
Это тебе мой ответ	94
«Я рук теплоту человечью ношу постоянно...»	97
«Мне по душе люди прямые...»	97
Стихи, не пришедшие к людям	98
«Вновь на ветвях апельсины...»	98
«Звезды в твоих волосах — серебро поднебесья...»	99

Поэты	100
«Земли, которой соки бродят...»	100
Из сборника « Смеюсь и допытываюсь »	
«Смеюсь и допытываюсь: каким же...»	102
К Музе	103
Хамелеонам	103
С поезда на поезд	104
Эмигранты	105
Почему?	105
Эротика	106
«Я еще не жил своей жизнью...»	106
Колыбельная для себя	108
Ильменау	108
Гробница Перуна	109
Вдруг	109
Круги, круги на воде	110
Вопрос и ответ	111
На пальцах	111
Клочок поэмы	112
Ясным взором	112
Мыс Недоброй Надежды	113
Рай всегда за нами	114
«Не раз хоронили меня...»	114
«Ветер тростинку гнет, как девицу...»	115
Детские стишки	115
Гроздья	116
Человеческое	116
«Да и нет, да и нет...»	117
«В наличие у меня сердца...»	117
Ночи чистые	118
Из сборника « К Авелю и Каину »	
Там, где гиена	119
Муза безжалостна	119
Среди руин	119
Давно уже Троя	120
Черным по белому	120
Когда рыбы выйдут на сушу	120
Человек	121
Смотрел на всё	121

СОДЕРЖАНИЕ

А может	121
Молчите	121
В драме нашего времени	122
Их время	122
Трубачи короля	122
Косоглазие Создателя	123
Когда раздобудем гения	123
Встретился	124
Так ли	124
В каждом сне	124
Не колесовали его	125
После долгих торгов	125
Только тогда	126
Явилась Афина Паллада	126
Если поэт	127
Иным даны	127
«Быть или не быть!»	127
Иди на толкучку	128
Ветер	128
А те, что его преследовали	128
Человек двоится	128
Смерть	129
Видел эскиз	129
Не найти поэта	130
Кто рыл	130
Те, кто вывешивает	130
С ясного неба	131
Заглатываем крючки	131
На ярмарках	132
Оловянные солдатики	132
У тяжелой слезы	132
Отражаешься в слезе	133
О белье	133
Кому же ведома	134
Есть еще	134
Что думает конвоир	135
 Из сборника «Объявление о розыске»	
Кадр	136
Корни всего	136
Если яблоко падает	137

Прежде чем	137
Этот странный зверь	137
Каждый день	138
О это блаженные дни	138
Разноцветная слеза	139
Мельница	139
И что ж?	140
Заводь крови	140
Никому со мной не сравниться	141
Я здесь при корнях	141
Являются вдруг	142
Мы	142
Верность	143
Видел	143
Майской ночью	144
Тернополь 1943	145
«Звезды меня обманули...»	146
Всё	146
Из цикла « Двадцать два четверостишья »	
«И человек, как Феникс, возрождается и от стыда сгорает...»	147
«Загорелись глаза у волков — ночь спустилась не в срок...»	147
«Кто без надгробья, пусть спать не ложится...»	147
«Возвращаемся неведомо откуда и куда...»	148
«За каждым кровавым углом...»	148
Из сборника « Поэмы, готовые к прыжку »	
Поэма с просьбой	149
Поэма против отчаяния	150
Поэма с ноткой	150
Поэма, готовая к прыжку	152
Поэма просвечивающая	154
Поэма ожидания	155
Поэма о горизонтах	156
Поэма надежды	157
Что осталось от старых сказок?	159
« ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАШКИ »	161
ИЗ СБОРНИКА « ФРАШКОСБОР »	195

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ	239
НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ из записных книжек и салфеток, прочитанные по прошествии 30 лет	465
МАЛЕНЬКИЕ МИФЫ	739

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

ПОЧТИ ВСЁ

Перевод с польского

РЕДАКТОР

С. Семухина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. Сакнынь

ДИЗАЙНЕР

А. Шатунов

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Н. Овчинникова

КОРРЕКТОР

Н. Киричек

ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ

Л. Горошко

Подписано в печать 21.11.2008. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Helios». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 3000 экз. Заказ № 5576

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Агентство прав «У-Фактория»
620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 36, литер Б
Тел./факс. 8 (343) 371-32-29
E-mail: uf@ufactory.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Станислав ЕЖИ ЛЕЦ

Станислав Ежи Лец (1909 – 1960).

Поэт, Полемист, сатирик.

Мастер гениальной иронии,
которая сделала его имя известным
всему миру.

В сборник, посвященный 100-летию
выдающегося польского писателя,
вошли:

ЛИРИКА

ИЗ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ФРАНКИ

ИЗ СБОРНИКА «ФРАНКОСБОР»

ЦЕНРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

ЦЕНРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

из записных книжек и салфеток,
прочитанные по прошествию 30 лет

Почти всё

Станислав ЕЖИ ЛЕЦ

ISBN 978-5-9757-0402-3

9 785975 170402 3 >

■ КНИГА НА ВСЕ ВРЕ